

ISSN 2500-3216

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные
науки

№2

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2024

Редакционная коллегия

И. Н. Тарасов, д-р полит. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
А. А. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф., НИУ «Высшая школа экономики»;
Т. С. Волчецкая, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта; *А. А. Давиденко*,
канд. ист. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
А. А. Демичев, д-р юрид. наук, проф., Нижегородская академия МВД РФ;
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный
университет; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., НИУ «Высшая школа
экономики»; *В. Г. Кикнадзе*, д-р ист. наук, советник, Российская академия
ракетных и артиллерийских наук; *Ю. В. Костяшов*, д-р ист. наук, проф.,
БФУ им. И. Канта; *А. В. Куликов*, д-р юрид. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. Е. Лаптева, д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС при Президенте РФ;
И. А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф., Башкирский государственный
университет; *С. М. Маркедонов*, канд. ист. наук, доц., МГИМО;
А. О. Машовец, д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева; *С. Ф. Милоков*, д-р юрид. наук,
проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена; *А. В. Поляков*, д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский
государственный университет; *О. В. Попова*, д-р полит. наук, проф.,
Санкт-Петербургский государственный университет; *Е. Р. Россинская*,
д-р юрид. наук, проф., Московская государственная юридическая академия
им. О. Е. Кутафина; *Н. П. Тяньшина*, д-р ист. наук, проф., РАНХиГС
при Президенте РФ; *А. Н. Учаев*, д-р ист. наук, проф.,
Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65006 от 4 марта 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право

<i>Абрамова С.Р.</i> Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми	5
<i>Чуклина Э.Ю.</i> Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности»	14
<i>Джола В.А.</i> Использование Big Data при назначении и проведении судебно-экологических экспертиз	26
<i>Ахвердян А.Г.</i> Общеправовые принципы в современном российском праве: понятие и особенности	34

История. Исторические науки

<i>Макей А.Д.</i> «Печальное самоочарование чина»: российская пресса о деятельности комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской 1895 года	45
<i>Мутьев А.В.</i> Роль Н.А. Султан-Крым-Гирея в развитии Сокольского движения в Российской империи	61
<i>Арцуева А.С.</i> «И младотуркам не воскресить своего отечества»: русские правые и Младотурецкая революция	77

Общество и политика

<i>Требух А.Д.</i> Нематериальные факторы влияния США в странах Латино-Карибской Америки на примере индустрии развлечений	91
<i>Дружинин А.Г.</i> Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ	102
<i>Максименко А.С.</i> Этнополитическое движение саамов в Арктическом регионе: от развития до стагнации	115

CONTENTS

State and law

	<i>Abramova S.R.</i> Opportunities for Using Data on the Perpetrator in Human Trafficking Investigations	5
4	<i>Chuklina E. Yu.</i> Legislative Flaws in the Provision of Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “ Sabotage Activities Encouragement”	14
	<i>Dzhola V.A.</i> The Use of Big Data in the appointment and conduct of forensic environmental examinations	26
	<i>Akhverdyan A.G.</i> General legal principles in modern Russian law: concept and features	34

History. Historical sciences

	<i>Makey A.D.</i> “ Aspects of self-criticism”: Russian press on the activities of the commission for the revision of the Civil Service Statute in 1895	45
	<i>Mutiyeu A.V.</i> The role of N.A. Sultan-Krym-Girei in the development of the Sokolsky movement in the Russian Empire	61
	<i>Artsueva A.S.</i> “ And the Young Turks will not resurrect their fatherland”: Russian right-wingers and the Young Turk Revolution	77

Society and politics

	<i>Trebukh A.D.</i> Intangible Factors of U.S. Influence in Latin American and Caribbean Countries in the Entertainment Industry Context	91
	<i>Druzhinin A.G.</i> Dichotomies of Eurasianism: A Socio-Geographical Analysis	102
	<i>Maksimenko A.S.</i> Ethnopolitical movement of the Sámi in the Arctic region: from development to stagnation	115

С. Р. Абрамова

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ О ЛИЦЕ,
СОВЕРШИВШЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ,
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ**

Саратовская государственная юридическая академия, Россия

Поступила в редакцию 20.06.2023 г.

Принята к публикации 23.12.2023 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1

5

Для цитирования: *Абрамова С. Р.* Возможности использования данных о лице, совершившем преступление, при расследовании торговли людьми // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 5 – 13. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1.

В современном обществе борьба с торговлей людьми стала серьезной мировой проблемой. Торговля людьми относится к высоколатентным преступлениям, которые совершаются организованными транснациональными преступными группами (организациями). В связи с этим правоохранительные органы испытывают определенные трудности при выявлении, расследовании и предотвращении данных преступлений. Решение указанных проблем, в частности, может способствовать грамотное использование сотрудниками правоохранительных органов данных криминалистической характеристики. Цель исследования – на основе анализа практики расследования уголовных дел о торговле людьми рассмотреть такой элемент криминалистической характеристики торговли людьми, как данные о лице, совершившем преступление. Методологическая основа: для достижения поставленной цели автором были использованы диалектический метод, а также комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, сравнение, аналогия, системный метод и др.). Результаты: на базе исследования эмпирического материала (данных статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние пять лет, а также практики расследования уголовных дел в Российской Федерации, возбужденных по ст. 127.1 УК РФ) автором предпринята попытка построения описательной модели лица, совершающего торговлю людьми. Выводы: в РФ выявление, раскрываемость и доведение до суда преступлений по торговле людьми, которые совершаются организованными преступными группами, остается на достаточно низком уровне. Представляется, что решению обозначенной проблемы может способствовать совершенствование частной методики расследования торговли людьми, в частности построение криминалистической модели лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ.

Ключевые слова: торговля людьми, торговля несовершеннолетними, криминалистическая модель лица, совершившее преступление, криминалистическая характеристика, организованная преступность

Введение

Торговлю людьми многочисленные исследователи уже традиционно относят к категории транснациональных преступлений [1, с. 111; 2, с. 138]. Наибольшую прибыль от данного вида преступной деятельности приносят хорошо организованные и спланированные преступления, которые возможно совершить только в составе организованных преступных групп (ОПГ) (организаций). Подобные преступления связаны с вывозом потенциальной жертвы за территорию государства проживания на территорию страны, где пользуется спросом «живой товар». «Ежегодный доход от торговли людьми составляет 150 млрд долларов — это крупнейший в мире источник незаконной прибыли» [3]. Наибольшую прибыль преступники по-прежнему получают от торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации (59 %). На долю торговли людьми с целью трудовой эксплуатации приходится 34 % от всех выявленных случаев [4].

6

Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2015 г. за торговлю людьми были осуждены 38 человек, в 2016 г. — 24, в 2017 г. — 26, в 2018 г. — 18, в 2019 г. — 16, в 2020 г. — 16, в 2021 г. — 16, в 2022 г. — 11 [5].

По многочисленным оценкам экспертов, торговля людьми относится к латентным преступлениям [6, с. 65; 7, с. 245] с низкой раскрываемостью [8, с. 3] и данные официальной статистики не отражают реальную картину преступности, связанную с торговлей людьми в Российской Федерации [9]. Отсутствие реальной статистики обусловлено отчасти сложностью выявления и доказывания при расследовании преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Это нередко приводит к тому, что рассматриваемые преступные деяния квалифицируются по смежным статьям УК РФ — вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) и др.

Данные о лице, совершившем торговлю людьми

Для выявления, раскрытия и расследования преступлений существенное значение имеет использование следователем такого элемента криминалистической характеристики, как данные о лице, совершившем преступление. «Правильная оценка личности преступника позволяет понять механизм совершенного преступления, а также его действия после совершения преступления. Благодаря этой оценке следователь имеет возможность выбрать наиболее оптимальные методы и средства, которые могут помочь ему раскрыть и расследовать преступление, совершенное конкретным преступником» [10, с. 101].

«Одним из рабочих инструментов следователя в процессе расследования неочевидного преступления» является криминалистическая модель неизвестного преступника [11, с. 157–158]. По мнению Т. С. Волчецкой, «процесс создания криминалистической информационной модели личности преступника рассматривается в виде системы, включающей в себя следующие этапы. 1. Построение моделей его биологических, социаль-

ных и психологических характеристик. 2. Создание интегральной модели, содержащей все указанные свойства. 3. Коррекция модели с учетом данных криминалистической характеристики соответствующего вида преступления и типологической криминалистической характеристикой преступников» [12, с. 68].

По мнению Н.И. Малыхиной, «более правильным и точным название данной модели следует определить как криминалистическая модель лица, совершившего преступление. Структурными компонентами данной модели... должны являться социальные, биологические и психические свойства и состояния человека» [13, с. 37]. Основываясь на авторском подходе к концепции криминалистической характеристики преступлений, Н.И. Малыхина делит модели лица, совершившего преступление, на дескриптивную (описательную) и динамическую. Первая модель создается на основе эмпирических данных, вторая — в процессе расследования [13, с. 38]. При этом описательные модели могут использоваться в качестве исходных данных для создания динамических моделей, а также для формирования частных криминалистических методик [14, с. 130].

Конечно, говорить о построении «полноценной» модели личности преступника, совершившего торговлю людьми, в понимании процитированных выше авторов, в условиях, описанных нами во введении (а именно: высокой латентности, низкой раскрываемости преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ), весьма сложно. Однако позволим себе, основываясь на анализе статистики осужденных за торговлю людьми и изучении практики расследования указанных преступлений, обозначить некоторые возможности построения подобной модели (дескриптивной или описательной) лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ.

Опираясь на предложенный Н.И. Малыхиной основной подход к разработке описательных криминалистических характеристик преступлений [14, с. 131], можно 1) выделить различные комбинации групп преступников, торгующих людьми, классифицированных по следующим основаниям: по степени организованности; в зависимости от целей торговли людьми (с целью трудовой, сексуальной эксплуатации, для создания полноценной семьи и т. д.); торгующих несовершеннолетними либо взрослыми людьми; 2) установить типичные особенности, характеризующие конкретные группы преступников; 3) выявить взаимосвязь между установленными качествами данных групп преступников и иными элементами криминального события.

Торговцев живым товаром по степени организованности можно разделить на четыре группы: 1) транснациональные преступные организации, которые контролируют весь процесс торговли людьми — от вербовки жертвы до ее эксплуатации и ликвидации; 2) организованные преступные группы, которые занимаются «внутренней» торговлей людьми либо транснациональной торговлей в ограниченных масштабах (например, занимаются вербовкой и поставкой жертвы); 3) группы по предварительному сговору; 4) торговцы-одиночки.

В период с 2017 по 2021 г. по ст. 127.1 УК РФ было осуждено 92 человека, 16 из них совершили преступление в составе ОПГ (17,4%), 20 чело-

век — в группах по предварительному сговору (21,7%), 56 человек — в одиночку (60,9%). Для сравнения, согласно более ранним исследованиям российских экспертов, 80% всех осужденных торговцев совершили преступление в группе; при этом лишь 10% этих дел были квалифицированы судами как случаи организованной преступности [15, с. 52].

Членами преступных организаций и ОПГ в подавляющем случае являются лица мужского пола. Среди них могут быть жестокие и безжалостные лица, неоднократно судимые, в том числе за насильственные преступления. Так в 2017 г. среди осужденных лиц по ч. 3 ст. 127.1 УК РФ был один рецидивист и два особо опасных рецидивиста. «Если говорить о вербовщиках, то однозначно можно сказать, что это люди, обладающие развитыми коммуникативными навыками и знаниями в области психологии, в частности психологического воздействия» [16, с. 117]. В качестве вербовщиков могут выступать бывшие жертвы торговли людьми — женщины, якобы успешно работающие за границей, вернувшиеся или приехавшие навестить родных в РФ. Они хорошо ориентируются в знакомой им обстановке и выявляют девушек и молодых женщин, которые находятся в трудных жизненных ситуациях, материально нуждающихся. Если ОПГ работает под «официальным прикрытием» (туристической фирмы, агентства по трудоустройству, модельного агентства и т.д.), то среди его членов ОПГ могут быть внешне доброжелательные, обаятельные, внушающие доверие лица, обладающие организаторскими способностями, связями в соответствующих структурах, которые необходимы в том числе и для открытия соответствующей фирмы. Членами таких ОПГ могут быть иностранные граждане, в том числе лица, в прошлом имеющие гражданство РФ.

В период с 2017 по 2022 г. среди осужденных по ст. 127.1 УК РФ 80,58% (83 человека) составили граждане РФ, 19,4% (20 человек) — иностранные граждане (16,3% (15 человек) — граждане СНГ, 4,8% (5 человек) — граждане иных государств). Практически все осужденные имели постоянное место жительства; 76,7% (79 человек) совершали преступления по месту постоянного проживания, 23,3% (24 человека) совершали преступления не по месту жительства.

Поставки живого товара осуществляются, как правило, для организованных преступных групп, занимающихся организацией проституции, производством порнографии. Лица, занимающиеся производством порнографии, — это, как правило, профессиональные фотографы, режиссеры, кинооператоры. Могут иметь постоянное место работы или свою студию.

Торговля людьми с целью сексуальной или трудовой эксплуатации может осуществляться лицами по предварительному сговору. Характеризуются они в целом отрицательными жизненными установками, не имеют постоянного источника дохода, могут быть членами преступных групп, совершающих насильственные преступления, среди них могут быть как ранее судимые, так и лица, ранее не привлекавшиеся к административной и уголовной ответственности; иностранные граждане, в основном из ближнего зарубежья. Так, приговором Тимирязевского районного суда г. Москвы по пункту «г» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ были осуж-

дены ранее не судимые граждане Бородач А. А. и Олейник М. Я. Имея умысел на торговлю людьми с целью сексуальной эксплуатации, Б. А. А. и О. М. Я. вступили между собой в преступный сговор, в соответствии с которым совершили вербовку гражданки «ФИО» и перевезли ее в г. Москву под предлогом содействия якобы в легализованной трансплантации внутренних органов (почки или печени) в качестве донора на территории Российской Федерации. Были задержаны оперативными сотрудниками после совершения сделки купли-продажи в отношении гражданки «ФИО» [17].

По роду занятий и трудоспособности осужденные по ст. 127.1 УК РФ за исследуемый период распределились следующим образом: трудоспособные лица, не имеющие постоянного источника доходов составили 68,93 % (71 человек), рабочие – 12,62 % (13 человек), служащие коммерческой или иной организации – 7,76 % (8 человек), государственные или муниципальные служащие – 0,97 % (1 человек), лица, имеющие инвалидность 1-й и 2-й групп, – 2,91 % (3 человека), нетрудоспособные лица – 1,94 % (2 человека), лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, – 1,94 % (2 человека), учащиеся – 1,94 % (2 человека), лица прочих занятий – 0,97 % (1 человек).

В торговле людьми с целью изъятия у них органов для трансплантации в качестве продавцов могут выступать члены ОПГ или лица по предварительному сговору. Так, приговором Урванского районного суда в 2018 г. были осуждены Кочубей А. Е. и Шеховцов Д. Н. по п. п. «д», «ж» ст. 127.1 УК РФ. Указанные лица, действуя по предварительному сговору, передали «покупателю» С. гражданина П. за 1500000 рублей в целях изъятия у последнего органов или тканей [18]. Покупателями могут быть состоятельные больные, нуждающиеся в пересадке органов, медицинские работники, врачи, делающие операции по трансплантации органов.

Специфично выглядят на фоне преступников, торгующих людьми с целью эксплуатации, лица, осуществляющие сделки в отношении несовершеннолетних (в основном новорожденных и малолетних детей). Эти сделки чаще всего прикрываются усыновлением ребенка, что вызывает трудности при их выявлении. Исследуемые преступления могут совершаться в организованных группах или в группах по предварительному сговору. Членами данных групп являются лица, в ведении которых оказываются в силу жизненных обстоятельств несовершеннолетние (должностные лица, участвующие в процедуре усыновления): работники детских, медицинских учреждений, органов социального обеспечения и др. Как правило, это лица в возрасте от 25 до 50 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование, могут занимать руководящие должности, внешне благонадежные, с положительными жизненными установками.

От общего числа осужденных в период с 2017 по 2022 г. высшее образование имели 25,24 % (26 человек), среднее профессиональное – 26,2 % (27 человек), общее среднее – 37,8 % (39 человек), основное общее, начальное или не имели образование – 10,6 % (11 человек).

Покупателями детей в подобных случаях являются бездетные, материально обеспеченные семейные пары, желающие иметь и воспитывать ребенка. Возраст лиц, как правило, 30 лет и выше, образованные. Среди них могут быть лица, которые не имеют возможности усыновить ребенка официальным путем. «Круг таких лиц может быть достаточно широк: от иностранцев и однополых пар до людей с судимостями по тяжким и особо тяжким статьям либо страдающих наркоманией, серьезными психическими расстройствами и т. п.» [19].

Данный вид преступления «в одиночку» могут совершать родители (усыновители, опекуны). Товаром являются собственные дети либо усыновленные или взятые под опеку. Как правило, это женщины, не имеющие постоянного источника существования, нигде не работающие либо занятые низкооплачиваемым, неквалифицированным трудом, ведущие аморальный образ жизни (употребляющие наркотики или алкоголь). Они могут сдать ребенка в аренду для попрошайничества или оказания сексуальных услуг за небольшую плату. Покупателями могут быть лица, занимающиеся преступной деятельностью, попрошайничеством, изготовлением детской порнографии. Приобретают детей также для удовлетворения собственных сексуальных потребностей, трудовой эксплуатации (подростки приобретаются для работы по дому или хозяйству, в качестве няньки или сиделки и пр.).

Среди торговцев детьми могут быть женщины, которые ведут внешне добропорядочный образ жизни, но оказавшиеся в трудной жизненной ситуации: многодетные матери, оставшиеся без источника существования, молодые незамужние женщины, не желающие по тем или иным причинам иметь ребенка, и пр. Поиск покупателей они могут вести самостоятельно. Так, Луиза Гаджиева, уроженка Дагестана, мать двоих детей, будучи беременной на 8-м месяце, разместила информацию в соцсетях о продаже еще не родившегося ребенка. Договорившись о сделке, прибыла в Москву, где в одной из больниц родила девочку. Девятого октября 2020 г. была задержана сразу после продажи ребенка оперативными сотрудниками. Приговорена к 4 годам лишения свободы по п. п. «б, з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ [20].

Беременные и роженицы могут вербоваться членами преступных групп для дальнейшей продажи новорожденных. Так, судом Центрального района г. Тулы осужден по ст. 152 УК РФ главный врач Щёкинской больницы Р. Р. Карагулян, склонявший беременных женщин к передаче рожденных ими детей другим лицам за денежное вознаграждение [21, с. 10]. Примерно по такой же схеме действовали медики в Северной Осетии. Следователям удалось установить 12 случаев продажи детей [22].

В 2017–2022 гг. преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ, было совершено 61 женщиной (66,3 % от общего числа осужденных). Среди осужденных женщин 2 были беременны, 6 – воспитывали детей до 3 лет.

Осужденные по ст. 127.1 УК РФ за 2017–2021 гг. в возрасте от 30 до 49 лет составили 49,51 % (51 человека), от 18 до 24 лет – 22,33 % (23 человека), от 25 до 29 лет – 23,3 % (24 человек), 50 лет и старше – 4,85 % (5 человек).

Выводы

Как уже отмечалось, качество и масштабы распространения торговли людьми в мире и РФ свидетельствуют о том, что львиная доля сделок по торговле людьми осуществляется хорошо организованными преступными группами (организациями). Однако в исследуемый период осужденные лица, которые совершили преступление в составе ОПГ, составили только 17,4 % от общего числа осужденных. Анализ практики расследования уголовных дел, возбужденных по ст. 127.1 УК РФ, показал, что при совершении сделок по торговле людьми организованными преступными группами (организациями), фигурантами уголовных дел становятся «продавец» и «покупатель». То есть на скамью подсудимых попадают преступники-одиночки, а деятельность остальных участников ОПГ остается неустановленной или недоказанной. Очевидно, что правоохранительные органы испытывают трудности при выявлении и расследовании этого криминального явления, требующие совершенствования законодательства, методики выявления и расследования торговли людьми и методики расследования транснациональных преступлений. Представляется, что одним из направлений совершенствования указанных методик является построение криминалистической модели лица, совершившего преступление, которое предусмотрено ст. 127.1 УК РФ.

Список литературы

1. Пихов А. Х.-А. Транснациональная преступность: система понятий // Вестник Московского университета МВД России. 2017. №6. С. 109–113.
2. Шалагин А. Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. №3. С. 138–141.
3. Доклад ООН: пандемия усугубила угрозу торговли людьми, особенно для женщин и девочек. 2020. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1387132> (дата обращения: 20.07.2022).
4. Торговля людьми – инструмент, используемый вооруженными группами для финансирования деятельности, стимулирования вербования: доклад Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2019/January/> (дата обращения: 20.07.2022).
5. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Единый отчет о преступности. Сведения за 2017–2022 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 20.05.2023).
6. Гусейнов Т. А. Личность преступника, совершившего преступление, связанное с торговлей людьми // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 5-2. С. 64–70.
7. Рогова И. Г. Проблемы первоначального этапа расследования торговли людьми // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 245–246.
8. Калужный А. Н. Общая методика расследования преступлений против свободы личности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Орел, 2022.

9. По данным Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, регистрируется лишь одно из девяти преступлений, совершенных в сфере торговли людьми // Бизнес на насилии: почему торговля людьми в России и мире не уменьшается. URL: <https://wcons.net/novosti/biznes-na-nasilii-pochemu-torgovlja-ljudmi-v-rossii-i-mire-ne-umenshaetsja/> (дата обращения: 20.05.2021).

10. Подольный Н. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. №3. С. 100–104.

11. Сибилькова А. В. Криминалистическое моделирование личности неизвестного преступника // Актуальные проблемы российского права. 2016. №3 (64). С. 152–160.

12. Волчецкая Т. С. Современные проблемы моделирования в Криминалистике и следственной практике : учеб. пособие. Калининград, 1997.

13. Малыхина Н. И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

14. Малыхина Н. И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы : монография / под ред. А. Ф. Волынского. М., 2016.

15. Ароновиц А., Тойерманн Г., Тюрюканова Е. Анализ торговли людьми как бизнес-модели: путь к более эффективному предотвращению преступления. Австрия, 2011.

16. Кузнецова И. И., Пимакова О. Г. Криминологическая и психологическая характеристика личности торговли людьми // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №4 (35). С. 114–119.

17. Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы (уголовное дело 01-0046/2017 г.).

18. Приговор Урванского районного суда №1-117/2018 от 16.10.2018 г. по делу №1-117/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.03.2020).

19. Силуянова Ю. А. Борьба с торговлей детьми в России: поиски решения проблемы // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-torgovley-detmi-v-rossii-poiski-resheniya-problemy/viewer> (дата обращения: 16.06.2023).

20. Вынесен приговор женщине, пытавшейся продать свою новорожденную дочь // Прокуратура города Москвы. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=66055268 (дата обращения: 16.09.2022).

21. О состоянии исполнения законодательства при усыновлении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и практика прокурорского надзора : информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ 2004.

22. Детей в роддоме превратили в товар. В Северной Осетии накрыли сеть врачей, продававших новорожденных. URL: <https://www.mk.ru/incident/2013/04/07/837590-detey-v-roddome-prevratili-v-tovar.html> (дата обращения: 16.05.2023).

Об авторе

Светлана Рамильевна Абрамова – канд. юрид. наук, доц., Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия.

E-mail: Abramovast@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0001-5021-4870>

S. R. Abramova

OPPORTUNITIES FOR USING DATA ON THE PERPETRATOR
IN HUMAN TRAFFICKING INVESTIGATIONS

Saratov State Law Academy, Russia

Received 20 June 2023

Accepted 23 December 2023

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1

To cite this article: Abramova S.R. 2024, Opportunities for Using Data on the Perpetrator in Human Trafficking Investigations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 5–13. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-1.

13

*In contemporary society, the fight against human trafficking has become a significant global issue. Human trafficking is considered a highly latent crime, often perpetrated by organized transnational criminal groups (organizations). Consequently, law enforcement agencies face certain challenges in detecting, investigating, and preventing these crimes. Addressing these issues can be facilitated by the competent use of criminalistic characteristics by law enforcement personnel. The aim of this study is to analyze the practice of investigating criminal cases of human trafficking and to examine the element of the criminalistic characteristics of human trafficking, specifically the data on the individual who committed the crime. **Methodological Basis:** To achieve this goal, the author employed the dialectical method, as well as a range of general scientific and special methods of scientific cognition (analysis, comparison, analogy, systemic method, etc.). **Results:** Based on the analysis of empirical material (statistics from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation over the past five years, as well as the practice of investigating criminal cases in the Russian Federation under Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), the author attempts to construct a descriptive model of the individual committing human trafficking. **Conclusions:** In the Russian Federation, the detection, solvability, and prosecution of human trafficking crimes committed by organized criminal groups remain at a relatively low level. It appears that improving the specific methodology for investigating human trafficking, particularly by constructing a criminalistic model of the individual committing the crime as stipulated in Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, may help address this problem.*

Keywords: human trafficking, trafficking in minors, criminalistic model of the person who committed the crime, criminalistic characteristics, organized crime

The author

Dr. Svetlana R. Abramova, Associate Professor of the Department of Criminology, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

E-mail: Abramovasr@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0001-5021-4870>

Э. Ю. Чуклина

НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ НОРМЫ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 281.1 УК РФ
«СОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

14

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия
Поступила в редакцию 21.09.2023 г.
Принята к публикации 09.04.2024 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2

Для цитирования: Чуклина Э. Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 14–25. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2.

В последнее время Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации пополняется нормами, предусматривающими ответственность за приготовление к другому преступлению и формы соучастия в совершении другого преступления. Такие нормы в доктрине называют уголовно-правовыми нормами с двойной превенцией, так как они призваны предупреждать иные, как правило, более тяжкие преступления. В 2022 г. повышенная угроза диверсий на территории России обусловила введение ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности, по аналогии со ст. 205.1 УК РФ. В статье с помощью формально-юридического метода, метода сравнительного анализа, анализа качественных (приговоры) и количественных (статистика) данных выявлены технико-юридические недостатки новеллы, которые могут усложнить квалификацию и воспрепятствовать эффективному предупреждению диверсии. В частности, отмечается «перегруженность» ч. 1 ст. 281.1 УК РФ альтернативными действиями и избыточность специальной криминализации пособничества в совершении диверсии. По итогам анализа нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, предложена ее новая редакция, включающая разделение подготовительных и вспомогательных действий по разным частям статьи, а также новое определение финансирования диверсионной деятельности.

Ключевые слова: содействие диверсионной деятельности, криминализация, двойная превенция, предупреждение диверсии

Одним из трендов современной уголовно-правовой политики, как верно отмечает С. В. Шевелева, является криминализация специальных форм соучастия в Особенной части УК РФ [36]. В пояснитель-

ных записках законодатель в качестве обоснования введения новелл прямо указывает на необходимость предупреждения других преступлений.

В юридической литературе формы соучастия трактуют как способ взаимодействия, степень сплоченности и соорганизованности соучастников преступления [25, с. 85]. Как правило, к формам соучастия относятся объединения участников, перечисленные в ст. 35 УК РФ [20, с. 4; 29, с. 173], однако многие авторы предлагают рассматривать в качестве них также соучастие с распределением ролей, предусмотренных ст. 33 УК РФ [12, с. 162; 27, с. 131]. Достоинство такого подхода заключается в учете всех вариантов способа взаимодействия соучастников в совершении преступления.

Кроме того, доктрина разделяет формы соучастия *sui generalis*, установленные в гл. 7 Общей части УК РФ, и формы соучастия особого рода (*sui generis*), предусмотренные отдельными нормами Особенной части УК РФ [4, с. 96; 18, с. 111]. Соучастие особого рода называют иногда необходимым соучастием ввиду того, что оно становится обязательным признаком состава преступления [10, с. 107].

Отправной точкой формирования тенденции криминализации в качестве самостоятельных преступлений форм соучастия особого рода следует считать 2002 г., когда были приняты ст. 205.1 УК РФ, запрещающая сразу несколько форм содействия террористам (вовлечение лиц в совершение преступлений террористической направленности, вооружение и обучение, финансирование акта терроризма или террористической организации), и ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, действие которых распространялось на все экстремистские объединения, включая террористические.

Интересно, что Комитет Государственной думы по законодательству дал отрицательное заключение по законопроекту, предлагающему ввести ст. 205.1 УК РФ, указав на то, что поправка создаст неоправданную конкуренцию с нормами Общей части УК РФ о соучастии [5].

Совершенные на транспорте в 2009–2010 гг. террористические акты обнажили недостатки в системе выявления террористических угроз [32], в связи с чем президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым был внесен законопроект, усиливающий ответственность террористов и их пособников [23]. По мнению Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, данный шаг должен был существенным образом усложнить террористам задачу поиска помощников [31].

Однако и это предложение получило отрицательные отзывы. Так, по мнению Правительства РФ и Верховного суда РФ, изменения вызовут конкуренцию нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, с нормой ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (ныне также ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) в части вооружения и подготовки лиц [26, с. 98].

Несмотря на критику научного сообщества, органов исполнительной и судебной власти относительно криминализации специального соучастия, законодатель продолжил опираться на уголовный закон как на основной инструмент предупреждения преступлений против национальной безопасности. В декабре 2022 г. были приняты нормы, направленные на противодействие диверсии [33], которые скопированы с «антитерро-

ристических» норм, предусмотренных ст. 205.1 – 205.4 УК РФ. Поскольку главным предназначением норм, предусмотренных ст. 281.1 – 281.3 УК РФ, является предупреждение диверсии посредством установления уголовной ответственности за приготовительные и вспомогательные действия, их следует признать нормами с двойной превенцией.

На первый взгляд, более простым путем было бы включить диверсию в перечень преступлений террористической направленности, чтобы охватить все способы приготовления и поддержки совершения диверсий ст. 205.1 УК РФ.

Фактически разграничить диверсию и террористический акт довольно сложно, оба преступления посягают на национальную безопасность. Террористический акт может быть совершен диверсионно-разведывательной группой, а не только членами террористической ячейки, равно как и диверсия может повлечь дестабилизацию работы органов власти и жертвы среди гражданского населения. Однако в доктрине данные преступления принято разграничивать прежде всего по целям: в отличие от теракта цель диверсии состоит в подрыве экономической безопасности и обороноспособности страны путем физического повреждения или уничтожения конкретных объектов. Террористы в качестве конечной цели преследуют воздействие на деятельность и решения органов власти посредством запугивания населения и иных насильственных методов.

В этой связи включение диверсии в перечень преступлений террористической направленности подведет все случаи поддержки и приготовления к совершению диверсии под ст. 205.1 – 205.4 УК РФ, что будет способствовать размыванию границ между террором и саботажем.

При этом законодатель не ставит четкие границы между диверсионной деятельностью и непосредственно диверсией, запрещенной ст. 281 УК РФ. Так, в ст. 281.1 УК РФ содействием диверсионной деятельности признаются различные действия, которые могут способствовать совершению исключительно диверсии: вовлечение, вооружение, подготовка лиц, пособничество, организация совершения преступления. Исходя из названия ст. 281.2 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности», диверсия является элементом диверсионной деятельности. Однако использование разделительного союза «либо» в диспозиции данной нормы и нормы ст. 281.3 УК РФ свидетельствует о самостоятельности и независимости этих понятий.

Если понятие «террористическая деятельность» раскрыто федеральным законом, то дефиниция диверсионной деятельности ни в нормативно-правовых актах, ни в доктрине не предусмотрена. В литературе, преимущественно по историческим наукам, диверсионная деятельность рассматривается исключительно как действия на территории противника в период военного конфликта [3; 13]. Представляется оптимальным вариантом рассматривать диверсионную деятельность как родовое понятие, охватывающее организацию, подготовку и совершение диверсии, а также иных, непосредственно связанных с диверсией преступлений. В каждой конкретной норме в зависимости от признаков деяния содержание диверсионной деятельности следует уточнять путем перечисления статей Особенной части УК РФ.

В условиях приграничного вооруженного конфликта актуальность предупреждения диверсий, в том числе посредством норм с двойной превенцией, возрастает. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г. на территории России зафиксировано рекордное число диверсий (23) как минимум за последние семь лет, преимущественно в прифронтовых регионах страны [30].

Следует согласиться с В.Н. Шихановым в том, что криминализация специальных форм соучастия обоснована, с одной стороны, необходимостью противодействовать преступлениям, совершаемым организованными преступными группировками, напоминающим производственный процесс (приготовление, разработка вариантов взаимодействия, совершение преступления), и имплементацией положений международно-правовых актов – с другой. Поэтому, несмотря на недостатки юридической техники, криминализационная логика у законодателя присутствует [37].

Вместе с тем норма, предусмотренная ст. 205.1 УК РФ, содержит существенные недостатки, которые были экспортированы в ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности».

Наиболее очевидной проблемой законодательной конструкции данной нормы является объединение в одном составе преступления нескольких альтернативных действий, которые либо слишком различны по своему характеру, либо, наоборот, являют собой разновидность одного и того же деяния. Так, в ч. 1 ст. 281.1 УК РФ предусмотрена ответственность за специальные формы подстрекательства (склонение, вовлечение и иное вовлечение) и пособничества (вооружение и подготовка лица в целях совершения диверсии), а также финансирование диверсии. Такой законодательный «винегрет» не учитывает специфику каждого преступного действия, усложняет квалификацию содеянного и индивидуализацию наказания.

Примечание к ст. 281.1 УК РФ повторяет определение финансирования в ст. 205.1 УК РФ, которое является довольно пространным и включает различные действия, связанные с денежными средствами и оказанием финансовых услуг, предоставлением движимых и недвижимых вещей. Однако данная дефиниция финансирования нуждается в корректировке.

В ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. к средствам финансирования относятся «активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них» [16]. Термин «активы» характерен для экономической науки и в самом упрощенном варианте представляют совокупность материальных и нематериальных благ, имеющих стоимостную ценность и/или приносящих либо способных в будущем приносить доход их обладателю [8, с. 207].

Свод законов США в гл. 113В предусматривает ответственность за терроризм, в том числе такие формы содействия ему, как оказание террористам материальной поддержки и финансирование терроризма. Первое означает передачу любого имущества (включая валюту, денежные ин-

струменты или финансовые ценные бумаги, жилье, поддельные документы или удостоверение личности, коммуникационное оборудование, сооружения, оружие, смертоносные вещества, взрывчатые вещества, транспорт, за исключением лекарств или религиозных материалов), а также оказание услуг и предоставление персонала (финансовые услуги, обучение, консультации экспертов). Второе определение повторяет конвенциональную дефиницию, и поэтому финансирование терроризма в американском праве рассматривается как разновидность материальной поддержки терроризма, что с содержательной точки зрения логично. Однако неясно, каким образом оказание консультационных услуг и обучение относятся к материальной поддержке.

18

Е. В. Коновалова отмечает, что, хотя и редко, но в российской судебной практике встречается квалификация в качестве финансирования терроризма передача средств вооружения и других предметов для оружия, например оптических навесных приборов [14, с. 97]. В п. 15 ППВС от 09.02.2012 г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под вооружением понимается снабжение лиц оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и т. п. Иными словами, вооружение по смыслу ст. 205.1 УК РФ — это действие по передаче оружия, боеприпасов, боевой техники и других предметов, которые определяет правоприменитель на свое усмотрение, поскольку перечень оставлен открытым. Нормативно-правовые акты определяют вооружение как комплекс различных видов оружия и средств его боевого применения (средства доставки и носители, системы наведения, пуска, управления и т. д.), предназначенные для поражения живой силы, техники, сооружения и других объектов, а также боеприпасы, запчасти, приборы и комплектующие изделия к ним, учебное оружие [22; 34].

В этой связи законодательная конструкция нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, вызывает как минимум два вопроса: 1) как следует квалифицировать предоставление средств боевого применения оружия и приборов для него, к примеру оптических прицелов — как вооружение или финансирование? 2) зачем указывать отдельно незаконное вооруженное формирование, которое согласно ч. 5 ст. 37 УК РФ может существовать в форме организованной группы или преступного сообщества (организации)?

В связи с тем что судебная практика по ст. 281.1 УК РФ еще не сложилась, были проанализированы 120 приговоров по ст. 205.1 УК РФ, вынесенные Южным окружным военным судом в 2012—2021 гг.

Из 120 приговоров 4 вынесены в отношении организаторов финансирования терроризма. В двух случаях по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ квалифицировано размещение в Интернете призыва о сборе денежных средств для террористической ячейки, в других двух случаях — сбор денежных средств под видом благотворительной деятельности. При этом согласно п. 1 примечания к ст. 205.1 УК РФ финансированием терроризма считается предоставление или сбор средств, то есть фактически правоприменитель приравнивает организацию финансирования и сбор средств для поддержки терроризма. Ситуацию осложняет отсутствие разъяснения Верховного суда РФ и аналитики ученых о том, что следует понимать

под организацией финансирования терроризма. Вероятно, законодатель при формулировке примечания имел в виду под сбором поиск и аккумуляцию средств по собственной инициативе или по поручению другого лица.

С аналогичной проблемой может столкнуться правоприменитель в отношении финансирования диверсии, так как дефиниции идентичны.

В целях устранения возникающих сомнений и противоречий при квалификации финансирования диверсии предлагается определить финансирование как «аккумуляцию или предоставление наличных и безналичных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, имущественных прав независимо от способа их приобретения, с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений... либо обеспечения деятельности диверсионного сообщества».

Такое определение позволяет квалифицировать в качестве финансирования диверсионной деятельности перевод криптовалюты, которая согласно ст. 128 ГК РФ и ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [35] не является денежными средствами, но относится к иному имуществу, а также передачу вещных, обязательственных, имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Поскольку оружие, средства его боевого применения, приборы и комплектующие на него, боеприпасы относятся к объектам гражданских прав, хотя и ограниченных в обороте, их передача диверсантам также будет охватываться финансированием диверсионной деятельности.

Под организацией финансирования следует понимать инициацию сбора денежных средств и иного имущества, распределение ролей и координацию участников: кто и как занимается поиском «спонсоров», кто и где хранит переданные средства, какой способ перевозки или перевода средств в случае их безналичной формы, формат передачи прав.

Ученые критикуют формулировку определения пособничества в ст. 205.1 УК РФ, которая практически слово в слово повторяет дефиницию пособника в ч. 5 ст. 33 УК РФ [1, с. 71; 21, с. 48], сместив акцент с деяния на участника (пособника), а также фактически объединив пособничество и прикосновенность к преступлению [6, с. 5; 19, с. 71].

Данное заранее обещание придает уверенность преступнику в том, что он сможет избежать наказания за террористический акт, диверсию или другое тяжкое преступление [15, с. 106]. Обещание помощи после совершения носит более абстрактный и вероятностный характер, когда потенциальные преступники могут только надеяться избежать ответственности благодаря другому лицу. Соответственно, общественная опасность заранее данного обещания выше заранее не обещанного укрывательства, что законодатель не учитывает в ч. 3 ст. 205.1 и ч. 3 ст. 281.1 УК РФ. По мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, разработчики закона намеренно создали новое понятие пособничества, объединившее его традиционный вид и прикосновенность [9, с. 44], чтобы усилить ответственность и в отношении лиц, присоединившихся после совершения преступления.

Следует заметить, что норма, предусмотренная ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, крайне редко применяется на практике (табл.) [28]. Из 120 изученных приговоров по ст. 205.1 УК РФ только в одном вменяется пособничество в соответствии с ч. 3 ст. 205.1 УК РФ: обещание на деньги другого лица, участвующего в подготовке террористического акта, приобрести средства связи для тайного общения. Суд назначил пособнику, давшему обещание, но так и не выполнившему его, более строгое наказание, чем лицу, которое готовилось совершить теракт [24].

Число осужденных по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ

Год	По основной статье	Дополнительная квалификация
2013	1	0
2014	0	0
2015	2	2
2016	0	0
2017	0	3
2018	5	0
2019	3	0
2020	2	0
2021	1	0
2022	0	0

Можно предположить, что такая же участь ожидает норму, предусмотренную ч. 3 ст. 281.1 УК РФ.

В отличие от подстрекателя и пособника организатор планирует совершение преступления, распределяет роли и координирует действия остальных соучастников [17, с. 124]. Доктрина давно признает, что деятельность организатора является наиболее общественно опасной среди других видов соучастия [2, с. 96; 7, с. 9; 11, с. 10], однако назначение справедливого наказания организатору совершения преступления возможно только в рамках индивидуализации наказания, что не всегда реализуется. Следовательно, выделение специального состава преступления за организацию диверсии с установлением повышенных санкций можно признать обоснованным.

Пособник же — второстепенная фигура, поэтому справедливое наказание для него в полной мере можно обеспечить индивидуализацией наказания в соответствии со ст. 67 УК РФ, в рамках ответственности за финансирование и подготовку лица к диверсионной деятельности по ст. 281.1 УК РФ, а также как заранее не обещанное укрывательство (ст. 316 УК РФ) — в зависимости от содеянного.

Несмотря на то что подготовка лица в целях совершения преступления близка по содержанию к интеллектуальному пособничеству, представляется, что данное деяние сложнее и не ограничивается дачей советов и указаний (обучение, тренировки), а включает также психологическую и идеологическую обработку лица. В этой связи рекомендуется в рамках ст. 281.1 УК РФ выделить самостоятельную норму, запрещающую подготовку лица в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 281 и 281.3 УК РФ, в качестве корреспондирующей норме ст. 281.2 УК РФ.

Следует заметить, что ст. 281.1 УК РФ скопирована со ст. 205.1 УК РФ в ограниченном виде, в частности не предусмотрена ответственность за

вовлечение в прохождение обучения и в диверсионное сообщество, подготовка лица в целях создания диверсионного сообщества или участия в нем.

Представляется, что это упущение законодателя, которое, вероятно, будет исправлено в будущем в связи с выявлением фактов вербовки в диверсионные группировки и обучения лиц формированию таких объединений. Установление ответственности за указанные деяния целесообразно, поскольку они не просто участвуют в приготовлении к конкретному преступлению, а служат источником криминальных кадров, способных выполнять наиболее сложные и опасные диверсионные задачи.

С учетом всех предложенных изменений норма, предусмотренная ст. 281.1 УК РФ, будет выглядеть следующим образом:

«Статья 281.1 Содействие осуществлению диверсионной деятельности

1. Склонение, вербовка и иное вовлечение в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 281, 281.2 и 281.3 УК РФ, наказываются...

2. Финансирование диверсионной деятельности, наказывается...

3. Подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 281 и 281.3 УК РФ, наказывается...

4. Организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, частями второй и третьей настоящей статьи, наказывается...

Примечания. 1. Под финансированием диверсионной деятельности в настоящем Кодексе понимается аккумуляция или предоставление наличных и безналичных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, имущественных прав независимо от способа их приобретения, с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281, частями первой, третьей и четвертой настоящей статьи, статьями 280.4 (публичные призывы к совершению диверсии), 281.2 и 281.3 УК РФ либо для обеспечения деятельности диверсионного сообщества».

Таким образом, в целях устранения недостатков законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, предлагается: 1) скорректировать формулировку нормы, учитывая, что диверсионная деятельность — родовое понятие; 2) разделить по частям статьи ответственность за различные по своему характеру формы соучастия особого рода — вовлечение, финансирование, подготовку лица, организацию совершения преступления; 3) криминализировать вовлечение в прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности и в диверсионное сообщество, подготовку лица в целях создания диверсионного сообщества или участия в нем, организацию подготовки диверсантов; 4) декриминализировать пособничество в совершении диверсии.

Публикация подготовлена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты», № 2 р. проекта 122020100350-2.

Список литературы

1. *Абисова К. С.* О несистемности законодательства в сфере противодействия террористической деятельности // *Философия права.* 2021. №4 (99). С. 68–72.
2. *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. М., 2013.
3. *Веригин С. Г.* Разведывательно-диверсионная деятельность финской дальной разведки в 1941–1944 гг. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* 2019. Вып. 21 (1) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2019. С. 136–145.
4. *Горемычкин И. В.* Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Заключение по проекту федерального закона №97528-3 «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/7FB45584-11F6-4B75-A356-588A712DC6F4> (дата обращения: 03.08.2024).
6. *Зарубин А. В.* Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // *Криминалистика.* 2017. №2 (21). С. 3–5.
7. *Захарян Г.* Соучастие и индивидуализация наказания // *Советская юстиция.* 1989. №5. С. 9–11.
8. *Игнатъева Е. А.* О соотношении понятий «актив», «собственность», «имущество» в российском праве // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 5. Юриспруденция. 2011. №2. С. 204–209.
9. *Иногамова-Хегай Л. В.* Концепция конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М., 2019.
10. *Кантимир А. И.* Объективные и субъективные признаки необходимого соучастия в преступлении // *Общество и право.* 2010. №5 (32). С. 107–112.
11. *Качалов В. В.* Организатор преступления в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
12. *Клименко Ю. А.* Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // *Lex Russica.* 2016. №5 (114). С. 156–168.
13. *Кокошин А. А.* Разведывательная и разведывательно-диверсионная деятельность нацистской Германии перед нападением на СССР // *Вестник Московского университета.* Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. №4. С. 113–139.
14. *Коновалова Е. В.* Анализ финансирования терроризма как преступного деяния в российском уголовном праве // *Вестник Московского государственного областного университета.* Сер.: Юриспруденция. 2022. №3. С. 92–99.
15. *Коровин Е. П.* Содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и институт соучастия: вопросы соотношения // *Современные проблемы уголовной политики : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т.* Краснодар, 2015. Т. 2. С. 104–108.
16. *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 г.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 25.03.2023).
17. *Молчанов Д. М.* Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. Т. 16, №12 (133). С. 118–133.

18. *Некоз А. С.* Подстрекательство sui generis: понятие и виды // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. №2. С. 109–117.

19. *Некрасова А. А.* Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. №4 (58). С. 69–72.

20. *Ображиев К. В.* Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. №4 (60). С. 4–13.

21. *Пикуров О. Н.* Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве // Lex Russica. 2018. №7 (140). С. 39–53.

22. *Положение* о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники, разработки, производства, испытания, хранения, реализации и утилизации боеприпасов (за исключением указанной деятельности, осуществляемой воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации и войск национальной гвардии Российской Федерации, в случае, если осуществление указанной деятельности предусмотрено их учредительными документами), утв. постановлением 23. Правительства от 21.12.2021 г. №2386 // Официальный интернет-портал правовой информации. (www.pravo.gov.ru) 29.12.2021 г. №0001202112290005. URL: <https://base.garant.ru/403324254/?ysclid=lzedq05q5i126240280> (дата обращения: 03.08.2024).

23. *Президент* внес в Госдуму законопроект, усиливающий уголовную ответственность лиц, причастных к терроризму. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8372> (дата обращения: 24.03.2023).

24. *Приговор* Южного окружного военного суда 2017 г. в отношении А. А. ПANOVA и М. Н. Смышляева // Архив Южного окружного военного суда.

25. *Рогов Е. В., Забавко Р. А.* Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2022. №12 (5). С. 82–93.

26. *Саблина М. А.* Разграничение ролей исполнителя и пособника: закон и правоприменение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. №1. С. 91–104.

27. *Самуратова А. У.* Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, №10А. С. 126–133.

28. *Сводные* статистические данные о судимости в России за 2013–2022 гг. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 21.09.2023).

29. *Священюк Н. И.* Формы соучастия в преступлении по УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №9. С. 173–177.

30. *Серков Д., Ламова Е.* В России в два раза выросло количество преступлений против военной службы. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2023/63cfa819a7947fa6cb1eec2> (дата обращения: 04.04.2023).

31. *Стенограммы* обсуждений законопроекта №408302-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/408302-5> (дата обращения: 24.03.2023).

32. *Теракты* на транспорте в России (2009–2010 г.). Справка. URL: <https://ria.ru/20100329/216981517.html> (дата обращения: 24.03.2023).

33. *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от

29.12.2022 г. №586-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. 29.12.2022. №0001202212290038. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/?ysclid=lzedsublx483342266 (дата обращения: 03.08.2024).

34. *О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами* : федер. закон от 19.07.1998 г. №114-ФЗ // Российская газета. 1998. №138.

35. *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федер. закон от 31.07.2020 г. №259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №31, ч. 1. Ст. 5018.

36. *Шевелева С. В.* Трансформация уголовного законодательства на современном этапе. URL: <https://youtu.be/g0w2kWsLiRU> (дата обращения: 17.02.2023).

37. *Шиханов В. Н.* Опыт конструирования составов преступлений террористической и экстремистской направленности в УК РФ 1996 года: достоинства и недостатки // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2021. С. 103 – 110.

Об авторе

Элена Юрьевна Чулкина – науч. сотр., Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8313-3199>

E. Yu. Chuklina

LEGISLATIVE FLAWS IN THE PROVISION OF ARTICLE 281.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION “SABOTAGE ACTIVITIES ENCOURAGEMENT”

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Received 21 September 2023

Accepted 09 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2

To cite this article: Chuklina E. Yu. 2024, Legislative Flaws in the Provision of Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “ Sabotage Activities Encouragement”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 14 – 25. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2.

Recently, the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented with provisions that establish liability for preparation for another crime and forms of complicity in committing another crime. In doctrine, such provisions are referred to as criminal law norms with dual prevention, as they are designed to prevent other, typically more serious, offenses. In 2022, the heightened threat of sabotage within Russia led to the introduction of Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes criminal li-

ability for aiding and abetting sabotage activities, analogous to Article 205.1 of the Criminal Code. Using formal-legal methods, comparative analysis, and the analysis of qualitative (court rulings) and quantitative (statistics) data, the article identifies the technical-legal shortcomings of this new provision, which may complicate qualification and hinder the effective prevention of sabotage. Specifically, it highlights the “overload” of part 1 of Article 281.1 of the Criminal Code with alternative actions and the redundancy of special criminalization of aiding in the commission of sabotage. Based on the analysis of the provision stipulated in Article 281.1 of the Criminal Code, a new version is proposed, which includes the separation of preparatory and auxiliary actions into different parts of the article, as well as a new definition of financing sabotage activities.

Keywords: promotion of sabotage activities, criminalization, double prevention, sabotage prevention

The author

Elena Yu. Chuklina, Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8313-3199>

В. А. Джола

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ BIG DATA ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 19.12.2023 г.

Принята к публикации 05.03.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-3

26

Для цитирования: Джола В. А. Использование Big Data при назначении и проведении судебно-экологических экспертиз // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 26–33. doi: 10.5922/ sikhfu-2024-2-3.

Исследуются современные проблемы и вопросы, связанные с применением судебно-экологической экспертизы в рамках предварительного расследования, а также оценивается ее роль в правоприменительной деятельности. В рамках проведенного исследования были сформулированы и предложены основные задачи судебно-экологической экспертизы на современном этапе, а также выделены ее особенности и определены проблемы несовершенства текущего методологического обеспечения рассматриваемого вида судебных экспертиз. На основании анализа эмпирического материала и данных правоприменительной практики была определена проблема недостаточной информированности следователей и дознавателей о текущих перспективах использования специальных знаний при расследовании экологических преступлений. Для решения выявленных проблем и оптимизации всего процесса расследования указанной группы уголовных дел предложены меры по внедрению в деятельность сотрудников правоохранительных органов и экспертных учреждений технологий на основе использования больших данных (Big Data).

Ключевые слова: судебно-экологическая экспертиза, экологические преступления, специальные знания, предварительное расследование, большие данные

С каждым днем уровень загрязнения окружающей среды увеличивается, что приводит к серьезным последствиям для здоровья людей и для экосистемы в целом. В связи с этим вопросы экологической безопасности становятся все более важными, и расследование экологических преступлений играет ключевую роль в предотвращении дальнейшего ухудшения состояния защищенности окружающей среды.

Судебно-экологическая экспертиза имеет решающее значение при расследовании экологических преступлений, поскольку она является одним из основных инструментов, способствующих обнаружению и определению следов такого преступления в окружающей среде и их источников, а также позволяет оценить степень ущерба, нанесенного

экосистеме и здоровью людей. Понимание целей судебно-экологической экспертизы важно для эффективного расследования указанной группы преступлений.

Часть экспертов выделяют судебно-экологическую экспертизу как род судебных экспертиз, при этом другая рассматривает ее как класс судебных экспертиз, но, несмотря на продолжающиеся дискуссии, она прочно заняла свое место в криминалистической науке и практической деятельности, что подтверждается включением в 2012 г. Министерством юстиции Российской Федерации данной экспертизы в ведомственный Перечень родов (видов) судебных экспертиз как самостоятельного рода [7].

Судебно-экологической экспертизой как таковой можно считать исследование, основной целью которого ставится установление точного соответствия между полученным объектом и требованиями экологического законодательства, дающего возможность понять информацию о характере, объеме, типе и степени негативного антропогенного воздействия на природную среду или ее отдельные объекты. Таким образом, результатом проведения данной экспертизы ставится определение взаимосвязей между совершенным общественно опасным деянием и преступной деятельностью конкретного лица или лиц, и ее характера [14].

На основании анализа большого числа информации, полученной из отечественных и зарубежных источников, можно составить систему задач судебно-экологической экспертизы, при этом сформулированы и выделены три основных ее задачи [5, с. 178, 10, с. 135]. Во-первых, это идентификация и определение местоположения источника загрязнения или иного негативного воздействия, а также определение его видовой принадлежности. Во-вторых, это установление процесса появления негативного антропогенного воздействия, механизмов его распространения и закрепления в окружающей среде. В-третьих, это определение характеристик негативного антропогенного воздействия на природную среду и человека.

Помимо прочего стоит отметить отличительную особенность судебно-экологической экспертизы, она имеет комплексный характер. Причина этого заключается в том, что экологические преступления имеют многогранные последствия, которые, как правило, затрагивают различные аспекты природного мира, включая животный и растительный мир, людей и всю геосферу. Таким образом, экологические экспертизы проводятся междисциплинарной группой специалистов, состоящей из экспертов в различных областях, таких как гидрология, ветеринария, биология, химия и многие другие. Данный вид экспертизы направлен на всесторонний анализ ситуации и выработку эффективных решений по уменьшению ущерба, причиненного этими преступлениями [12, с. 145].

В настоящее время, несмотря на достаточно длительный срок производства судебно-экологических экспертиз, при расследовании экологических преступлений существует множество проблемных вопросов, касающихся их назначения и проведения.

На практике воздействие преступного деяния на интересы, связанные исключительно с конкретной областью знаний, зачастую не тре-

бует сложного экспертного исследования. Вместе с тем процесс судебной экологической экспертизы предполагает комплексный и сложный анализ взаимосвязей между преступным деянием и его последствиями с привлечением разнообразного круга научных дисциплин. Такой многогранный подход необходим для обеспечения достоверности результатов [9, с. 61].

Стремительное развитие наук об окружающей среде и технических средств, способных фиксировать негативное антропогенное воздействие на природные объекты, постоянно расширяет перечень возможного проявления преступного воздействия в окружающем нас мире. В настоящее время стандартная точка зрения, максимально распространенная в юридической среде в советский период и в начале 2000-х гг., базировавшаяся на непосредственном исследовании лишь видимых материальных последствий экологического преступления для определения основных элементов его состава, не может быть применима.

Стоит отметить, что новый подход предполагает анализ и сопоставление колоссальных объемов информации, причем рассматриваемые данные могут либо быть непонятными для следователя (дознавателя), либо отнесены им к категории не имеющих значения для расследования уголовного дела. В этой связи, ставя основной целью установление всех обстоятельств совершенного экологического преступления, следователь должен использовать весь арсенал научных достижений современной криминалистической техники, к которому относятся и системы, построенные на основе анализа больших данных (Big Data).

Big Data можно охарактеризовать как технологию, при помощи которой осуществляют обработку и анализ больших объемов специальных данных, поступивших из различных источников.

С использованием инструментальных возможностей программы проводят детальный анализ всех обнаруженных фактов с выявлением закономерностей между ними, а также выделяют определенные паттерны, на основе которых могут приниматься дальнейшие решения.

Такой действенный инструмент, способный значительно облегчить процесс расследования преступлений, уже активно внедряется в деятельность правоохранительных органов. Так, в США некоторые полицейские отделы формируют системы больших данных с целью проведения анализа моделей преступной деятельности, совершаемой в отдельных районах и округах, получения информации о возможной локализации будущего общественно опасного деяния, тем самым прогнозируя его и предотвращая условия его совершения [11, с. 1171].

Схожий опыт использования данной технологии имеется в Нидерландах. Министерство внутренних дел и по делам королевства, в частности оперативные подразделения, использует внедрение систем Big Data для проведения мероприятий розыскного характера по уголовным делам о совершении террористических актов и организованной преступности, выявляя связи между преступными действиями, на первый взгляд не связанными между собой [13].

Рассматриваемая технология является одним из передовых способов обработки и анализа больших объемов данных и может быть полезна в процессе расследования экологических преступлений, в частности при назначении и проведении судебно-экологической экспертизы.

Как уже отмечалось, указанный вид экспертиз представляет собой комплексное исследование, в рамках которого происходят сбор, сортировка и анализ данных, полученных из различных источников, включая техническую и сервисную документацию, результаты мониторинга окружающей среды и лабораторных исследований [11].

Например, следователь может использовать Big Data для анализа данных о месте и времени совершения экологического преступления, возможных способов его совершения, используемых средств, предположительной характеристики подозреваемых лиц и других факторов, которые могут помочь в выявлении важной для расследования уголовного дела информации. При этом система может произвести сравнение уже полученных данных о местах добычи природных ресурсов, промысле, расположении потенциально опасных предприятий и производств для определения списка планируемых следственных действий и закрепления криминалистически важной информации [3, с. 196].

Стоит отметить, что в рамках детального анализа судебно-экологической экспертизы можно выделить ряд отличительных особенностей данной экспертизы, которые необходимо учитывать следователю (дознавателю) перед вынесением постановления о ее назначении. В рамках предварительного расследования основная деятельность эксперта осуществляется на месте непосредственного совершения преступления. Сотруднику правоохранительных органов надлежит четко определить место локализации противоправного деяния, поскольку исследование, проводимое экспертом, учитывает всю материальную и следовую обстановку места происшествия, чему может способствовать использование систем Big Data [4, с. 57].

Большое количество исследуемых объектов имеет значительные размеры, или их портативность чрезвычайно ограничена, поэтому для надлежащего хода предварительного расследования важно заранее предупредить об этом специалиста, который будет иметь достаточно времени для сборки переносной аппаратуры и разработки мероприятий по забору проб для исследования.

Особо остро стоит проблема недостаточных знаний у следователя (дознавателя) о системе экспертиз и возможностях указанной экспертизы. Зачастую в ситуациях, характеризующихся нетипичностью обстановки и латентностью механизма совершения преступления, у сотрудников правоохранительных органов возникают сложности по определению конкретного вида экспертизы [8, с. 87]. Такое положение обусловлено малой информированностью об использовании специальных знаний при расследовании экологических преступлений и шаблонностью мышления следователей (дознавателей). В результате самым происходит замедление процесса предварительного расследования из-за неназначения необходимой экспертизы, а также полная или частичная утрата доказательственной базы. Рациональное использование современных достижений компьютерных технологий отчасти может решить эту проблему.

Применение технологий больших данных и нейросетевых алгоритмов позволит следователю (дознавателю) сориентироваться в ситуации нехватки личного опыта.

Еще одним пулом возникающих проблем являются сложности при формулировании вопросов, поставленных на разрешение эксперту. Вынося постановление о назначении экспертизы, следователь (дознаватель) зачастую включает в него вопросы общего характера, ответы на которые не могут дать четкого представления о картине произошедшего противоправного деяния [6, с. 57].

Указанная проблема может быть преодолена путем применения технологии Big Data через обработку системой всей имеющейся на данный момент криминалистически важной информации с итоговым выведением закономерностей, наличие которых требуется подтвердить или опровергнуть, а также возможных действий, совершенных субъектами. При этом результативность проведения данной процедуры возможно заметно увеличить при привлечении к ней специалиста, который может оказать содействие в постановке вопросов для экспертизы.

Кроме того, сам специалист может использовать системы больших данных и различные вариации нейросетевых алгоритмов. В этой связи привлечение специалиста как лица, оказывающего консультационно-справочную поддержку сотрудников предварительного расследования, регламентированную Уголовно-процессуальным кодексом РФ, может помочь оптимизировать процесс расследования уголовного дела [10, с. 86].

Взаимодействие может происходить в различных формах, в зависимости от запросов субъекта предварительного расследования. Так, зачастую специалист участвует в осмотре места происшествия, помогая следователю (дознавателю) в поиске и обнаружении следов экологического преступления и уточнения механизма их образования. Также в рамках данного следственного действия специалист может оказать консультационную помощь по надлежащей процедуре изъятия образцов и их правильному хранению и транспортировке.

Таким образом, специалист является лицом, непосредственно взаимодействующим с объектами, на которые был направлен преступный умысел, а также с проявлениями негативного антропогенного воздействия.

Проблемные ситуации в рамках судебно-экологической экспертизы могут возникать не только у следователей (дознавателей), но и у сотрудников экспертных учреждений. Сложность механизма негативного антропогенного воздействия на окружающую среду обуславливает невозможность точной оценки размера вреда, причиненного экологическим преступлением. Последствия преступного деяния могут проявиться через длительный промежуток времени. Характер воздействия на отдельные объекты природной среды может ранее не изучаться и может быть не предугадан. Также повлиять на оценку может внезапно обнаружившаяся устойчивость определенных объектов природной среды к конкретному виду негативного воздействия [4, с. 57].

При анализе уголовных дел и материалов правоприменительной практики Калининградской межрайонной природоохранной прокура-

туры нами был выявлена проблема проведения судебно-экологической экспертизы. Так, при назначении экспертизы по результатам проведенного осмотра места происшествия, связанного с составами экологических преступлений, предусмотренных ст. 260 Уголовного кодекса РФ, возникает проблема оценки нанесенного противоправным деянием вреда. Указанная проблема проявляется в случаях, если объект природной среды, на который направлен преступный умысел, был не только уничтожен, но и изъят. Экспертные учреждения рассчитывают ущерб от указанного деяния путем замеров оставшегося пня от дерева, кустарника или лианы и путем сопоставления его с типичными размерами и объемами, характерными для такого же объекта определенного возраста, при этом методики данного расчета не обновлялись с 1980-х гг. В связи с этим судами результаты таких экспертиз признаются недействительными и не могут рассматриваться в качестве основания для расчета ущерба, причиненного незаконной рубкой лесных насаждений [1; 2].

Таким образом, отсутствие в распоряжении экспертов методик, отвечающих современным требованиям, порождает проблемы замедления расследования уголовного дела, а иногда и необоснованного освобождения виновного лица от уголовной ответственности.

Рассматриваемая технология является пластичной и универсальной по характеру своего применения, поэтому может быть использована для создания новых методик для учреждений, проводящих судебно-экологические экспертизы, а также для обновления уже существующих.

С применением систем больших данных возможно осуществлять сбор данных различного формата об экологических факторах, требующих изучения в рамках экспертных исследований, а также проводить их анализ с помощью алгоритмов машинного обучения и статистических методов для выявления связей между факторами негативного антропогенного воздействия и его влияния на здоровье человека и окружающую среду.

В настоящий момент сложилась ситуация нехватки квалифицированных экспертов, способных проводить такой вид экспертиз. Кроме того, финансовые и материально-технические обстоятельства, связанные с проведением комплексных экологических экспертиз, также вносят свой вклад в создание проблем при их назначении.

Таким образом, на текущий момент сложилась ситуация неполноты методического обеспечения экологических экспертиз, а также отсутствия у субъектов предварительного расследования необходимого арсенала знаний.

Список литературы

1. *Архив* ОМВД России «Гвардейский». Уголовное дело №11801270004000124, возб. 26.04.2018 Межмуниципальным отделом МВД России «Гвардейский» по ч. 3 ст. 260 УК РФ.
2. *Архив* ОМВД России «Гвардейский». Уголовное дело №11801270004000123, возб. 26.04.2018 Межмуниципальным отделом МВД России «Гвардейский» по ч. 3 ст. 260 УК РФ.

3. *Воробьева И. Б.* Применение больших данных (big data) при прогнозировании и расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. №3 (140). С. 195–202. doi: 10.24412/2227-7315-2021-3-195-202.
4. *Джола В. А., Волчецкая Т. С.* Использование ситуационного моделирования при назначении судебно-экологической экспертизы // Интеграция науки и образования в условиях инновационного развития и реализации целей устойчивого развития, посвященная Дню независимости Республики Казахстан : матер. междунар. науч.-теор. конф. Караганды, 2023.
5. *Китаева В. Н., Шилкина А. С.* Актуальные вопросы судебно-экологической экспертизы в России // Закон и право. 2019. №7. С. 178–180.
6. *Константинов А. В., Михайленко Н. В.* Использование технологии больших данных (big data) в деятельности органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. С. 129–132. doi: 10.24412/2073-0454-2023-3-129-132.
7. *Об утверждении* Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 27.12.2012 №237 (ред. от 28.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. *Петрухина О. А.* Проблемы организации судебных экспертиз при расследовании экологических преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, №4. С. 87–92.
9. *Попова Т. В.* Назначение судебно-экологической экспертизы: отдельные вопросы практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. №1 (16). С. 61–64.
10. *Яковлева О. А.* Особенности назначения и производства отдельных видов судебных экспертиз (экологический аспект) // Legal Concept. 2019. №2. С. 134–138.
11. *Neiva L., Machado H., Silva S.* The views about Big Data among professionals of police forces: A scoping review of empirical studies // International Journal of Police Science & Management. 2022. Vol. 32. P. 1167–1179.
12. *Petrison I. G.* Environmental forensics fundamentals. A Practical Guide. Boca Raton ; L. ; N. Y., 2014.
13. *Schuilenburg M., Soudijn M.* Big data policing: The use of big data and algorithms by the Netherlands Police // Policing: A Journal of Policy and Practice. 2023. Vol. 17. URL: <https://doi.org/10.1093/police/paad061>.
14. *Spikmans V.* The evolution of environmental forensics: From laboratory to field analysis // WIREs Forensic Sci. 2019. №1. P. e1334. URL: <https://doi.org/10.1002/wfs2.1334>.

Об авторе

Всеволод Александрович Джола – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: seva.dzhola@gmail.com

V. A. Dzhola

THE USE OF BIG DATA IN THE APPOINTMENT
AND CONDUCT OF FORENSIC ENVIRONMENTAL EXAMINATIONS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 19 December 2023

Accepted 05 March 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-3

To cite this article: Dzhola V. A. 2024, The Use of Big Data in the appointment and conduct of forensic environmental examinations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 26–33. doi: 10.5922/sikbfu-2024-2-3.

33

The article explores contemporary issues and questions related to the application of forensic environmental expertise within the framework of preliminary investigations, and evaluates its role in law enforcement activities. The research formulated and proposed the main tasks of forensic environmental expertise at the current stage, highlighted its features, and identified problems associated with the imperfection of the current methodological support for this type of forensic examination. Based on the analysis of empirical material and law enforcement practice data, the problem of insufficient awareness among investigators and inquiry officers regarding the current prospects for using specialized knowledge in investigating environmental crimes was identified. To address the identified problems and optimize the entire process of investigating this group of criminal cases, measures were proposed for the implementation of technologies based on the use of Big Data in the activities of law enforcement officers and expert institutions.

Keywords: forensic environmental expertise, environmental crimes, special knowledge, preliminary investigation, Big Data

The author

Vsevolod A. Dzhola, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: seva.dzhola@gmail.com

А. Г. Ахвердян

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия

Поступила в редакцию 15.09.2023 г.

Принята к публикации 07.04.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-4

34

Для цитирования: Ахвердян А. Г. Общеправовые принципы в современном российском праве: понятие и особенности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-4.

В настоящей статье автором рассматриваются основные теоретические подходы ученых-правоведов, связанные с сущностью и пониманием общеправовых принципов, а также проводится анализ отличительных аспектов общеправовых принципов от иных. Актуальность статьи обусловлена ее дискуссионностью в части содержания и сущности общеправовых принципов у разных авторов. Новизна настоящей статьи заключается в проведении анализа современных общеправовых принципов, выявлении соотношения принципов права и доктринальных принципов. Цель статьи – дать определение общеправовых принципов, исследовать место и роль общеправовых обязанностей в системе принципов права, а также определить их особенности в системе принципов права.

Ключевые слова: принципы права, классификация принципов, общеправовые принципы

Право – это все, что истинно и справедливо.
Виктор Гюго

Базовой функцией любого государства и целью его существования является обеспечение надлежащего и качественного функционирования всех социальных институтов, что, в свою очередь, обеспечивает полноценное и эффективное развитие личности в русле правопослушного поведения.

В этой связи фундаментальным механизмом в руках самого государства для достижения всех указанных целей является право. Именно право представляет собой формально определенную и выработанную позицию социума и государства в отношении каждого члена общества, в праве заложена модель ожидаемого и требуемого поведения каждого субъекта права.

Только при условии, что каждый индивид будет соблюдать все требования и исполнять все возложенные на него законом обязанности, могут быть полностью достигнуты все поставленные цели и задачи государства и общества.

Но что формирует и воплощает право в своей конечной форме? Базовая основа права — принципы, на которых оно реализовывается. В принципах аккумулируются, кристаллизуются, собираются воедино характерные черты данного типа права, его отличительные свойства по сравнению с правом других формаций [1, с. 79].

Для подтверждения этого подхода в части содержания принципов права можно обратиться к работе «Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе» профессора М.Л. Давыдовой, в которой она указывает, что в принципах права прямо и непосредственно, в наиболее общем виде и целостном выражении формулируются государственно-правовые закономерности [2, с. 36].

Для большей наглядности нам необходимо проанализировать сущность принципов права в рамках основных подходов правопонимания, а именно определить тот аспект, что является принципами права в рамках каждого из этих подходов. К таковым следует отнести естественно-правовой, либертарный, позитивистский и интегративный подходы [3].

Так, естественно-правовая доктрина представляет собой идею, связанную с тем, что права человека предоставляются данными ему с момента рождения, в связи с чем принципы права составляют природожденные, неотчуждаемые права самого человека.

Позитивистский подход заключается в идее реализации своих полномочий государственными органами и учреждениями, а также иными общественными институтами. Иными словами, право воспринимается как результат деятельности самого государства.

В основу интегративного подхода входит признание права многоаспектным явлением, в связи с чем его отдельные стороны представляют собой объект для исследования различных отраслей науки. Основным достоинством интегративного подхода является его стремление синхронизировать различный опыт, знания, подходы и теории, связанные с пониманием сущности права.

Либертарное правопонимание полагает, что право — это формально определенное равенство между членами общества, или же всеобщая форма свободы людей. В рамках данного подхода проводится конкретное различие между такими понятиями, как «закон» и «право».

Каждый из этих подходов обладает своим собственным философским и теоретическим основанием, и рассуждения и мысли ученых в отношении принципов права складываются в рамках этих подходов.

Так, в рамках естественно-правового подхода основными постулатами, или принципами, права следует считать всеобщие нравственные принципы. В свою очередь, принципы права в рамках позитивистского подхода представляют собой базовые положения, заложенные сувереном в право конкретной эпохи.

Интегративный подход к пониманию права определяет принципы права как идеи, признанные и реализованные в деятельности законода-

теля. Либертарный же подход определяет в качестве принципов права заложенные в закон и право идеи и теории о свободе и иных правах человека.

Мы более всего склонны придерживаться позитивистского подхода в понимании права, исходя из того, что на сегодняшнем историческом этапе развития государственности немислимо разделение понятий «право» и «государство», в связи с чем в рамках всех сфер жизнедеятельности общества развиваются и распространяются идеи о праве как о порождении государства и неотделимости их друг от друга, что, по нашему мнению, соответствует современной исторической эпохе. Поэтому далее мы будем рассматривать принципы права именно в рамках данного подхода.

36

На первый взгляд, все вышеуказанные теории и их подходы к пониманию принципов права разнятся и содержат различные взгляды на данный вопрос, однако у них у всех есть единое звено, связанное с наличием в каждом из них фундаментальных начал, принципов, на которых базируется и развивается право.

Еще одним аспектом, требующим разбора для реализации указанной нами цели, является определение соотношения принципов позитивного права, доктринальных принципов и доктрины. За основу мы хотели бы взять, как говорили ранее, именно позитивистский подход и уже в его рамках рассмотреть соотношение данных категорий.

Как ранее мы уже указывали, принципами права являются базовые положения, заложенные самим государством в право, то есть право является результатом деятельности государства.

В рамках позитивистского подхода следует отметить, что принципы разделяются на следующие категории:

- 1) принципы права, а именно базовые, юридически закрепленные правовые идеи, которые определяют сущность и вектор его регулирования;
- 2) доктринальные принципы — выработанные правовой доктриной нормативные правовые положения, представляющие собой основополагающие суждения о праве, на которых строятся большие группы правовых норм.

Необходимо отметить, что правовая доктрина представляет собой принципы, изложенные авторитетными учеными в своих трудах и признанные государством.

Как отмечают профессора А.И. Овчинников, А.О. Далгатова, В.И. Фатхи в исследовании «Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации», правовая доктрина сегодня может быть представлена не только как учение о праве, но и как официальный документ, систематизирующий принятые в государстве взгляды на правотворчество и политику в той или иной области, а также как результат толкования норм права [4, с. 61].

Анализируя понятия правовой доктрины, можно говорить о том, что доктринальные принципы, которые закладываются впоследствии в большие группы норм права, являются результатом, выработанным этой самой доктриной, то есть доктринальные принципы — это часть правовой доктрины.

В. А. Илюхина в работе «Доктринальные принципы права: понятие и специфика» говорит о том, что принципы права являются разновидностью юридических научных идей, но при этом необходимо ограничивать принципы права в позитивистском понимании от доктринальных принципов права. Первые представляют собой нормативно закрепленные исходные, руководящие, базовые идеи, лежащие в основе всего правового регулирования, совокупности отраслей права, отдельной отрасли или института права. Вторые — это социально значимые идеи, сформулированные отдельными учеными в научных работах, публичных выступлениях и не нашедшие нормативного закрепления [5, с. 10].

Профессор В. А. Четвертин утверждает, что доктринальные принципы в современном праве обычно формулируются в официальных источниках права. Они применяются на практике как обязательные и руководящие положения абстрактного характера независимо от их официального закрепления в нормативных актах, прецедентах или договорах, то есть функционируют непосредственно как признанные юридическим сообществом (а на уровне общесоциальной легитимации — большинством субъектов права) [6].

Представленные позиции авторов имеют расхождения. Точка зрения В. А. Илюхиной относительно того, что доктринальные принципы официально не закреплены, нам кажется более верной: они представляют собой исключительно идеи и воззрения ученых и являются публично признанными без формальной определенности в действующем праве.

Следует отметить, что, по мнению В. А. Илюхиной, отличие принципов права и доктринальных принципов состоит в том, что доктринальные принципы имеют незакрепленный статус в отличие от первых, а в тех случаях, когда они обретают формальную определенность, они перестают относиться к данной группе и входят уже в первую, с чем мы не можем не согласиться.

Рассматривая структуру современных принципов права, можно разделить их на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Именно данный подход сегодня является общепринятым, однако стоит отметить, что данное разграничение базируется не на различии сфер общественных отношений, а на разделении правовой системы на отдельные составные части.

Таким образом, к фундаментальным основаниям любого права следует отнести именно общеправовые принципы. Конечно, есть и межотраслевые, и отраслевые принципы, но они включают лишь отдельные специфические идеи, которые можно применить в некоторых отраслях права, но не во всех. Нас же в данной структуре интересуют именно общеправовые принципы.

Понятие общеправовых принципов содержится в работах ряда ученых, исследовавших проблемы, связанные с принципами права. Так, Л. С. Явич характеризует общие принципы права как общие для международной правовой системы; общие для всех правовых систем государств одного и того же типа; для правовых систем одного вида (семейства); для всех отраслей данной правовой системы государства [7, с. 155].

По мнению профессора М. И. Байтина, общеправовые принципы характеризуются тем, что относятся к праву в целом, распространяются на все его отрасли, объединяют и как бы цементируют их [8, с. 149].

П. Е. Земскова в труде «О возможности существования категории “Общие принципы права” в условиях широкого разнообразия традиций права в мире» говорит, что общие принципы права — это группа принципов, единых для широкого ряда национальных правовых систем, впоследствии ставших частью международного права путем «согласования воли государств» [9, с. 26].

По мнению С. Е. Фролова, общеправовые — это общие принципы для международной правовой системы, действующие в подавляющем большинстве отраслей права и распространяющие свою юридическую силу на основные разновидности юридической практики [10, с. 14–15].

В свою очередь, С. В. Стрыгина в работе «Общеправовые принципы права в достижении соотношения буквы и духа закона» говорит о том, что общие принципы права, которые включаются в число первичных источников права, играют важную, системообразующую роль как для самого научного знания, так и для нормативного регулирования возникающих общественных отношений [11, с. 165].

Из приведенных определений общеправовых принципов, на наш взгляд, универсальным подходом обладает определение М. И. Байтина. П. Е. Земскова и Л. С. Явич более склоняются к надгосударственному уровню этих принципов, что мы считаем сложно реализуемым ввиду того, что если мы говорим об универсальности этих принципов на международном уровне, то необходимо говорить и об универсальности права.

Сопоставив и проанализировав все приведенные выше точки зрения, можно сказать, что общеправовые принципы представляют собой универсальные руководящие положения, занимающие первоочередное место в рамках системы принципов права. Другими словами, общеправовые принципы — это те базовые принципы и начала, на которых строится само право.

Необходимо отметить, что общеправовые идеи в своей основе содержат ценности, реально существующие и разделяемые всеми членами общества. Именно система ценностей влияет на поведение человека, что в конечном счете составляет совокупность общеправовых принципов права.

Общеправовые принципы проявляют абсолютно всю систему права, то есть они формируют основной вектор развития права. Межотраслевые принципы могут служить основой всего нескольких отраслей права, а отраслевые раскрывают особенности конкретной отрасли права.

Для наглядности можно привести принцип законности, который распространяется на всю систему права и является общеправовым. Принцип состязательности процесса по своей сути межотраслевой (характерен, например, для гражданско-процессуального и уголовно-процессуального права). Принцип же свободы трудового договора характерен для трудового права и является отраслевым.

Конкретно в данном исследовании нас интересуют общеправовые принципы, которые включаются в основу всего права в целом и выступают его первоосновой.

К системе общеправовых принципов можно отнести разные принципы справедливости, законности, гуманизма и др. В юридической литературе можно встретить совершенно различные подходы к структуре и составным элементам системы общеправовых принципов, что обусловлено в первую очередь научным субъективизмом и разделением (объединением) нескольких принципов на несколько (в один).

Например, профессор Т.Н. Радько [12, с. 65–67] включает в систему общеправовых принципов принципы справедливости, гуманизма, единства прав и обязанностей, демократизма, законности, равенства граждан перед законом.

Профессор В.М. Шафиров [13, с. 48–49] относит к данной системе принцип верховенства права, законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, справедливости, недопустимости произвольного ограничения прав и свобод, широкой доступности правовой информации, взаимной ответственности государства и гражданина. Профессора же В.И. Леушин и В.Д. Перевалов [14, с. 239–240] к общеправовым принципам относят принцип справедливости, уважения прав человека, равноправия, законности, правосудия.

Мы полагаем, что наиболее полным и всеобъемлющим является система, приведенная именно Т.Н. Радько, однако, на наш взгляд, следовало бы рассмотреть возможность внесения в этот перечень также принципа взаимной ответственности человека и государства. Это связано с тем, что конкретно на современном этапе развития общества и государства происходит их тесное переплетение, структурно изменяются общественные институты, правоотношения, в связи с чем нарастает важность правового закрепления взаимной ответственности человека и государства.

Для более детального анализа общеправовых принципов права необходимо рассмотреть в отдельности каждый из них. За основу возьмем систему, предложенную Т.Н. Радько.

Принцип законности. Представляет собой один из фундаментальных принципов. Его можно определять как принцип, согласно которому все субъекты общественных отношений должны строго и неуклонно соблюдать правовые нормы, выраженные в законах и других нормативно-правовых актах, а также в иных источниках права [15, с. 114–115]. Данный принцип носит фундаментальный характер и закреплен в Конституции Российской Федерации [16] (ст. 15), в которой прямо указано, что общепризнанные принципы являются составной частью ее правовой системы. Также этот принцип закреплен в таких нормативных правовых актах, как КоАП РФ [17] (ст. 1.6), ГК РФ [18] (ст. 1), ТК РФ [19] (ст. 2) и иных.

Принцип демократизма. Предполагает, что народ как носитель власти полностью воплощает в жизнь свою волю через механизмы непосредственного участия в законотворческой деятельности страны, также через социальные институты и специально закрепленные механизмы народовластия участвует в управлении общественными и государственными делами. Данный принцип закреплен не только в федеральных

нормативных правовых актах (например, в ст. 3 Конституции РФ, ст. 23 УИК РФ [20] и др.), но и в региональных нормативных актах, а именно в конституциях, уставах субъектов Российской Федерации (например, в ст. 4 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия [21], в ст. 3 Конституции Республики Татарстан [22] и др.).

Принцип гуманизма. Предполагает отношение каждого человека к обществу и иным субъектам права с позиции гуманистических начал, в рамках которой высшей ценностью для государства и общества являются жизнь и здоровье человека. Также этот принцип воплощается в том, что все средства и силы государства направляются на то, чтобы жизнь каждого человека была комфортной и в максимальной степени благоприятной. Этот принцип закреплен, например, в Конституции РФ (ст. 2), УК РФ [23] (ст. 7), УИК РФ (ст. 8) и др.

Принцип справедливости. Он включает в себя такие категории, как равенство граждан, уважение и защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, соразмерный учет индивидуальных, социальных и государственных интересов, поддержка и охрана социальных отношений. Его можно наглядно увидеть, например, в УК РФ (ст. 6), УПК РФ [24], (ч. 2 ст. 6), ГК РФ (ст. 1141) и т. д.

Принцип справедливости как таковой в Конституции РФ не отражен. В преамбуле отражена лишь вера в справедливость. Но в своих постановлениях Конституционный суд РФ постоянно ссылается на принцип справедливости как конституционный [25].

Принцип равноправия. Это один из важнейших принципов, в основе которого лежит установление единых правил поведения для субъектов правоотношений, находящихся в схожих условиях и характеризующихся одинаковыми обстоятельствами, а также различных правил поведения (установление запретов, ограничений, предоставление дополнительных прав, возложение юридических обязанностей, повышенной ответственности и т. п.) для субъектов правоотношений, находящихся в схожих условиях, характеризующихся различными обстоятельствами, на основе критериев, закрепленных в нормативных правовых актах [26, с. 26–27]. Данный принцип можно встретить, например, в Конституции РФ (ст. 19), ГК РФ (ст. 1), УК РФ (ст. 4), КоАП РФ (ст. 1.4) и др.

Принцип единства прав и обязанностей. Включает в себя тот факт, что права и обязанности представляют собой неразделимые категории, в частности права одного гражданина являются обязанностью другого и наоборот. Невозможно представить себе права без соответствующих им обязанностей и обязанности без соответствующих им прав. Данный принцип реализуется в Конституции РФ (ч. 2 ст. 6; ч. 3 ст. 17), ГПК РФ [27] (ст. 12), УПК РФ (ст. 244), СК РФ [28] (ст. 31).

Немаловажным является также вопрос закрепления общеправовых принципов, так как этот процесс оказывает дополнительный благоприятный эффект в рамках правоприменительной деятельности. Так, по мнению профессора А. А. Демичева, с которым невозможно не согласиться, принципы права могут быть закреплены в Конституции государства и в иных (в первую очередь кодифицированных) нормативных правовых актах [29, с. 201]. Закрепление принципов права даже с практи-

ческой стороны способствует упрощению аргументации позиции субъекта права при взаимодействии с иным субъектом. При этом базовым способом закрепления принципов права является текстуальный.

Следует также обратить внимание на то, что есть и технические проблемы при закреплении данных норм права. В частности, можно обратиться к исследованию профессора Г. М. Лановой [30, с. 213–218]. В работе «Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект» Галина Михайловна указывает несколько основных проблем, возникающих в рамках этой деятельности, которые можно разделить на три категории:

- трудности в процессе трактования данных принципов (норм) права;
- трудности при выборе способа указания идеи в качестве принципа права;
- трудности формулировки закрепляемого принципа в тексте нормативного правового акта.

С позиций Г. М. Лановой мы согласны, однако, на наш взгляд, следует также обратить внимание на круг проблем, связанных с отсутствием единой общепринятой системы общеправовых принципов. Это также, по нашему мнению, является дополнительным препятствием к созданию единого механизма закрепления общеправовых принципов в праве.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что в современных реалиях общеправовые принципы представляют собой основу всей правовой системы, базирующейся преимущественно на ценностях, разделяемых членами общества, а также занимающей первоочередное место в рамках системы принципов права.

Среди иных принципов права общеправовые принципы представляют собой те идеи, которые распространяются на все отрасли права без исключения. Базовым отличием общеправовых принципов от доктринальных является их официальное закрепление в нормативных правовых актах.

Общеправовые принципы составляют основное содержание во всех отраслях права, выражают собой базовые идеи в рамках правотворческой и правоприменительной деятельности государства.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. [+ справ. том]. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010.
2. Давыдова М. Л. Принципы позитивного права в теоретико-правовом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 3 (33). С. 36–45.
3. Илюхина В. А. Понятие принципов права в основных современных концепциях правопонимания : учеб. пособие. М., 2022.
4. Овчинников А. И., Далгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2019. № 2 (75). С. 59–64.
5. Илюхина В. А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 17. С. 9–21.

6. Четвернин В. А. Введение в курс общей теории права и государства : учеб. пособие. М., 2003.
7. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.
8. Байтин И. М. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005.
9. Земскова П. Е. О возможности существования категории «Общие принципы права» в условиях широкого разнообразия традиций права в мире // Закон и право. 2009. №4. С. 26–28.
10. Фролов С. Е. Принципы права (вопросы теории и методологии) : автореф. дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
11. Стрыгина С. В. Общеправовые принципы права в достижении соотношения буквы и духа закона // Современные технологии в мировом научном пространстве: методы, модели, прогнозы : монография / под общ. ред. М. В. Посновой. Петрозаводск, 2019. С. 164–175.
12. Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник. М., 2012.
13. Правоведение : учебник / А. Н. Тарбагаев, В. М. Шафиров, И. В. Шишко и др. ; отв. ред. В. М. Шафиров. М., 2010.
14. Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997.
15. Цатурян Т. В. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. №2. С. 113–115.
16. Конституция Российской Федерации, принята на всероссийском референдуме 12.12.1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. №31. Ст. 4398.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. №1, ч. 1. Ст. 1.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (часть первая): принят Государственной Думой 21.10.1994 г // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 г. №32. Ст. 3301.
19. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №1, ч. 1. Ст. 3.
20. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. №1-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №2. Ст. 198.
21. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 05.04.1994 г. // Известия Калмыкии. 1994. 7 апр.
22. Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 г. (с изменениями и дополнениями) // Советская Татария. 1992. 12 дек.
23. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.
24. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №52, ч. 1. Ст. 4921.
25. По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного Кодекса РФ в связи с запросом Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товари-

щества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова»: постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 г. №7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №23. Ст. 2409. 7.

26. Зайков Д. Е. Принцип равных прав и свобод мужчин и женщин: современное состояние и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №4. С. 25–41.

27. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №46. Ст. 4532.

28. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. Ст. 16.

29. Демичев А. А. Понимание принципов гражданского права в законодательстве России и Беларуси // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов : сб. ст. матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М., 2021. С. 201–205.

30. Лановая Г. М. Проблемы юридического закрепления общих принципов права в отечественной правовой системе: теоретико-правовой аспект // Юридическая техника. 2020. №14. С. 213–218.

Об авторе

Арутюн Гайкович Ахвердян – преподаватель, Академия ФСИИ России, Рязань, Россия.

E-mail: arutyun92@mail.ru

A. G. Akhverdyan

GENERAL LEGAL PRINCIPLES IN MODERN RUSSIAN LAW: CONCEPT AND FEATURES

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

Received 15 September 2023

Accepted 07 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-4

To cite this article: Akhverdyan A.G. 2024, General legal principles in modern Russian law: concept and features, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University*. Series: *Humanities and social science*, №2. P. 34–44. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-4.

The article examines the main theoretical approaches of legal scholars related to the essence and understanding of general legal principles, and analyzes the distinctive aspects of general legal principles compared to others. The relevance of the article is due to its contentious nature regarding the content and essence of general legal principles among different authors. The novelty of the article lies in the analysis of contemporary general legal principles, and the identification of the relationship between legal principles and doctrinal principles. The aim

is to define general legal principles, explore the place and role of general legal obligations in the system of legal principles, and determine their characteristics within the system of legal principles.

Keywords: principles of law, classification of principles, general legal principles

The author

Arutyun G. Akhverdyan, Lecturer, Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia.

E-mail: arutyun92@mail.ru

УДК 94(470) «1895/1901» (093)

А. Д. Макей

**«ПЕЧАЛЬНОЕ САМООЧАРОВАНИЕ ЧИНА»:
РОССИЙСКАЯ ПРЕССА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ
ПО ПЕРЕСМОТРУ УСТАВА О СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОЙ 1895 ГОДА**

45

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 22.07.2023 г.

Принята к публикации 30.01.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-5

Для цитирования: *Макей А. Д.* «Печальное самоочарование чина»: российская пресса о деятельности комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской 1895 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 45–60. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-5.

С помощью метода контент-анализа исследуются публикации из популярных российских газет «Новое время», «Русские ведомости», «Свет», «Неделя» и «Русское слово», посвященные деятельности Комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской 1895 г. Используя данные из неопубликованных документов Российского государственного исторического архива (РГИА), автор стремится ответить на вопросы о том, каким было общественное мнение по отношению к гражданским чинам, к реформированию системы гражданского чиновничества и как эта проблема отразилась в периодических изданиях конца XIX – начала XX в. Результаты контент-анализа дополняют уже проведенные ранее исследования и раскрывают дополнительные детали влияния реформы гражданской службы на различные аспекты общественной жизни в изучаемый период.

Ключевые слова: Российская империя, Табель о рангах, Николай II, гражданские чины, пресса, чиновники, общественное мнение, контент-анализ

Предполагалось, что введение Петром I Табели о рангах, определявшей иерархию воинских, гражданских и придворных рангов по четырнадцати классам, позволит создать эффективный механизм привлечения образованных людей из разных сословий на службу государству. Ранг чиновников должен был определяться гражданскими чинами в соответствии с должностями, занимаемыми ими в государственном аппарате. Однако уже к концу XVIII в. гражданские чины стали предметом интереса лиц недворянского происхождения, которые стремились добиться сословных прав путем получения чинов, не имея при этом ни соответствующего образования, ни необходимых способностей. В XIX в.

в этой сфере государственной жизни, как заметил известный историк права К. Д. Кавелин, «вместо закона господствует произвол, против которого нет защиты» [12, с. 5]. Иными словами, государственная система Российской империи столкнулась с необходимостью модернизации гражданского чиновничества в связи с увеличением злоупотреблений чинами и расширением бюрократического аппарата.

Первые шаги по ограничению лиц недворянского происхождения на гражданской службе были предприняты в годы правления Александра I, когда 24 января 1803 г. был утвержден законопроект М. М. Сперанского «Об экзамене на чин», согласно которому «в каждом округе никто не был определяем к должностям, требующим юридических и других познаний, не окончив курса в общественном или частном училище» (цит. по: [31, с. 114]). В соответствии с указом лица с высшим образованием получили возможность претендовать на «коллежские» чины, в то время как чиновникам без высшего образования предстояло сдавать специальные экзамены [22, с. 413; 13, с. 207–208]. Позднее Постановлением от 6 августа 1809 г. запрещалось производить в «коллежские» чины по выслуге лет [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 1–2; 8, с. 57]. Несмотря на предпринятые усилия, эти меры оказались малоэффективными, поскольку обременяли бюрократический аппарат дополнительной нагрузкой [9, с. 84]. Это послужило поводом для серьезных размышлений в правительстве о возможной полной отмене гражданских чинов в 1823 г. Однако данная инициатива натолкнулась на сопротивление со стороны высшего чиновничества, включая таких видных деятелей, как министр финансов Е. Ф. Канкрин [8, с. 48–49].

После воцарения Николая I вопрос об отмене гражданских чинов вновь стал животрепещущим. Шестого декабря 1826 г. был учрежден Комитет, во главе которого стоял граф В. П. Кочубей [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 4]. В проекте Комитета предлагалось прекратить производство в гражданские чины, однако под давлением высшего чиновничества пришлось отказаться от предложенной инициативы, и проект также не был принят [3, с. 6].

В 1846 г. был создан Комитет для пересмотра устава о гражданской службе под председательством статс-секретаря А. С. Танеева, затем генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 7]. Предложения, разработанные тогда, были схожи с замыслом Комитета 1826 г. и предполагали объединение классов с должностями с последующей полной отменой чинов. Однако проект также отклонили под влиянием ряда консервативных мыслителей, среди которых был министр народного просвещения С. С. Уваров [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 7–8].

В декабре 1856 г. был учрежден Комитет о чинах под предводительством графа Д. Н. Блудова [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 10]. Проект, разработанный в том же году, вызвал серьезные опасения среди министров из-за предложений о полной отмене чинов [9, с. 29]. Позднее, в 1883 г., при Александре III было созвано Особое совещание о преобразовании порядка прохождения гражданской службы под председательством статс-секретаря С. А. Танеева. Вновь выдвигалось предложение о полной

отмене гражданских чинов с заменой их на систему должностей. Однако негативная реакция высшего чиновничества и на этот раз не позволила принять новый устав о гражданской службе [30, с. 166–188].

В царствование Николая II в 1895 г. была создана последняя в истории Российской империи Комиссия по пересмотру устава о службе гражданской [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 17–18; 17, с. 49]. В соответствии с указом Николая II 22 ноября 1895 г. председателем Комиссии был назначен Е. А. Перетц [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 19–20]. После его смерти 23 марта 1899 г. председателем стал И. И. Шамшин [Там же].

Комиссия 1895 г. основывалась на мнении о том, что сохранение гражданских чинов в неизменном виде в течение почти двух столетий препятствовало повышению результативности работы государственного аппарата [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 19]. В отчете Комиссии отмечалось, что чины более не устанавливали ни служебного, ни иерархического положения лиц на службе. Вместо этого сохранение чинов стало объектом злоупотреблений со стороны лиц непривлеканного происхождения, что привело к снижению ценности чиновных рангов [18, с. 221–222]. Поскольку производство в чины определялось не столько особыми отличиями на службе, сколько выслугой лет, это позволяло представителям низшего и среднего звена чиновничества стремительно продвигаться по карьерной лестнице [Там же, л. 20; 30, с. 189–190]. Последствием данного социального явления стало расточение чинов на протяжении XIX – начала XX в. [20, с. 262].

Можно сказать, что Комиссия 1895 г. проделала большую и тщательную аналитическую работу, которая выявила широкую палитру мнений и разногласий среди правительственных структур относительно предложений в проекте устава. Однако министры пришли к выводу, что отмена чинов создаст дополнительные финансовые обязательства для правительства, поскольку внедрение реформы потребует повышения заработной платы служащих для поддержания их социального статуса [23, ф. 1200, оп. 1, д. 1 а, л. 29–30]. В итоге было решено сохранить гражданские чины, видя в них лучший способ привлечения кадров [Там же].

Комиссия, действовавшая с 1895 по 1901 г., собрала важные документы по вопросу реформирования гражданской службы за весь XIX в. Эти материалы обладают особой значимостью, поскольку содержат документы о деятельности всех предыдущих комиссий и комитетов, архивные дела которых сохранились фрагментарно. В РГИА в архивном фонде Комиссии по пересмотру Устава о гражданской службе 1895 г. сохранилась подборка статей, посвященных деятельности этой Комиссии, которые были опубликованы в популярных российских периодических изданиях «Новое время», «Русские ведомости», «Свет» и «Неделя» [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 1].

Эта коллекция интересна не только тем, что позволяет расширить наши представления о том, как решались в Комиссии наиболее дискуссионные вопросы, но также является компактным и информативным источником для изучения общественного мнения по проблемам гражданского чиновничества, отраженного в периодической печати.

Цель исследования — проанализировать отношение прессы Российской империи к гражданским чиновникам на основе контент-анализа ста-

тей изданий «Новое время», «Русские ведомости», «Свет», «Неделя» и «Русское слово», посвященных деятельности Комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской 1895 г. Эти статьи охватывают достаточно широкий спектр общественного мнения того времени, но с учетом того, что подобраны они могли быть тенденциозно, то есть для решения конкретных задач, стоявших перед Комиссией, имеет смысл расширить этот источник дополнительными материалами, в том числе из других, не менее популярных изданий. Для этого были проанализированы публикации московской общественно-политической газеты «Русское слово», а также включены в исследование дополнительные статьи газеты «Новое время», опубликованные в период деятельности Комиссии 1895 г., но не вошедшие в подборку статей.

Одной из популярных политических проблем, освещаемых в печатных изданиях Российской империи, были действия властей, направленные на повышение эффективности бюрократического аппарата. Наиболее спорными становились вопросы, связанные с отменой гражданских чинов и другими мерами, направленными на сдерживание роста чиновничества [19, с. 184–185].

Негативный образ «чиновничества» стал заметной темой в общественно-политических печатных изданиях Российской империи во второй половине XIX в. В работе советского и российского историка В. Я. Гросула «Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков» отмечается, что в период великих реформ Александра II отношение общества к чиновникам стало более радикальным [6, с. 146–147]. Это, в частности, отражается в отчете III отделения Собственной его императорского величества Канцелярии за 1861 г.: «Утвердившаяся в наших периодических изданиях гласность и общественные мнения касаются наиболее мелких злоупотреблений чиновников; но иногда осуждению подвергаются начальники губерний и другие значительные лица» [Там же, с. 144]. Там же отмечалось и критическое отношение части общества к Табели о рангах и проблеме отмены гражданских чинов, которые все чаще становились предметом публичного обсуждения на страницах печатных изданий.

Очередной всплеск интереса к проблеме гражданского чиновничества и дискуссии в печати наблюдался в годы деятельности последней Комиссии Перетца – Шамшина, разрабатывавшей проект Устава о гражданской службе [4, с. 78–79]. Об этом можно судить по подборке статей, собранной Комиссией. Они были опубликованы в периодических изданиях разной степени популярности и политической направленности.

Так, популярная газета «Новое время» под редакцией известного журналиста, издателя и драматурга А. С. Суворина занимала важное место в общественно-политической жизни Российской империи [29, с. 138]. Редакция газеты придерживалась проправительственных и в основном правых взглядов, но при этом нередко увлекалась популизмом. В связи с этим газета неоднократно привлекала внимание правоохранительных служб, в то же время многие государственные деятели высоко оценивали издания А. С. Суворина, включая С. Ю. Витте, который отмечал, что Николай II целиком просматривал только две газеты: «Санкт-Петербург-

ские ведомости» и «Новое время» [Там же, с. 140–141]. Деятельности Комиссии 1895 г. и вопросу о реформе чиновпроизводства «Новое время» посвятило семь статей. Общий их вывод сводился к необходимости реализации данной реформы: «...уже целых 30 лет почти без перерыва образуются одна за одной комиссии для выработки его (устава о службе гражданской), откуда с очевидностью следует, что старый порядок чиновпроизводства в гражданской службе не только не пригоден при современных обстоятельствах, но и прямо мешает благоустройству гражданской службы» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 3–4]).

Газета «Русские ведомости», редактируемая В.М. Соболевским и А.С. Посниковым, в 1880–1890-е гг. проводила либеральную линию и была популярна среди земских деятелей и в кругах интеллигенции. За свои критические замечания о самодержавном строе издание часто попадало под репрессивные действия властей. В трех статьях этого издания, посвященных отмене гражданских чинов, давалась в целом отрицательная оценка деятельности Комиссии, которой так и не удалось решить главные вопросы: «Высочайше учрежденная при Государственном совете Комиссия для пересмотра Устава о службе гражданской не нашла правильным и своевременным решиться на принятие такой меры, как упразднение чинов, видя в них существенную принадлежность служебного строя Империи...» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 14–15]).

Издававшаяся большим тиражом политическая и экономическая ежедневная газета «Свет» придерживалась консервативного направления. На рубеже XIX–XX вв. редактором издания был И.П. Азюкюль. Политическая направленность редакции отразилась в попытке авторов двух статей, посвященных Комиссии, поддержать ее деятельность: «...нельзя не приветствовать решение Комиссии статс-секретаря Перетца устранить из нового Устава о службе гражданской нынешний основной принцип табели о рангах, по которому чины состоят в строгом соответствии с классами должностей. Это еще не упразднение чинов; до столь радикальных мер Комиссия идти не сочла возможным» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 19–20]).

Газета «Неделя», появившаяся в 1867 г. при участии министра внутренних дел П.А. Валуева, поначалу придерживалась умеренно-консервативных позиций, пока ее не приобрел книготорговец и издатель Г.Е. Генкель. В частных руках издание все больше перенимало либерально-народнические настроения, что даже приводило к временным запретам продажи газеты. Однако в 1880–1890-х гг. издание вновь стало отражать умеренные взгляды и избегало крайних оценок. Например, деятельность Комиссии 1895 г. (ей было посвящено три статьи) описывается следующим образом: «Труд Комиссии не охватывает всех главных частей третьего тома свода законов, касаясь собственно общих оснований поступления на государственную службу... Он находится еще в самой первоначальной фазе, так как не идет дальше установления некоторых основных положений, требующих еще большого труда для дальнейшего развития...» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 28–29]).

Московская общественно-политическая газета «Русское слово» была основана в 1895 г. по инициативе Ф.Н. Плевако и И.Д. Сытина. Первым издателем и редактором газеты был член черносотенного Русско-

го собрания литератор А. А. Александров, а с мая 1901 г. — формально Ф. И. Благоев, а фактически известный журналист и театральный критик В. М. Дорошевич, при котором газета стала самой читаемой в России с наибольшим тиражом. При А. А. Александрове издание придерживалось консервативных взглядов, и это отразилось в пяти газетных статьях, посвященных деятельности Комиссии 1895 г. Например, в одной из статей издательство выражает поддержку деятельности Комиссии, отмечая, что «проект устава о службе гражданской вносит новую, свежую струю в атмосферу чиновничьего быта, дает возможность быть уверенным, что за государством не пропадет служба...» (Цит. по: [2, с. 1]).

50

С помощью контент-анализа была предпринята попытка определить общественное отношение к гражданским чинам и деятельности Комиссии, отразившееся в статьях всех названных изданий.

При составлении классификатора были выделены три категории анализа: «Комиссия», «Чины», «Чиновничество». Для определения единиц анализа выбраны следующие лексемы: «Чины», «Реформа», «Комиссия», «Должности», «Общество», «Чиновничество», «Старый порядок», «Табель о рангах», «Титулы», «Образование», «Вольнонаемные служащие», «Запад», «Проект», «Гражданская служба», «Формализм», «Награды».

Контент-анализ проводился на основе оценки лексем по девятибалльной системе. Данные были распределены в процентном отношении и по числу случаев. Частота встречаемости лексем определялась с помощью методов математической статистики и представлена на рисунке 1. Среди лексем, наиболее часто употребляемых в статьях рассматриваемых изданий можно выделить «Чиновничество», «Чины» и «Комиссия», они будут рассматриваться в отдельных диаграммах. Рассмотрим лексемы «Образование», «Титулы», «Должности» и «Табель о рангах».

Рис. 1. Частота встречаемости лексем в периодических изданиях

Лексема «*Образование*», отражающая образовательный ценз, введенный правительством в отношении чиновников, получила разные оценки в прессе. В статье издания «Русские ведомости» лексема упоминается в положительном контексте в 57,1 % случаев, тогда как в другом издании, «Неделя», она имеет преимущественно негативный характер. Это объясняется тем, что авторы оценивали образовательный ценз по-разному, делая акцент либо на его преимуществах, либо на недостатках. Так, в статье газеты «Русские ведомости» отмечается «естественность» образовательного ценза: «Важность, придаваемая Комиссией степени образования лиц, вступающих на гражданскую службу, вполне понятна и естественна, как и то, что должности высших классов, начиная с V класса, а в министерствах и главных управлениях также и должности VI и VII классов, должны замещаться преимущественно лицами, получившими высшее образование» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 19; 1, с. 155]).

Авторы статей газеты «Неделя» называли предложения, касающиеся образовательного ценза и вносимые в устав о гражданской службе, «*формальной регламентацией*» [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 27]. Например, в проекте Комиссии указывалось, что лица, окончившие шесть классов гимназии, могут дослужиться до должностей седьмого класса, а прошедшие полный курс гимназии — до шестого [22, с. 175–176]. В статье данная мера описывается следующим образом: «Предполагалось, как будто, что каждый класс должности требует совершенно определенной, резко обозначенной меры знаний и что каждый класс гимназии дает некоторую прибавку способностей... Подобные предположения — чистая фикция» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 26]).

Кроме того, в статьях газеты «Неделя» рассматриваются отдельные инициативы Комиссии, посвященные «отмене чинов, установленных петровской табелью о рангах» [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 28]. По мнению ряда критиков системы гражданского чиновничества, обстоятельства меняются настолько быстро, что каждый новый проект рискует оказаться устаревшим еще до своего рассмотрения, и связано это с тем, что Комиссия опасается «пойти на смелые, но необходимые меры» [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 25–26]. Однако сложно представить, чтобы радикальные предложения, такие как полная отмена чинов, могли получить реальное утверждение правительством [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 26]. Таким образом, редакция газеты «Неделя» выражала негативное отношение к мерам, применяемым Комиссией, сомневаясь в их эффективности, что отразилось в отрицательных оценках категорий при описании данных мер.

Лексема «*Табель о рангах*» также получила неоднозначную оценку в прессе. В статьях издания «Новое время» эта лексема отражена нейтрально в 28,6 % случаев упоминания, в то время как в изданиях «Русские ведомости» и «Свет» негативно оценивалась в 57,1 и 77,8 % случаев соответственно. В публикации газеты «Русские ведомости» автор называет Табель о рангах «искусственным созданием» Петра Великого по прусскому образцу и указывает на то, что сложившаяся система утратила первоначальное значение. «Все эти обозначения: титулярный со-

ветник, надворный советник, статский советник, в сущности не имеют никакого смысла...» — отмечает автор (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 12]).

В статье издания «Свет» автор выражает мнение, что система Табели о рангах губит любой талант и интерес к гражданской службе, тем самым обезличивая чиновничий аппарат: «На первом месте ставится всеми наша пресловутая табель о рангах. Крупный, оригинальный талант в рамках этой табели не имеет почти никаких... преимуществ...» [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 23–24].

В статье издания «Новое время» автор стремится раскрыть истинное значение Табели о рангах: «Петр Великий, реформировавший все отрасли государственной жизни, не мог не обратить внимание на ненормальное положение своих чиновников. Желая внести в ряды высшего чиновничества людей способных, но не родовитых, Петр Великий издал известную “Табель о Рангах”, ни во что ставившую родовые заслуги. Этим Петр Великий окончательно уничтожил следы и предания древнего местничества во всех родах государственной службы, выдвинув на первый план личные заслуги каждого» (Цит. по: [27, с. 1–2]). Тем не менее автор также согласен с бытующим в то время мнением о том, что «чины отжили свой век» и существующая система должна модернизироваться и повысить эффективность управления власти [Там же]. В других статьях из газеты «Новое время» выражается разочарование в том, что, согласно сообщениям, Комиссия статс-секретаря Е. А. Перетца, занимавшаяся реформой гражданского чиновничества, так же, как и предшествующие комиссии, не приняла решение о полном уничтожении чинов [14, с. 1–2; 15, с. 1–2]. В издании «Неделя» подчеркивается, что, несмотря на многократные попытки пересмотра III тома Свода законов, сохранялась старая система чиновничества, а авторы проектов относились к чинам с недостаточной уверенностью в их практической целесообразности [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 28].

Таким образом, одна из причин неэффективности деятельности Комиссии, по мнению авторов большинства статей, была связана с неудачной попыткой отмены гражданских чинов, что приравнивало Комиссию Е. А. Перетца к предыдущим комиссиям XIX в., которым также не удалось реализовать данную меру.

Для определения «настроений» прессы в отношении категории «Чиновничество», под которым понимается весь чиновничий аппарат, рассмотрим результаты, представленные на рисунке 2.

В статьях изданий «Новое время» и «Русские ведомости» выявлено негативное отношение к чиновничеству в 58,3 и 53,3 % случаях упоминаний соответственно. В статье, опубликованной в газете «Свет», негативная оценка присутствовала только в 12,5 % случаев, в то время как в 37,5 % отношении к чиновничеству было выражено нейтрально. В газете «Неделя» 17,6 % упоминаний лексики «Чиновничество» имели негативный оттенок, а в 35,2 % случаев — нейтральный. Издание «Русское слово» представляло преимущественно нейтральную коннотацию для лексики «Чиновничество» с равным уровнем негативного и положительного оттенков — по 16,6 %.

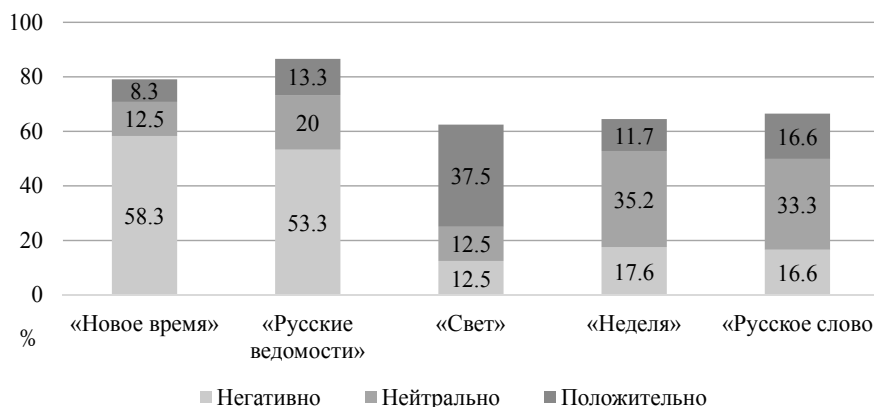

Рис. 2. Категория «Чиновничество»

Среди публикаций изданий, которые выражали негативное отношение к чиновничеству, ярко выделяется статья в газете «Новое время» под заголовком «Одно мнение». В ней автор отмечает, что «до сих пор “реформой” называлось умножение штатов служащих, и до того уже размножили эти штаты, эти полчища канцелярских службистов всех рангов, с расшитыми воротниками, которые постоянно, вот уже два века, пишут и никогда не могут дописать, что, наконец,росло из них одно сплошное недоразумение, покрытое растущей тиной регистраторов, секретарей, советников» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 35]). По мнению другого автора издания «Новое время», отмена чинов невозможна, поскольку они лучше всего описывают русское мышление чиновничества и феномен власти. Автор пишет: «Чин — это фикция власти, награда усердию, и наконец поощрение способностей. Чин до такой степени присущ русскому уму, что в целой табели о рангах едва ли найдется хоть один регистратор, который не считал бы важной частицей петровской системы. Это печальное самоочарование чина переполнено комическими приключениями и анекдотами. Чин стал понятием природным, вводящим человека, преимущественно ограниченного, в некое восхищение, в идольское достоинство» (Цит. по: [10, с. 1–2]). Автор убежден в невозможности ликвидации чинов, рассматривая их как неотъемлемую часть бюрократической системы и русской культуры, укоренившейся в течение двух веков.

В рамках данного исследования важно обратить внимание на категорию «Комиссия» (рис. 3).

В статье издания «Новое время» данная категория встречается с негативным оттенком в 38,8 % случаев упоминания с положительным оттенком в 16,6 %. В издании «Русские ведомости» негативное отношение к лексеме «Комиссия» проявляется в 42,9 %, при этом положительная оценка имеется в 14,3 % случаев. В статье газеты «Свет» лексема «Комиссия» представлена с положительной коннотацией в 42,9 % и с негативной в 14,3 % (рис. 3). В статьях издания «Неделя» лексема «Комиссия» в 37,5 % характеризуется негативно и в 12,5 % положительно.

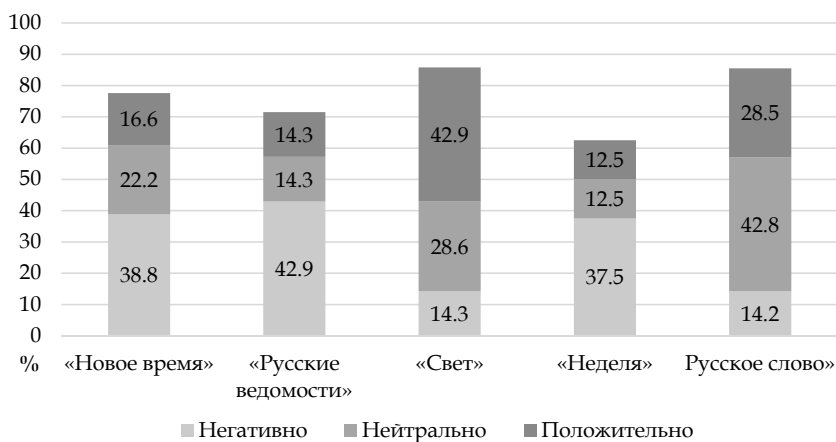

Рис. 3. Категория «Комиссия»

В газете «Русское слово» преобладает нейтральное отношение к Комиссии в 42,8 %, при этом положительная оценка встречается чаще отрицательной (рис. 3). Тем не менее авторы издания «Русское слово» выражали крайнее беспокойство относительно отдельных предложений Комиссии, которые, без подтвержденной информации, проникали в печать [7, с. 1 – 2; 28, с. 1–2]. Речь шла о возможном запрете для чиновников заниматься литературной деятельностью из-за нарушения служебной тайны. Так, Д. Рудин в статье «Чиновник и литература» стремился охарактеризовать данный запрет как попытку усиления цензуры со стороны власти и стремился подчеркнуть возможный ущерб для публицистической деятельности ученых, преподавателей и чиновников. [24, с. 1–2]. Несмотря на недовольство в прессе, данное положение было включено в проект Устава о службе гражданской: «Служащим не дозволяется без разрешения начальства произносить публичные речи, издавать в свет сочинения и помещать в повременных изданиях статьи по предметам, касающимся внешних отношений государства или порядка внутреннего в нем управления» (Цит. по: [11, с. 1–2]).

Рассмотрим одну из наиболее важных категорий исследования – «Чины». Результаты отражены на рисунке 4.

В большинстве печатных изданий наблюдается преобладание негативной оценки данной категории, за исключением статей в газете «Русское слово», где она представлена нейтрально в 55,5 % случаев и только в 11,1 % – негативно. Например, в статье И. Георгиевича отмечаются недостатки существующей системы гражданского чиновничества: «...ныне система настолько неустойчива и сбивчива, что нередко вызывает путаницу и дает каждый раз пищу “публицистам Страстного бульвара”» (Цит. по: [5, с. 1–2]). Однако он подчеркивает, что в новом проекте Устава о службе гражданской были исключены статьи, предоставляющие чиновникам высшего ранга право увольнять служащих низшего звена без дополнительного расследования. Согласно ст. 352 данного проекта, увольнение служащих стало возможным лишь по ре-

шению суда или же на основании особых правил. Хотя автор статьи высказывает поддержку предложениям Комиссии, включая отмену чинов, он сомневается в их способности улучшить эффективность бюрократического аппарата [Гам же].

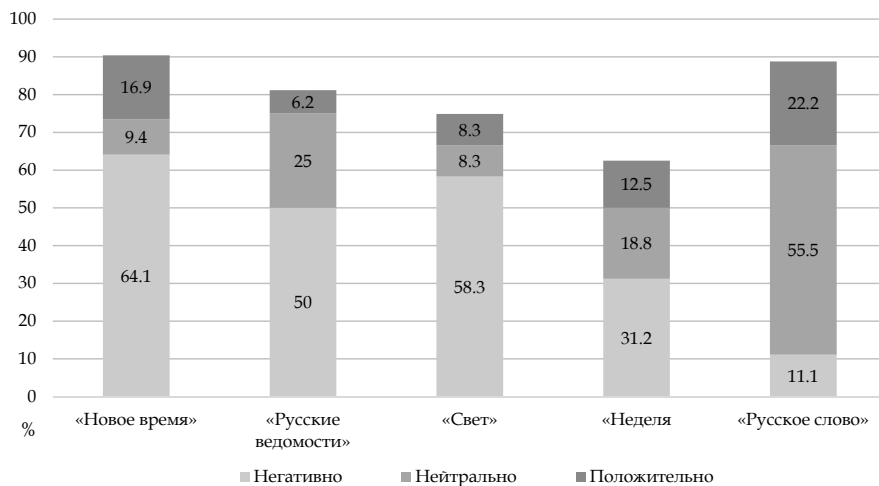

Рис. 4. Категория «Чины»

Суммируя результаты контент-анализа статей, посвященных деятельности Комиссии по пересмотру Устава о службе гражданской 1895 г., можно сделать следующие выводы. Проблема гражданского чиновничества стала предметом всесторонней критики в повременных изданиях Российской империи в конце XIX — начале XX в. Большинство авторов подчеркивали необходимость отмены гражданских чинов как устаревшего инструмента рекрутирования кадров бюрократического аппарата.

Можно предположить, что дискуссия о судьбе гражданских чинов в периодической печати отражала народную позицию к чинам. К примеру, в работе В.Я. Гросула «Власть и общественное мнение в России XVIII-XIX веков» отмечается: «В 90-е годы внимание общества привлек и дворянский вопрос, к которому были равнодушны низы, но который, кроме общества, также затронул и правительственные верхи. Разразилась довольно острая полемика в печати, и дискуссия затронула почти все дворянское общество. Эта полемика в печати, отражавшая состояние общественного мнения по дворянскому вопросу, показала всю его запутанность и неразрешимость. Вопрос запутывался и, несмотря на его многократное рассмотрение в верхах, по существу оказался неразрешенным» (Цит. по: [6, с. 153–154]). Однако более детальное изучение содержания статей позволило определить, что отношение общества к ним оказалось не столь отрицательным, как могло показаться изначально.

«Для общества, для населения... важно лишь то, какая степень власти принадлежит тому или другому лицу по служебному положению: положение же определяется всецело должностью, а не чином», — отмечается

в статье газеты «Новое время» (Цит. по: [21, с. 1–2]). Автор показывает, что отдельная часть общества знает лишь некоторые должности на государственной службе, при этом зачастую не задумывается, какой чин за ней числится. В публикации газеты «Свет» подчеркивается схожее мнение: «Все население губернии знает, что губернатор — большая власть, а в каком чине состоит губернатор данной губернии — об этом 99/100 населения не знает... Да и в уездах знают исправника, станового, казначея, земского начальника, судью и т. д., а в каких они чинах и имеют ли чины, до этого решительно никому нет дела, и никто этим не интересуется» (Цит. по: [23, ф. 1200, оп. 1, д. 11, л. 19–20]).

Можно допустить, что система гражданского чиновничества, сформированная по западным образцам в XVIII в., была запутанной и не вызывала интереса у тех слоев населения, которые не имели непосредственного отношения к гражданской службе. Проблема отмены гражданских чинов являлась узкопрофессиональной и вызывала беспокойство со стороны правительства, стремившегося повысить эффективность государственной службы и чиновников, которые боялись лишиться социальных преимуществ, связанных с чинами. Таким образом, можно резюмировать, что проблема отмены гражданских чинов не получила широкого резонанса в обществе, тогда как критика чинов со стороны издательств нередко описывалась в русле общей тенденции недоверия к бюрократии.

В монографии К. А. Соловьева «Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества» описываются важные тенденции функционирования бюрократического аппарата [25, с. 56–57]. Бюрократия в конце XIX — начале XX в. оставалась разночинной, что объясняет мотивы отдельных групп чиновничества в борьбе за сохранение своих привилегий. Основные аргументы в защиту чинов оставались в целом ожидаемо традиционными, по большому счету в русле охранительной позиции бюрократии.

Чины по-прежнему определяли ранг и место служащего в социальной иерархии, особенно в чиновничьей среде [16, с. 134–135]. С чинами помимо денежных выплат соединялись различные сословные права, к которым можно отнести право на дворянство, право на помещение детей в известные привилегированные учебные заведения, право на получение титула и др. Кроме того, в определенных ведомствах чины служили основанием для получения казенных квартир. В провинциальных кругах чин часто определял место государственного служащего и членов его семьи на парадном обеде, форму обращения к чиновнику и др. [26, с. 46–47].

Что касается общества в целом, то оно, безусловно, имело разную оценку по отношению к чиновничеству. Население возмущалось взяточничеством, казнокрадством и отстраненностью чиновников от насущных общественных проблем. Однако профессиональные проблемы функционирования системы гражданского чиновничества не вызывали особого интереса в широких кругах образованного населения. Следовательно, отмена гражданских чинов едва ли серьезно взволновала бы общество и изменила его отношение к государственным служащим в целом.

Список литературы

1. Белых А.А., Дмитриев А.Л. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке // Экономическая политика. 2021. Т. 16, №4. С. 144–169.

2. Русское слово. 1901. № 233, 25 авг. // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/91560-locale-nil-233-25-avg> (дата обращения: 19.07.2023).

3. Вакилев Т.Р. Правительственная политика по отношению к чиновничеству в первые годы царствования Николая I как отражение его политического курса // Наука, общество и государство. 2014. № 1. С. 10–19.

4. Вакилев Т.Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017.

5. Русское слово. 1901. № 152, 5 июня // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/91420-locale-nil-152-5-iyunya> (дата обращения: 19.07.2023).

6. Гросул В.Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 118–172.

7. Русское слово. 1901. № 152, 12 июня // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/91427-locale-nil-159-12-iyunya> (дата обращения: 19.07.2023).

8. Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России : ист. очерк. СПб., 1887.

9. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964.

10. *Nouvelles*, 9 décembre 1897 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/nouvelles-vremja/9-decembre-1897/4466/5536748/3?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=6> (дата обращения: 19.07.2023).

11. *Nouvelles*, 28 août 1898 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/nouvelles-vremja/28-aout-1898/4466/5536758/1?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D2%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=30> (дата обращения: 19.07.2023).

12. Собрание сочинений К.Д. Кавелина. Т. 3. Наука, философия и литература // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/446362> (дата обращения: 19.07.2023).

13. Карнович Е. Собрание сочинений : в 4 т. / сост. Т. Прокопов. М., 1995. Т. 2.

14. *Nouvelles*, 14 août // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/nouvelles-vremja/14-aout-1897/4466/5536308/11?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B->

D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=20 (дата обращения: 19.07.2023).

15. *Novoe vremja*, 1 avril 1899 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/1-avril-1899/4466/5537438/8?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=15> (дата обращения: 19.07.2023).

16. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

17. Макей А. Д. Эволюция гражданского чиновничества в Российской империи в XVIII–XIX веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №1. С. 39–52.

18. Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество / ред., О. В. Полякова. М., 1999. Т. 2.

19. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России первой трети XIX в.: становление министерской системы. М., 2019.

20. Плех О. А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI вв. // Вопросы истории. 2019. №11. С. 258–272.

21. *Novoe vremja*, 19 avril 1895 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/19-avril-1895/4466/5527164/1?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=8> (дата обращения: 19.07.2023).

22. Раскин Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX – начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. №4. С. 410–422.

23. *Российский* государственный исторический архив.

24. *Novoe vremja*, 3 avril 1896 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/3-avril-1896/4466/5527676/1?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D0%25BE%25D0%25B2%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BA%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1890-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D104&index=12> (дата обращения: 19.07.2023).

25. Соловьев К. А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018.

26. Соловьев К. А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017.

27. *Novoe vremja*, 1 août 1896 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/1-aout-1896/4466/5535266/1?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25B-D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=20> (дата обращения: 19.07.2023).

D%25D1%258B%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1850-01-01%26publishedEnd%3D1899-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D2%26searchIn%3Dall%26total%3D4125&index=29 (дата обращения: 19.07.2023).

28. *Novoe vremja*, 18 decembre 1901 // Retronews. URL: <https://www.retronews.fr/journal/novoe-vremja/18-decembre-1901/4466/5539374/13?from=search%23allTerms%3D%25D1%2587%25D0%25B8%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25BA%26sort%3Dscore%26publishedStart%3D1900-01-01%26publishedEnd%3D1909-12-31%26publishedBounds%3Dfrom%26indexedBounds%3Dfrom%26page%3D1%26searchIn%3Dall%26total%3D209&index=3> (дата обращения: 19.07.2023).

29. Шевцов Н. В. Вклад А. С. Суворина и его газеты «Новое время» в русскую культуру второй половины XIX — начала XX вв. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5, №3. С. 137 — 147.

30. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XIX в. СПб., 1999.

31. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской Империи 1802 — 1917 гг. Биобиблиографический справочник. 2 - е изд., испр. и доп. СПб., 2002.

Об авторе

Артем Дмитриевич Макей — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: artem.makej@bk.ru

A. D. Makey

«ASPECTS OF SELF-CRITICISM»: RUSSIAN PRESS ON THE ACTIVITIES OF THE COMMISSION FOR THE REVISION OF THE CIVIL SERVICE STATUTE IN 1895

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 22 July 2023

Accepted 30 January 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-5

To cite this article: Makey A.D. 2024, "Aspects of self-criticism": Russian press on the activities of the commission for the revision of the Civil Service Statute in 1895, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 45 — 60. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-5.

Using the method of content analysis, this article examines publications from popular Russian newspapers "Novoe Vremya," "Russkie Vedomosti," "Svet," "Nedelya," and "Russkoe Slovo" dedicated to the activities of the Commission for the Revision of the Statute on Civil Service of 1895. By utilizing data from unpublished documents of the Russian State Historical Archive (RGIA), the author aims to answer questions regarding public opinion towards civil ranks, the reform of the civil rank system, and how this issue was reflected in periodicals of the

late 19th and early 20th centuries. The results of the content analysis complement previously conducted research and reveal additional details about the impact of civil service reform on various aspects of public life during the studied period.

Keywords: Russian Empire, Table of Ranks, Nicholas II, civil ranks, press, officials, public opinion, content analysis

The author

Artyom D. Makey, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: artem.makej@bk.ru

А. В. Мутьев

РОЛЬ Н. А. СУЛТАН-КРЫМ-ГИРЕЯ
В РАЗВИТИИ СОКОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия

Поступила в редакцию 29.09.2023 г.

Принята к публикации 07.03.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-6

Для цитирования: Мутьев А. В. Роль Н. А. Султан-Крым-Гирея в развитии сокольского движения в Российской империи // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 61 – 76. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-6.

Исследована деятельность российского и крымского государственного и общественного деятеля Н. А. Султан-Крым-Гирея по развитию сокольского спортивно-гимнастического движения в России в конце XIX – начале XX в. Установлено, что становление Н. А. Султан-Крым-Гирея как специалиста в области гимнастики происходило во время обучения и в период воинской службы в лейб-гвардии Литовского полка в должности руководителя гимнастической команды. На гражданской службе в Таврической губернии Николай Александрович был попечителем феодосийских гимназий и активно участвовал в совершенствовании образования, укреплении здоровья и физической подготовленности учащихся учебных заведений Крыма, был одним из первых инициаторов введения преподавания гигиены в учебных заведениях России. Кавказский период деятельности Н. А. Султан-Крым-Гирея характеризовался его непосредственным участием в создании и руководстве первым в Российской империи сокольским гимнастическим обществом. Заняв должность сенатора, принимал непосредственное участие в создании и деятельности сокольских гимнастических обществ в Санкт-Петербурге и единого управляющего органа сокольского движения России «Союз русского сокольства» и руководстве ими. Способствовал присоединению «Союза русского сокольства» к «Союзу славянского сокольства». Своей многолетней деятельностью по развитию спортивно-гимнастического движения Н. А. Султан-Крым-Гирей внес весомый вклад в возникновение, становление и распространение сокольской гимнастики в России не только как средства физического и морального воспитания, но и социального движения, направленного на консолидацию всего российского общества.

Ключевые слова: Н. А. Султан-Крым-Гирей, гимнастика, сокольское движение, Российская империя, развитие, вклад

Введение

В настоящее время все чаще в поле зрения ученых и специалистов-краеведов попадают имена выдающихся государственных и общественных деятелей Российской империи — потомков крымских ханов Александра Ивановича и его сына Николая Александровича Султан-Крым-Гиреев.

Николай Александрович Султан-Крым-Гирей (1836—1920) сделал блестящую карьеру на государственной службе и внес существенный вклад в развитие ряда сфер государственной и общественной жизни Российской империи, однако его деятельность в научных публикациях освещена весьма скудно. В научном фонде и учебной литературе личность Н. А. Султан-Крым-Гирея упоминается лишь фрагментарно в связи с его деятельностью в качестве помощника по гражданской части у графа Воронцова-Дашкова в период революционных событий на Кавказе [3, с. 420] и его ролью в попытках урегулировать революционные выступления крестьян в Горийском и Душетском уездах в феврале 1905 г. [10, с. 256]. Имеются единичные упоминания деятельности Николая Александровича как попечителя учебных заведений Феодосии в 1880—1890-х гг. [26].

Попыткой привлечь внимание к его личности стала публикация Т. В. Соболевской, где автор приводит биографические факты из жизни Султан-Крым-Гиреев на основе анализа имеющихся в фонде Государственного архива Республики Крым документов [23]. Однако одна из важнейших сторон жизни Н. А. Султан-Крым-Гирея, связанная с его деятельностью по развитию спортивно-гимнастического движения в России, осталась практически без внимания исследователей, в то время как он имел непосредственное отношение к возникновению и развитию на территории Российской империи сокольского гимнастического движения — наиболее массовой и популярной системы физического воспитания в учебных заведениях, армии, молодежных и спортивных организациях в начале XX в., основанной на патриотических идеях объединения славянских народов. Необходимость восполнения исторических сведений о различных сторонах жизни и деятельности Н. А. Султан-Крым-Гирея обусловила **цель** нашей работы — определить его роль в возникновении и развитии спортивно-гимнастического движения в России в конце XIX — начале XX в. В задачи исследования вошло изучение биографических сведений о семье Султан-Крым-Гиреев, рассмотрение формирования Н. А. Султан-Крым-Гирея как специалиста, организатора, руководителя в области гимнастики и оценка его вклада в становление и развитие сокольского движения в России. Для решения поставленных задач были проанализированы и обобщены три группы источников: к первой группе относятся архивные источники, литературные произведения и научные труды, содержащие биографические сведения о семье Султан-Крым-Гиреев; вторая группа включала исторические отчеты и данные об организациях, где проходили обучение, воинская, гражданская и государственная служба Н. А. Султан-Крым-Ги-

рея; третья группа содержала материалы, касающиеся непосредственно развития сокольского гимнастического движения в России, вклада и участия в нем Н. А. Султан-Крым-Гирея.

Семья Н. А. Султан-Крым-Гирея

Рассматривая биографию Н. А. Султан-Крым-Гирея, условно можно выделить следующие периоды его жизни и деятельности: детство (1836–1846), учеба и воинская служба (1846–1861), крымский (1861–1895), кавказский (1895–1906) и петербургский периоды (1906–1920).

Николай Александрович Султан-Крым-Гирей (Крым-Гирей-Адиль-Гирей) родился 22 июня 1836 г. и был крещен в евангельской церкви деревни Нейзац Таврической губернии (сейчас с. Красногорское Белогорского р-на Республики Крым). Определением дворянского собрания от 3 сентября 1837 г. внесен во 2-ю часть родословной книги дворян Таврической губернии [29, ф. 49, оп. 1, д. 5640, л. 35, 58–70]. Об отце Николая Александровича – Александре Ивановиче Султан-Крым-Гирее (магометанское имя Султан Крым-Герай-Кати-Гирай, 1788–1846) – из анализа доступных биографических сведений известно, что он, вероятно, единственный сын крымского калга-султана Бахта Гирея и племянник последнего Крымского хана Шагин Гирея [11, с. 88], проживал среди кубанских черкесов и ногайцев. Рано потерял родителей и, попав под влияние шотландских проповедников, которые жили и работали на Кавказе, принял христианство реформаторского направления и наречен Александром Ивановичем Султан-Крым-Гиреем (1807) [29, ф. 49, оп. 1, л. 12, 14]. В 1809 г. поступил на воинскую службу в Нижегородский драгунский полк, где служил 6 лет и 9 месяцев. В 1809 г. участвовал в походе и боевых действиях против турецких войск. В январе 1816 г. по болезни вышел в отставку в чине поручика Нижегородского драгунского полка. Император Александр I пожаловал ему при отставке 6 тыс. рублей пенсии в год и 15 тыс. из казны для приобретения земель. С 1816 по 1820 г. жил «на казенный счет» и учился в Лондонской академии и Эдинбургском университете. В период жизни и обучения там женился на британской подданной, дочери дворянина, врача и полковника Джеймса Нейльсона Анне Нейльсон, или, как встречается в переводах, Нильсон (в замужестве – Анне Яковлевне Бахтыгиреевой) [21, с. 145]. Двадцатого августа 1820 г. вернулся в Санкт-Петербург и в конце ноября 1821 г. отправился с высочайшего дозволения в Таврическую губернию, где поселился в Симферополе. В Симферополе построил дом и купил небольшой луг (18 десятин), развел виноградный сад на южном берегу близ реки Суук-Су в Гурзуфе, приобрел лесную дачу при дер. Дермерджи. В Крыму был известен как богослов, меценат и любитель древностей и истории. Владел английским, русским и турецким языками. Образование, религия, принципы поведения и даже обстановка в доме Александра Ивановича Султана-Крым-Гирея отмечались его современниками как «европейские».

Отмечены его заслуги в деле сохранения истории и культуры Крыма. Им были впервые обнаружены в конце апреля 1827 г. остатки и артефак-

ты древнего скифского города Неаполь-Скифский. Также освещена миссионерская деятельность Александра Ивановича в Крыму, связанная с его увлечением теологией и идеей христианизации российских мусульман [25]. В публикациях, посвященных пребыванию в Крыму А. С. Грибоедова в 1825 г., описываются его впечатления от встреч и бесед с Султан-Крым-Гиреем о религии. Упоминается о его связях с ирландскими проповедниками и миссионерами в Крыму и на Кавказе [24, с. 76–77]. Как любитель и знаток Крыма, Султан-Крым-Гирей часто помогал приезжим в качестве гида [12].

Есть упоминания и о роли физических упражнений и состязаний в деятельности Александра Ивановича. Роберт Лайалл описывает праздник, устроенный А. И. Султан-Крым-Гиреем в рамках его просветительской миссии в деревушке Кикинеиз, где он выступил перед селянами и муллою с речью о христианских доктринах, а после были проведены состязания среди жителей села по борьбе на поясах. Лайалл пишет: «...я объявил празднование так называемой “Олимпиады” и показал призы, состоящие из предметов, которые мы приобрели в Симферополе и Бахчисарае... Когда обед закончился, староста, или старейшина, собрал старых и молодых мужчин, мальчиков и даже детей — вообще все мужское население деревни. Мы устроили соревнования среди мальчиков, которые приняли в нем участие с воодушевлением. Упражнения татар в борьбе выглядели крайне забавно. В конце концов они спокойно схватили друг друга за штаны ниже бедер и начали борьбу...» [21, с. 149–150]. Это позволяет судить о том, что в семье Крым-Султан-Гиреев положительно относились к физическим упражнениям и состязаниям, особенно связанным с традиционной культурой крымских татар.

Учеба и воинская служба (1846–1861)

Потеряв отца в возрасте 10 лет, юный Николай был отправлен (видимо, в 1846 г.) на воспитание в Павловский кадетский корпус Санкт-Петербурга. В соответствии с утвержденным новым Уставом военных учебных заведений была определена десятиклассная структура обучения: 2 подготовительных, 6 общих и 2 специальных класса). После обучения кадеты производились в офицеры непосредственно в корпусе [6, с. 137]. Во время обучения Султан-Крым-Гирей был назначен на почетную должность «знаменщика» [20, с. 108], что было свидетельством большого прилежания и успехов в учебе молодого кадета.

Обучение в кадетском корпусе позволило Николаю впервые познакомиться с гимнастикой, поскольку годы его учебы совпали с интенсивным распространением в кадетских корпусах шведской гимнастической системы. Инициатором ее внедрения еще с 1832 г. выступал великий князь Михаил Павлович, возглавлявший военно-учебное ведомство. В других учебных заведениях Российской империи преподавание физических упражнений не велось вплоть до 1870-х гг. Кадетским же корпусам согласно «Наставлению для образования воспитанников военно-учебных заведений» (1848) рекомендовались к изучению пять видов «гимнастиче-

ских упражнений» (собственно гимнастика, фехтование, танцы, верховая езда и плавание) [6, с. 137]. Распорядок дня в Павловском кадетском корпусе был строго регламентирован и включал обязательные занятия гимнастикой, танцами и строевыми упражнениями. В своем описании кадетского дня Л. И. Януш писал: «...в 11 часов утра раздавался давно жданный, радостный сигнал — “отбой”, означавший конец уроков. Придя в роту, мы прятали в свои ящички принесенные из классов книги и тетради... Уложив книги, мы мыли руки, чистились, строились, подвергались новому осмотру и получали по маленькому ломтю черного хлеба с солью. Затем начинались разные ротные занятия; три раза в неделю бывало фронтное учение и по одному разу — гимнастика, танцы и словесное учение... К 1 часу дня оканчивались телесные упражнения» [28, с. 102].

Получив офицерский чин по окончании кадетского корпуса в 1856 г., Султан-Крым-Гирей был направлен на службу в лейб-гвардию Литовского полка, где назначен заведовать офицерской стрельбой и полковой гимнастической командой. Молодой офицер достиг высочайших успехов в этом деле. Период его поступления на военную службу совпал с большими изменениями в системе обучения войск, вызванными опытом крымской войны. Действующий Литовский полк был переведен на усиленные занятия стрельбой, фехтованием и гимнастикой согласно новой системе обучения, предписанной главнокомандующим гвардейскими и гренадерскими корпусами Ридигером [16, с. 399–400]. Гимнастике и фехтованию было отведено должное место в ряду предметов солдатского обучения. Были сформированы новые полковые структуры: стрелковые роты, фехтовальные и гимнастические команды. Учебная гимнастическая и учебная фехтовальная команды готовили инструкторов для обучения общей массы нижних чинов. Вверенная Султан-Крым-Гирею гимнастическая команда состояла из 2 офицеров, 12 унтер-офицеров и 24 рядовых [16, с. 400].

В феврале 1856 г. для соблюдения «однообразия и правильности в занятиях фехтованием и гимнастикой» наблюдение за ходом их в полках гвардейской пехоты граф Ридигер возложил на генерал-майора Алопеса. Кроме того, офицеры, заведовавшие в полках гимнастическими и фехтовальными командами, должны были еженедельно по воскресеньям являться к начальнику штаба гвардейских и гренадерских корпусов и лично представлять ему отчеты о ходе занятий. Для обучения офицеров фехтованию и гимнастике в Петербурге, а несколько позднее и в Москве, был открыт фехтовально-гимнастический зал, в котором еженедельно устраивались общие бои [16, с. 401]. Эти занятия посещал и Николай Султан-Крым-Гирей как руководитель гимнастической команды, совершенствуя свое педагогическое мастерство и осваивая самые передовые для того времени методы и приемы обучения. Так, в течение зимы 1857 г. лейб-гвардии Литовский полк, неся караульную службу в Москве, активно занимался стрельбой, фехтованием и гимнастикой. При этом для ведения занятий гимнастикой использовались методические указания наиболее опытных специалистов того времени. Они касались изменения принципов обучения гимнастическим и фех-

товальным приемам, ухода от массового обучения к индивидуализации подготовки. А. Маркграфский сообщает: «...в феврале 1857 г. учитель гимнастики и фехтования войск, в Москве расположенных, Пуаре доносит начальнику дивизии, генерал-лейтенанту барону Корфу, что при обучении фехтованию рот не нужно заботиться о темпе и однообразии приемов целых шеренг, а следует добиваться ловкости лишь в приемах поодиночке» [16, с. 405].

Помимо фехтовальных и гимнастических занятий обязательной была офицерская стрельба. Заведовавший ей прапорщик Султан-Крым-Гирей еженедельно представлял отчеты о ее результатах командиру полка барону Меллеру-Закомельскому [16, с. 405]. На летних сборах в высочайшем присутствии проходили состязания офицерского гвардейского корпуса в стрельбе, на которых «объявлено монаршее благоволение за отличную стрельбу» офицерам лейб-гвардии Литовского полка [16, с. 407]. Такие состязания стали проводиться ежегодно, и не проходило года, чтобы «некоторые из офицеров Литовского полка не получили призов» [16, с. 410]. Преимущества новой системы обучения и успехи руководителей гимнастики, фехтования и стрельбы были очевидны. Командир корпуса генерал-адъютант Плаутин нередко после очередного смотра или парада в высочайшем присутствии отдавал приказы такого рода: «Нижние чины становятся более развязными, без робости, смело смотрят на начальника, держат себя непринужденно и вообще заметно делаются более ловкими» [16, с. 411].

В 1858 г. прапорщик Николай Александрович Султан-Крым-Гирей вместе с еще 14 офицерами Литовского полка, выдержав сложные вступительные испытания, поступил в Николаевскую академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге, что свидетельствовало о высоком уровне его образования и подготовки. Это военное учебное заведение занимало центральное место в системе военного образования России, а обучение офицера в ней приравнялось к особому отличию и было почетным. В 1860 г., успешно окончив курс Академии, Н. А. Султан-Крым-Гирей был возвращен в строй, а в 1861 г. уволен по болезни [5, с. 111].

Крымский период (1861 – 1895)

Лечение болезни Николая Александровича, по всей видимости, проходило в Крыму, а после выздоровления он поступил на гражданскую службу. Султан-Крым-Гирей, несмотря на то, что не имел профильного юридического образования, с 1863 по 1868 г. занимал должность судебного следователя 3-го участка Феодосийского уезда Таврической губернии. В 1868 – 1871 гг. состоял участковым мировым судьей по городу Феодосии, а в 1871 г. избран феодосийским городским головой и занимал этот пост до 1875 г. Будучи главой и членом попечительских советов Феодосийских учебных заведений, Н. А. Султан-Крым-Гирей занимался вопросами их материального благосостояния (обустройство зданий, выделение денежных средств на развитие гимназий, выписка необходимых учебных пособий, определение размера жалованья служителям гимназии). Помимо этого Николай Александрович активно содействовал раз-

витию преподавания гимнастики, укреплению физического и морального состояния гимназистов, был инициатором введения преподавания правил гигиены в учебных заведениях [26].

После ухода с поста городского головы в 1875 г. Султан-Крым-Гирей был избран председателем Феодосийской уездной земской управы и губернским гласным Таврической земской управы, которой руководил в 1885 г. и характеризовался как «высокообразованная личность и умелый хозяйственник». Одновременно в течение 11 лет Султан-Крым-Гирей занимал пост уездного предводителя дворянства. Земства Таврической губернии помимо ряда остальных вопросов организовали работу начальных народных училищ и оказывали существенную поддержку различным образовательным структурам, выпускники которых зачастую работали учителями народных школ и училищ.

В период своей деятельности с 1876 по 1886 г., занимаясь преимущественно земскими вопросами, Николай Александрович публиковал статьи (корреспонденцию) в журналах Крыма и России, в том числе по вопросам преподавания гигиены, укрепления здоровья и физического состояния учащейся молодежи в журнале «Здоровье» (под редакцией проф. А. П. Доброславина). В этот период он установил связи с вновь созданным в 1877 г. «Русским обществом охранения народного здравия». Инициаторами создания этой организации выступили выдающиеся врачи-гигиенисты А. П. Доброславин, И. Е. Андриевский, Н. Ф. Здекауэр в целях «содействия улучшению общественного здравия и санитарных условий в России». Это было фактически первое научное объединение в России, которое рассматривало вопросы общественной гигиены. И первым среди 27 отделов общества в разных городах России был организован именно феодосийский отдел (в 1880 г.) [7, с. 133]. Созданные в регионах отделы объединяли наиболее прогрессивных представителей различных специальностей и слоев местной интеллигенции в целях изучения неотложных санитарных нужд в пределах края.

Важную роль сыграл Н. А. Султан-Крым-Гирей в становлении преподавания гигиены в учебных заведениях Феодосии и всей России, обратившись от имени феодосийского уездного земства в «Русское общество охранения народного здравия» с вопросом: «возможно ли рассчитывать на какой-либо успех в борьбе с эпидемиями, когда в обществе русском совершенно не распространены сведения о гигиене и когда до сих пор в имеющихся в феодосийском земстве училищах вовсе не преподается гигиена» [7, с. 22]. Общество во всестороннем рассмотрении вопроса постановило: «Несомненную выгоду для обеспечения народного здравия можно ожидать прежде всего от введения преподавания гигиены в учительских институтах, учительских семинариях, мужских и женских, а равно и в духовных семинариях; для указания возможности преподавания этого предмета общество рекомендовало две программы: одну, представленную Н. А. Гуциным, другую, напечатанную проф. А. П. Доброславиным. О таком решении Общества представлено министру внутренних дел и св. Синоду и сообщено председателю феодосийского земского собрания». В 1880 г. общество, пользуясь предоставленным ему правом, впервые в истории обратилось к

министру внутренних дел с ходатайством «о введении преподавания гигиены в некоторых учебных заведениях и о создании повсюду местной санитарной организации» [7, с. 23]. Эти меры повлекли за собой медико-санитарные обследования в школах для изучения факторов, влияющих на физическое и психическое развитие детей. Среди вопросов школьной гигиены, интересовавших общество, стали решать вопросы о текущем санитарном надзоре за учащимися и школами и о преподавании гигиены в школах [13], о вреде применяемых физических упражнений из ранее используемой в гимназиях военной гимнастики («ex temporale») и существующих мерах дисциплинарных наказаний учеников [7, с. 81].

С 1886 г. Николай Александрович поступил на государственную службу в должности статского советника и управляющего Екатеринбургской казенной палатой, а позже в Таврической губернии на аналогичной должности был произведен в действительные статские советники, где его деятельность была высоко оценена. В 1887 г. Султан-Крым-Гирей стал действительным членом Таврической ученой архивной комиссии, а с 1898 г. — почетным ее членом [29, ф. 27, оп. 13, д. 8128, л. 42].

Кавказский период (1895—1906)

В 1895 г. Султан-Крым-Гирей по долгу службы переехал в Тифлис, где стал членом от Министерства финансов в Совете главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. С упразднением этой должности и восстановлением Кавказского наместничества (26 февраля 1905 г.) граф И. И. Воронцов-Дашков назначил Н. А. Султан-Крым-Гирея своим помощником по гражданской части [19, с. 528], где он характеризовался как человек «даровитый, опытный, честный, умный и любящий Кавказ» [3, с. 420]. В поле деятельности Николая Александровича попадают сферы образования и физического воспитания. Именно в этот период он знакомится с сокольской гимнастикой и принимает участие в создании гимнастического общества, сокольского по своей сути. В биографических источниках указано, что среди других обязанностей в этот период Султан-Крым-Гирей был председателем Тифлисского гимнастического общества «Сокол» [20, с. 108]. Однако, по-видимому, эти данные не совсем точны, поскольку название «Сокол» у Тифлисского гимнастического общества появилось лишь в 1907 г. [8, с. 59]. Эта организация была одной из самых первых сокольских спортивных обществ в Российской империи. Ее истоки ведут к новаторской организационно-педагогической деятельности Льва Львовича Маркова — директора Первой тифлисской мужской гимназии, где организовывались занятия по гимнастике не только для учеников, но и для всех желающих. Марков прекрасно разбирался во всех деталях школьного физического воспитания. Он сам видел положение в этом отношении во Франции, Германии и Чехии, знал, что происходило в Англии, Америке, Бельгии, Скандинавских странах. Его родной брат, писатель и краевед, директор Симферопольской мужской гимназии Евгений Львович Марков писал: «Гимнастике в Тифлисской гимназии придано особенное значение. 4 часа ежедневно идут занятия гимнастикой для проходящих и пансионеров, чтобы дать

возможность всякому классу поупражнять свои мускулы, к великому благу для здоровья детей, которые здесь на Кавказе привыкли гораздо более к физическим упражнениям, чем наши русские дети, и потому гораздо более нас страдают от постоянно сидячей жизни за книжкой» [17, с. 428].

Гимназия с конца 1880-х гг. располагала прекрасной спортивной базой. В 1886 г. был выстроен обширный гимнастический зал, где могли заниматься 50—60 человек. Имелся инвентарь для занятий различными видами спорта, большой летний гимнастический павильон и плац, множество различных гимнастических снарядов, выписанных из Саксонии и Москвы. Через десять лет был построен плавательный бассейн (12 × 10 × 2 аршина) с проточной водой. Первый учитель гимнастики Тифлисской гимназии чех Юлиус Грумлик был приглашен в октябре 1889 г., но приехал к концу года. В приглашении Грумлика большую роль сыграли попечитель Кавказского учебного округа К. П. Яновский, инспектор И. Т. Доброглав и редактор чешского педагогического журнала «Крок» Т. Прусик [27, с. 24—25]. В последующие годы в Тифлис прибыли и другие «соколы», окончившие гимнастические школы в Чехии: Б. К. Потучек (с 1 сентября 1892 г.), А. И. Лукеш (с 1 сентября 1896 г.), А. А. Скотак (с 1898 г.), также приглашенные на должности преподавателей гимнастики в учебных заведениях Тифлиса. Помимо школьных уроков они вместе с помощниками из числа лучших учеников (так называемыми фортурнарами) вели по вечерам с 8 до 10 часов занятия группы любителей гимнастики со всеми желающими. С 1897 г. вечерние гимнастические занятия приняли вид кружковых, которые с 1898 г. становятся официальными. Первый устав кружка, составленный в 1899 г., государственные органы не утвердили, он был утвержден лишь 9 декабря 1900 г., а 11 февраля 1901 г. в Тифлисе официально открылось «Гимнастическое общество в г. Тифлис» [27, с. 44]. Эта организация объединила все спортивные секции и упорядочила проведение состязаний. В некоторых источниках указывается, что председателем общества стал Ю. Грумлик [14, с. 346], однако очевидно, что возглавить вновь созданную организацию было доверено Н. А. Султан-Крым-Гирею, имевшему значительный вес в правящих кругах региона и большой опыт организации гимнастики еще со времен военной службы.

В 1902 г. после IV Всесокольского слета в Праге, где впервые приняли участие делегаты от спортивных организаций Российской империи, к сокольскому движению повысилось внимание среди правящих кругов и недоверчивое отношение к нему сменилось интересом. На следующий Всесокольский слет в 1907 г. была приглашена команда тифлисских гимнастов, которая заняла второе место, уступив только хозяевам-пражанам [9, с. 21]. В сентябре 1907 г. впервые в Российской империи правительство разрешило «Гимнастическому обществу в г. Тифлис» носить название «Сокол», что считается официальной датой возникновения сокольства в России. В Спортивном музее Грузии хранится фотопортрет Николая Александровича в традиционном костюме российских гимнастов-соколов (рис. 1), что свидетельствует о его существенной роли в становлении спортивно-гимнастического движения в Тифлисе.

Рис. 1. Товарищ (заместитель) председателя гимнастического общества «Сокол III» в Санкт-Петербурге сенатор Н. А. Султан-Крым-Гирей. Грузинский спортивный музей (<https://dspace.nplg.gov.ge/handle/1234/78300>)

После 1907 г. гимнастические общества в России массово переименовываются в сокольские. Сокольскими стали гимнастические общества в Москве, Одессе, Ташкенте и других городах.

Петербургский период (1906 – 1920)

В 1906 г. Н. А. Султан-Крым-Гирей продолжил свою карьеру в Санкт-Петербурге в должности сенатора в Правительствующем сенате, и до 1917 г. он присутствовал в Судебном департаменте. В этот период Николай Александрович занимался развитием уже официально разрешенного указом П. А. Столыпина спортивно-гимнастического движения «Сокол». В 1907 г. в Санкт-Петербурге созданное в 1905 г. на основе чешских гимнастических кружков гимнастическое общество «Север» получило название «Сокол-I» [22, с. 328]. Н. А. Султан-Крым-Гирей был избран заместителем (товарищем) председателя этой организации.

Н. А. Султан-Крым-Гирей сыграл важную роль в выходе сокольского движения на новый уровень, приняв активное участие в образовании единого управляющего органа, призванного объединить, координировать, контролировать и представлять русское сокольство на международной арене. Еще в начале 1909 г. «Петербургское общество «Сокол», в котором состоял Николай Александрович, возбудило ходатайство о разрешении образовать всероссийский союз сокольских организаций, и при содействии отдела общества Славянской взаимности (Санкт-Петербург) был разработан проект устава этого союза. Однако по формальной причине ходатайство было отклонено. После доработки и внесения изменений в устав «Петербургское общество «Сокол» вступило в переговоры с остальными существующими в России сокольскими организациями по вопросу объединения в единый орган. Таким центральным органом всех «соколов» стал «Союз русского сокольства», устав которого

был утвержден Министерством народного просвещения 4 июня 1910 г. [22, с. 330]. Николай Александрович принял самое активное участие в организации и проведении Первого общего съезда «Союза русского сокольства», состоявшегося в здании Московского I Реального училища 14–15 апреля 1911 г. Там собрались 33 делегата от 15 обществ из 11 городов России. Председателем правления (старостой) вновь созданной организации стал депутат Государственной думы от Подольской губернии А. С. Гижицкий, а его заместителем был избран сенатор Н. А. Султан-Крым-Гирей. Кандидатуры руководителей организации – потомка древнего польского дворянского рода Гижицкого и потомка крымских ханов Султан-Крым-Гирея – стали во многом фигурами, которые решали противоречия и преодолевали ряд внутренних проблем в российском сокольстве. Оно все больше раскалывалось на части, поскольку среди некоторых руководителей русского сокольства была популярна националистическая точка зрения, что в сокольских организациях должны быть только русские. Им противостояли те, кто считал, что это движение должно быть открыто для всех российских граждан, при этом каждая нация может создавать свои общества, объединенные в один общерусский союз. Представители сокольского движения кавказской группы заявляли: «Язва разногласия разъедает наше общество. Наши противники говорят: “Русский сокол только для русских!” Разве это идеи братства и равенства, проповедуемые Тыршем? Разве это не насмешка над сокольством?» [4, с. 10]. Эти идеи поддерживал выдающийся русский ученый и пропагандист идей сокольства В. М. Бехтерев, писавший: «...чрезвычайно важно, чтобы сокольство в России явилось всенародным русским сокольством, а не замыкалось бы в узконационалистические рамки: оно должно быть общерусским в широком смысле слова, а потому должно принимать и даже привлекать в свою среду всех, кто поддерживает и развивает русскую культуру, независимо от своего происхождения, ибо сокольство должно быть вне политики и должно объединять все элементы общественно-государственного организма в интересах самовоспитания и одной общей культуры» [2, с. 13–14].

В итоге созданная организация провозгласила: «...ставя себе задачи общенародного порядка, Русское сокольство является организацией надпартийной, доступной для всего народа русского». Русские соколы обязаны были воспитываться на основе верности своему народу и задачами определяли “физическое и духовное воспитание русских людей и поддержание в них бодрости, борьбу с их отнародованием (денационализацией) и создание кадра русских сокольских деятелей”» [1]. Один из активных членов сокольского движения Д. Кузьменко в журнале «Сокол» за 1911 г. описал итоги этого съезда следующими словами: «Это начало новой эры в жизни русского сокольства. До сего времени русское общество полагало, что соколы – это группа людей, объединенных одною лишь идеею физического оздоровления страны путем распространения телесных упражнений, – и только... Но отныне стало известным, что сокольство преследует не только одну идею физического оздоровления страны. Оно преследует более высокие цели и стремится к гораздо высшим идеалам общей культуры человечества. Оно стремится к объединению всех славянских племен, населяющих Россию...» [15, с. 95].

В 1911 г. петербургские «соколы» праздновали 75-летие одного из лидеров своего общества сенатора Н. А. Султан-Крым-Гирей. По этому поводу он выступал с многочисленными статьями в столичной прессе, где заявлял: «Наше сокольское дело идет в России очень успешно. Несколько лет тому назад у нас не было ни одного „сокола“, а сейчас насчитывается сорок шесть русских сокольских обществ. Из них двадцать одно общество с разрешения министра внутренних дел образовало русский союз соколов, и уже возбужден вопрос о присоединении нашего союза к общеславянскому в Праге. В Петербурге „соколов“ много, и все мы живем как братья, радостно и дружно» [4, с. 9]. Началась подготовка к выходу организации на международный уровень. Для создания возможности вступить в «Союз славянского сокольства» был дополнен устав «Союза русского сокольства». В него были внесены соответствующие пункты, с примечанием, что «вступая в Союз славянского сокольства, Союз русского сокольства сохраняет за собой полную свободу действий как русская организация».

VI Всесокольский слет занял особое место в истории российского и всемирного сокольского движения. Все славянские сокольские организации планировалось объединить в большой всеславянский союз. Слет состоялся летом 1912 г. в Праге, чему предшествовала кропотливая организационная работа, был построен специальный стадион, заранее изданы и разосланы во все сокольские организации разных стран проект программы слета и правила соревнований. Соревнования Всесокольского слета одновременно считались состязаниями «Союза славянского сокольства». Среди 1000 сокольских организаций были приглашены и российские организации. Султан-Крым-Гирей и еще 616 человек в составе делегации русских соколов приняли участие в этом самом массовом Всесокольском слете, который собрал 39857 «соколов» и стал «грозной манифестацией всего славянства» [15, с. 105–108], а «Союз русского сокольства» был включен в «Международный союз славянского сокольства». На фотографиях торжественного шествия по улицам Праги (рис. 2) впереди колонны российской делегации запечатлены А. С. Гижицкий и Н. А. Султан-Крым-Гирей [2, с. 5].

Рис. 2. Руководители «Союза русского сокольства» А. С. Гижицкий, Н. А. Султан-Крым-Гирей и Ф. Эрбен вместе с делегацией от Российской империи на торжественном шествии по улицам Праги на VI Всесокольском слете (1912) [2, с. 5]

В 1913 г. было создано гимнастическое общество «Сокол III» в Санкт-Петербурге, которое возглавил выдающийся русский невропатолог, психиатр и психолог, морфолог и физиолог нервной системы В. М. Бехтерев. Он еще со студенческой скамьи симпатизировал славянскому движению и после легализации сокольства стал вместе со своей дочерью его активным участником. Товарищем (заместителем) этого общества был избран Н. А. Султан-Крым-Гирей. В этот период появляется мысль об открытии учебного заведения для подготовки преподавателей гимнастики, в связи с чем «Союз русского сокольства» даже обращался с этим к В. М. Бехтереву [22, с. 331], однако эту идею реализовать не удалось.

Следующим масштабным этапом в развитии сокольского движения в России должен был стать массовый Всероссийский слет русского сокольства, который планировалось провести в 1914 г. в Москве. Идея его проведения обсуждалась на II общем съезде «Союза русского сокольства» 18–19 апреля 1913 г. в Киеве. Как можно заключить из фото, сделанного там [15], Николай Александрович Султан-Крым-Гирей также принимал в нем участие, обсуждая правила состязаний и упражнения для мужчин и женщин на предстоящем слете. В рамках II общего съезда «Союза русского сокольства» рассматривали также изменения устава «Союза русского сокольства». Обсуждали вопросы об отношении сокольства к спорту. Помимо организации Всероссийского сокольского слета было решено провести в 1915 г. III съезд «Союз русского сокольства» [22, с. 331], однако начавшаяся Первая мировая война изменила планы, направила деятельность русских «соколов» в общественно-патриотическое русло и остановила активное проведение сокольских мероприятий в России. Многие члены сокольских организаций отправились добровольцами на фронт. В этот период Николай Александрович, несмотря на почтенный возраст, продолжал свою деятельность по развитию гимнастического движения и, по информации современников, продолжал оставаться известным пропагандистом гимнастики. Государственная служба и заслуги Н. А. Султан-Крым-Гирея в эти годы были отмечены пожалованием ордена Святого Александра Невского (1914) и производством в чин действительного тайного советника (5 апреля 1916 г.) [18, с. 415–416]. Умер Николай Александрович 13 февраля 1920 г. в Санкт-Петербурге и был похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. В родном Крыму заслуги Николая Александровича Султан-Крым-Гирея и его отца нашли отражение в топонимике дореволюционного Симферополя. В честь них были названы улица Султанская, бульвар Крым-Гирея и район Симферополя «Султанский луг» [29, ф. 63, оп. 1, д. 557, л. 12–14].

Таким образом, своей многолетней деятельностью по развитию спортивно-гимнастического движения Н. А. Султан-Крым-Гирей внес весомый вклад в возникновение, становление и распространение сокольской гимнастики в России не только как средства физического и морального воспитания, но и социального движения, направленного на консолидацию всего российского общества. Становление Н. А. Султан-Крым-Гирея как специалиста и организатора гимнастики происходило во время обучения в Павловском кадетском корпусе и в период воинской службы в лейб-гвардии Литовского полка в должности руководителя гимнастической команды (1846–1961). В дальнейшем, находясь на гражданской

службе в Таврической губернии с 1863 по 1895 г., Николай Александрович был попечителем феодосийских гимназий и активно участвовал в совершенствовании образования, укреплении здоровья и физической подготовленности учащихся учебных заведений Крыма, был одним из первых инициаторов введения преподавания гигиены в учебных заведениях России. Кавказский период деятельности Н. А. Султан-Крым-Гирея (1895–1906) характеризовался его знакомством с сокольской системой гимнастики, которую преподавали приглашенные для работы в гимназиях Тифлиса чешские специалисты. Николай Алесандрович участвовал в создании первого в Российской империи гимнастического общества, сокольского по своей сути и содержанию работы, и некоторое время руководил им. Заняв в 1906 г. должность сенатора, Н. А. Султан-Крым-Гирей продолжил активную работу по развитию сокольского движения: принимал непосредственное участие в создании и деятельности сокольских гимнастических обществ «Сокол I» и «Сокол III» в Санкт-Петербурге и единого управляющего органа сокольского движения России «Союза русского сокольства». Способствовал присоединению «Союза русского сокольства» к «Союзу славянского сокольства», приняв участие в VI Всесокольском слете в Праге (1912). До глубокой старости Н. А. Султан-Крым-Гирей активно участвовал в съездах и мероприятиях сокольских организаций России, сыграв важную роль в их развитии.

Список литературы

1. Александров-Деркаченко П. П. Русское молодежное движение и советский комсомол: 1905–1937 гг. // Русский Миръ. 2002. №6. URL: <http://www.russkymir.ru> (дата обращения: 10.11.2022).
2. Бехтерев В. М. Юбилейные дни в Праге и воспитательное значение сокольства. Петроград, 1915.
3. Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. М., 2003. С. 402–449.
4. Глезеров С. Е. Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. СПб., 2022.
5. Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. Особое приложение. Списки почетных президентов, почетных членов, лиц, принадлежащих к административной и учебной части, и всех офицеров, кончивших курс Императорской Военной Академии и Николаевской академии Генерального штаба с 1832 по 1882 год. СПб., 1882.
6. Гребенкин А. Н. Физические занятия и спорт в жизни воспитанников кадетских корпусов Российской империи и Русского зарубежья // Вестник БГУ. 2015. №2. С. 136–140.
7. Губерт В. О. XXV лет научно-практической деятельности высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здоровья. Краткий исторический очерк. СПб., 1904.
8. Егоров В. В. Сокольское молодежное движение в России в конце XIX – начале XX века // Экономика, управление и право: тенденции и перспективы развития : сб. ст. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистрантов / ред. Г. Н. Дудукалова [и др.]. Волгоград, 2017. С. 57–62.
9. Еремян А. Полет сокола // Русский клуб. 2013. №1 (87). С. 20–23.

10. Качарава Ю., Киквидзе А., Ратиани П., Сургуладзе А. История Грузии. С 60-х годов XIX века до 1921 г. Тбилиси, 1973. Т. 2.
11. Кипкеева З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII – XIX вв. Ставрополь, 2017.
12. Корчевская О. В. Роберт Лайелл. Симферополь и его окрестности. Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» // Крымский альбом. 2002. Вып. 7. С. 17 – 33.
13. Лотова Е. И., Аруин М. И. К 100-летию Русского общества охранения народного здоровья // Гигиена и санитария. 1977. №12. С. 54 – 57.
14. Лушин М. М. «Русский Сокол» в Югославии // Столетие двух эмиграций. 1919 – 2019 : сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. М., 2019. С. 345 – 360.
15. Лях-Породько А. А. Гимнастическо-спортивная и общественно-патриотическая деятельность «Союза Русского Сокольства» в Российской империи в начале XX века // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2009. №2. С. 94 – 100.
16. Маркграфский А. История лейб-гвардии Литовского полка. Варшава, 1887.
17. Марков Е. Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб. ; М., 1887.
18. Мурзанов Н. А. Словарь русских сенаторов. 1711 – 1917 гг.: материалы для библиографий. СПб., 2011.
19. Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004.
20. Правительствующий сенат. СПб., 1912. 276 с.
21. Прохорова Т. Миссионерская деятельность Султан-Кати-Крым-Гирея в среде крымско-татарского населения в начале XIX века // От религиозного реформаторства к европеизации культуры мусульман. К 155-летию со дня рождения Исмаила Гаспринского : сб. ст. / ред.-сост. З. А. Имамутдинова. М., 2016. С. 144 – 162.
22. Сироткина И. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. №2. С. 320 – 339.
23. Соболевская Т. В. Забытые имена: Александр Иванович и Николай Александрович Султан-Крым-Гиреи (по архивным документам) // XVII Таврические научные чтения : сб. матер. конф. Симферополь, 2016. С. 216 – 221.
24. Фомичев С. А. Дополнения к «Грибоедовской энциклопедии» // Культура и текст. 2021. №3 (46). С. 70 – 79.
25. Храпунов Н. И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверти XIX в. // История и археология Крыма. 2017. №6. С. 263 – 276.
26. Шелягова А. А. Феодосийская женская гимназия: историко-педагогический аспект // Наука в информационном пространстве : VIII Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь. 2012. URL: confcontact.com (дата обращения: 12.12.2022).
27. Шеразедишвили З. В. Физическое воспитание в школах Грузии (1801 – 1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тбилиси, 1972.
28. Януш Л. И. Полвека назад // Русская школа. 1907. №9. С. 97 – 104.
29. Государственный архив Республики Крым.

Об авторе

Андрей Викторович Мутьев – канд. пед. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.

E-mail: dsport76@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1375-5272>

A. V. Mutiyev

THE ROLE OF N. A. SULTAN-KRYM-GIREI IN THE DEVELOPMENT
OF THE SOKOLSKY MOVEMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Received 29 September 2023

Accepted 07 March 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-6

76

To cite this article: Mutiyev A. V. 2024, The role of N. A. Sultan-Krym-Girei in the development of the Sokolsky movement in the Russian Empire, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 61–76. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-6.

The activities of Russian and Crimean state and public figure N. A. Sultan-Krym-Girei in the development of the Sokols' sports and gymnastics movement in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries have been studied. It was established that N. A. Sultan-Krym-Girei's development as a specialist in gymnastics took place during his education and military service in the Lithuanian Life Guards Regiment, where he served as the head of the gymnastics team. In his civil service in the Taurida Governorate, Nikolai Alexandrovich was a trustee of Feodosia gymnasiums and actively participated in improving education, strengthening the health, and physical fitness of students in Crimean educational institutions. He was one of the first initiators of introducing hygiene education in Russian schools. During his Caucasian period, N. A. Sultan-Krym-Girei was directly involved in the creation and leadership of the first Sokols' gymnastics society in the Russian Empire. As a senator, he played an active role in the creation and activities of the Sokols' gymnastics societies in St. Petersburg and the unified governing body of the Sokols' movement in Russia, the "Union of Russian Sokols," and led them. He facilitated the Union of Russian Sokols' affiliation with the "Union of Slavic Sokols." Through his many years of work in developing the sports and gymnastics movement, N. A. Sultan-Krym-Girei made a significant contribution to the emergence, formation, and spread of Sokols' gymnastics in Russia, not only as a means of physical and moral education but also as a social movement aimed at consolidating the entire Russian society.

Keywords: N. A. Sultan-Krym-Girei, gymnastics, Sokolsky movement, Russian Empire, development, role

The author

Dr. Andrey V. Mutiyev, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

E-mail: dsport76@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1375-5272>

А. С. Арцуева

**«И МЛАДОТУРКАМ НЕ ВОСКРЕСИТЬ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА»:
РУССКИЕ ПРАВЫЕ И МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ**

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 22.01.2024 г.

Принята к публикации 14.04.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-7

Для цитирования: Арцуева А. С. «И младотуркам не воскресить своего отечества»: русские правые и Младотурецкая революция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 77–90. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-7.

Рассматривается совокупность взглядов русских консерваторов начала XX в. (черносотенцев и националистов) на причины Младотурецкой революции 1908 г., их отношение к развитию революционной ситуации, суждения русских правых о последствиях смены власти в Османской империи. Перечисленные вопросы ранее не были самостоятельным предметом исследования в научной литературе. На основании материалов правой периодической печати (газеты «Земщина», «Русское знамя», «Московские ведомости», «Колокол», «Киевлянин», «Новое время») и публицистических работ авторов консервативного толка выявлены три существенных аспекта, сквозь призму которых формировалось мнение русских правых о Младотурецкой революции: идеологические установки консерваторов, не приемлющие революционных общественных изменений; место Турции в системе международных отношений и прогнозирование геополитических изменений в свете прихода к власти младотурок; восприятие революционных событий в Турции в качестве негативного примера возможного дальнейшего развития внутриполитической ситуации в России. Совокупность проблем, связанных с турецкой революцией, которые поднимали консерваторы, позволяет дополнить имеющиеся представления о внешнеполитических воззрениях русских правых начала XX в.

Ключевые слова: русские правые, монархисты, русский консерватизм, русский национализм, черносотенцы, периодическая печать, Младотурецкая революция, Османская империя

Политические потрясения, обрушившиеся на Османскую империю в начале XX в. и приведшие в результате к ее распаду, были предметом серьезного беспокойства консервативно настроенной части российского общества. За событиями, происходившими у восточных соседей, русские консерваторы видели общие тенденции и закономерности, которые, по их мнению, могли привести к трагическим последствиям не только на

Ближнем Востоке, но и в их собственном государстве. Первым большим потрясением для Турции начала XX в. стала Младотурецкая революция, свершившаяся в июле 1908 г.

Некогда самая могущественная держава Средиземноморья, располагавшаяся на трех континентах, в XIX в. стала стремительно терять части своей территории: страны Балканского полуострова обрели независимость, великие державы предъявляли претензии на области, которые Османской империи было уже не по силам отстоять (Кипр, Египет, Тунис, провинции на Кавказе) [13, с. 15–16]. В то же время социально-экономическое и политическое развитие самой Турции находилось в кризисе, «к началу XX века Османская империя представляла собой отсталое, слаборазвитое, полукOLONиальное государство» [17, с. 8]. Кроме того, государство было многонациональным и многоконфессиональным, что, безусловно, усиливало и без того серьезные внутривнутриполитические проблемы. На политико-экономическое положение страны существенно влияло и такое внешнее воздействие, как концессии, займы и создание иностранных банков. Великие державы к концу XIX в. полностью подчинили себе финансовую деятельность страны, в частности все железные дороги принадлежали иностранцам [17, с. 16–20]. Перечисленные факторы привели к тому, что к началу XX в. все чаще стали слышны предсказания скорой гибели Османской империи. Заявляя о недопустимости дальнейшего иностранного засилья и развала страны, турецкие военные части в Македонии, возглавляемые младотурецкой организацией «Единение и прогресс», в начале июля 1908 г. подняли восстание, направленное против самодержавной власти Абдул-Хамида II, и требовали восстановления конституции. Восстание быстро разрослось, 23 июля восставшие заняли Салоники, в сложившейся ситуации султан был вынужден пойти на уступки — восстановить конституцию и созвать парламент. В немалой степени успех младотурок был основан на том, что они умело использовали национально-освободительное движение народов, населявших империю, декларируя равные права для всех национальностей [17, с. 100].

Российские консервативные периодические издания практически сразу отозвались на турецкие события, со временем стали появляться публицистические произведения авторов правого толка, призванные осмыслить русско-турецкие отношения с учетом феномена Младотурецкой революции [4; 16]. Широкий круг рассмотренных консерваторами вопросов, связанных с турецкой революцией, позволяет продемонстрировать их взгляды на многие внешнеполитические и политико-философские проблемы. Именно газеты и публицистические работы составляют основную источниковую базу настоящей статьи. В статье используется термин «крайне правые», под которым понимаются представители черносотенных организаций: Союз русского народа (СРН), Всероссийский Дубровинский союз русского народа (ВДСРН) и др.; а также термин «умеренно правые», под которым имеются в виду политические структуры русских националистов и монархисты, стоящие на более умеренных позициях, нежели представители черной сотни.

В последние годы стало появляться все больше работ, посвященных внешнеполитическим взглядам русских правых начала XX в., и многие

пробелы данной тематики, долгое время существовавшие в историографии правого движения Российской империи, были восполнены. Концептуальным проблемам во внешнеполитических воззрениях и установках русских правых посвящены большие разделы в трудах И. В. Омелянчука [9], А. В. Репникова [11], А. А. Иванова [10], развитие внешнеполитических взглядов консерваторов представлено в диссертации В. Ю. Белянкиной [2]. Периодически выходят статьи, освещающие взгляды правых на конкретные внешнеполитические события [1; 3; 5; 7; 8; 12]. Однако отношение русских консерваторов к Младотурецкой революции ранее не выступало отдельным предметом исследования. Целью данной статьи, таким образом, является анализ взглядов русских консерваторов на Младотурецкую революцию, а также определение тех ключевых аспектов, которые обуславливали отношение русских правых к турецким революционным событиям.

Прежде всего стоит остановиться на том очевидном факте, что консервативные партии крайне враждебно относились к революционным общественным изменениям, требованиям введения конституции и созыва парламента. Л. А. Тихомиров, выражая позицию русских правых по этому вопросу, писал, что «не сами по себе потребности свободы или народного представительства приводят нас к революции, а главнейшим образом книжность, теоретичность, обезьянничество “передовых”» [14, с. 243]. Это «обезьянничество», по его мнению, заключалось в «застарелом западническом стремлении» левых «к теоретической, по иностранным образцам» перестройке государства. «Когда-то в XVIII веке у нас перекраивали русский строй по модным тогда в Европе абсолютистским образцам “просвещенного деспотизма”. С XIX века, после французской революции, стали копировать не Людовика XIV, Фридрихов, Иосифов, а конституционные монархии и якобинские республики с примесью социализма» [14, с. 242]. При этом Тихомиров отмечал, что в эволюционно развивающемся государстве, стоящем на национальной почве, а не копирующем чужеродные институты на западный манер, возможна точно такая же «степень свободы личности, слова, печати, союзов и т. д.» и что на самом деле «осуществление свободы зависит от культурности нравов, способности не злоупотреблять свободой», а не от формы государственного правления. В подобном ключе высказывался и редактор «Московских ведомостей» А. С. Будилович: «Когда в течение прошлого века, главным образом во второй его половине, с легкой руки Англии вся Западная Европа постепенно перешла от абсолютизма к конституционализму, то в науке и жизни утвердился взгляд, будто последний представляет не только высшую форму государственного устройства, но и единственно разумную, как бы единоспасающую от всех бед личного, общественного и государственного бытия»¹. А. С. Будилович писал, что в странах, не относящихся к Западу, не было «ни таких отношений церкви к государству, ни государства к обществу, ни завоевателей к побежденным, ни феодализма, ни буржуазии, ни тех своеобразных аграрных от-

¹ Московские ведомости. 1908. 8 (21) августа. №183.

ношений, на почве которых развился на Западе конституционализм», и поэтому чрезвычайно опасно слепо переносить конституционализм «на почву государств и народов другого культурного типа»¹.

Соответственно, одной из основных тем в правой периодической печати при освещении событий Младотурецкой революции была пагубность внешнего уподобления Турции «просвещенным странам». Газета «Киевлянин» сразу после провозглашения конституции в Османской империи выражала неутешительное мнение: «Несомненно, что организм “большого человека” переживает тяжелый кризис, последствия которого пока трудно предвидеть. <...> Весьма сомнительно, чтобы конституционная комедия вывела Турцию из нынешних затруднений и могла содействовать умиротворению умов. <...> Возлагать какие-либо надежды на представительный строй в Турции едва ли возможно. Масса населения настолько невежественна и слабо развита, что окажется послушным орудием в руках полубразованных политиканов, преследующих узкопартийные цели»². Редакция «Киевлянина» признавала, что существовавший в Турции режим был полон пороков и недостатков, но сомневалась в том, «чтобы все эти старые язвы, созданные веками, могли быть уврачеваны “конституцией”»³. Уже упомянутый А. С. Будилович, говоря о теократическом характере старого государственного строя Османской империи, который больше был похож «на папское управление в священной области или далай-ламайское в Тибете», а не на «политические учреждения тех западных держав, где сферы духовные и светские давно уже обособились», задавался риторическим вопросом: «может ли чувствовать себя конституционно-ограниченным монархом халиф, который считается как бы воплощением пророка и тенью Аллаха на земле?». Антон Семенович скептически относился к тому, что религиозное мировоззрение турок можно легко увязать с провозглашенным в конституции равенством всех граждан, вне зависимости от вероисповедания, принимая во внимание учение Корана о правверных и неверных»⁴.

Кроме отрицания целесообразности перестройки государственного устройства Османской империи по западному образцу консерваторы подробно разбирали ее внутренние проблемы и утверждали, что младотуркам будет не под силу с ними справиться. «Киевлянин», признавая, что Турции необходимы реформы, все же считал, что создание парламента не приведет к «реорганизации разлагающегося организма оттоманской империи», так как «конституция не устранит антагонизма национальностей, имеющего в основе религиозную и племенную вражду». «Ближайшим последствием младотурецкой агитации может явиться дальнейшее развитие внутренней смуты, результатом которой при благоприятных обстоятельствах будет распадение Турции»⁵, — заключала редакция газеты. В целом подобный прогноз дальнейших перспектив Османской империи был типичным для российской консервативно

¹ Московские ведомости. 1908. 8 (21) августа. №183.

² Киевлянин 1908. 13 (26) июля. №192.

³ Киевлянин 1908. 13 (26) июля. №192.

⁴ Московские ведомости. 1908. 22 июля (4 августа). №169.

⁵ Киевлянин 1908. 13 (26) июля. №192.

настроенной общественности. Крайне правая газета «Русское знамя» предсказывала предстоящую кровавую борьбу турок с населяющими Турцию христианскими народами; не скрывала свое возмущение отношением революционеров к султану; делала акцент на том, что революция «разгорается, что называется, вовсю» благодаря армии; и готовила свою публику к тому, что «с каждым днем следует ожидать из Турции все более и более тревожные известия»¹. Тревожные новости не заставили себя ждать: «плоды конституции горьки, да и корень-то их как не сладок — об этом свидетельствуют висельницы и эшафоты с трупами повешенных и казненных, массами расставленные в Константинополе», — писал на страницах печатного органа СРН автор под псевдонимом «Черный Латник»².

По отношению к младотуркам в консервативной прессе применялись эмоциональные, негативные характеристики (часто с использованием кавычек их иронично называли «освободителями», «прогрессистами» и т. д.), но вместе с тем им предъявлялись и конкретные претензии, давались взвешенные оценки. Неизвестный автор «Колокола», утверждая, что конституция представляет собой лишь «средство для политических авантюристов дорваться до власти» под лозунгами восстановления народных прав, замечал: «Турецкие конституционалисты также изображали “волю народа” и сулили великие и богатые милости всем народностям Турции, но в результате только и оказалось, что младотурецкий комитет занял место султана»³. Ознакомившись с программой младотурок, А. С. Будилович характеризовал их следующим образом: «С одной стороны, это крайние западники, радикального пошиба, с демократическими замашками, с другой же — рьяные турецкие националисты и государственники, с бесспорным наклоном к шовинизму»⁴.

С учетом вышеизложенного отметим, что господствующим мнением в русском консервативном общественном сознании было утверждение, что «введение конституции в турецком государстве должно означать начало его конца»⁵. Однако помимо всевозможных бед внутреннего характера, которые, по мнению русских правых, несла с собой Младотурецкая революция для Османской империи, консервативные периодические издания с самого начала революционных событий прогнозировали и возможные изменения в международной политике, которые могли быть спровоцированы турецкой смутой.

За столетия соперничества Российской и Османской империй выработались две основные претензии России к Турции: Балканский вопрос и вопрос черноморских проливов. Османская империя воспринималась прежде всего как государство, угнетающее братские славянские народы, а также как соперник, препятствующий установлению господства России на Черном море. Все это способствовало закреплению в русском об-

¹ Русское знамя. 1908. 30 июля (12 августа). №171; 31 июля (13 августа). №172; 1 (14) августа. №173; 5 (18) августа. №176; 6 (19) сентября. №201.

² Русское знамя. 1909. 22 мая (4 июня). №111.

³ Колокол. 1909. 4 (17) июля. №996.

⁴ Московские ведомости. 1908. 20 сентября (3 октября). №218.

⁵ Русское знамя. 1908. 14 (27) октября. №231.

щественном сознании образа турка как «врага с Востока», но вместе с тем агрессивная политика великих держав привела к тому, что в начале XX в. отношение русских к Турции стало амбивалентным: это одновременно был и враг, и в то же время жертва «корыстолюбия западных держав» [15, с. 300]. Подобное отношение прослеживается и в черносотенной прессе при освещении событий Младотурецкой революции.

Не испытывая симпатий к туркам, обличая пороки «восточного деспотизма» в сравнении с русским самодержавием¹, черносотенцы тем не менее лейтмотивом своих статей о турецких революционных событиях избрали агрессивную внешнюю политику западных держав. Спустя три месяца после провозглашения конституции в Османской империи один из авторов «Русского знамени», И. Каневский писал, что пока власть, «хоть и деспотическая», была в руках султана и пока в стране существовал «старый, хотя и исполненный самовластия и произвола, режим», страна «хоть с грехом пополам, да существовала», несмотря на соседей, поглядывающих «с аппетитом на некоторые лакомые куски, составляющие достояние дряхлеющей мусульманской державы». Автор продолжал: «Но как только появились на турецкой политической сцене гг. младотурки под ручку с двумя очаровательными дамами — революцией и конституцией — и стали отплясывать освободительный канкан — моментально на этой же сцене показались неожиданные гости и быстро расхватили соблазнительную сценическую обстановку: Австрия одним глотком съела Боснию и Герцеговину... Македония не сегодня-завтра будет поделена между претендующими на нее соседями, и уж, конечно, Англия совсем спрячет в свой глубокий карман вассальный Египет, который пока крепко держит в своей цепкой лапе»². Редактор газеты «Земщина» С. К. Глинка-Янчевский, утверждая, что «именно Англия является на континенте рассадником начал разложения», обращал внимание читателей на связь начала революций в Персии и Турции с политическими событиями англо-русских отношений. Он писал, что «по странной случайности судьбы» революция в Персии началась «на чьи-то средства» сразу же после разделения последней на сферы влияния между Британией и Россией и именно на севере страны — в «русской» зоне. И «по странной же случайности» встреча Николая II с британским королем Эдуардом VII в Ревеле, на которой обсуждалось проведение реформ в турецкой Македонии, совпала «с младотурецким переворотом, ближайшим последствием которого были всевозможные осложнения на Балканах и почти неминуемое вооруженное столкновение с Германией...»³ Подобные обвинения в черносотенной прессе встречались довольно часто, поскольку крайне правые истолковывали события Младотурецкой революции «как часть мирового еврейского и масонского заговора против традиционных монархий и религий» [10, с. 383], Англия же воспринималась ими как гнездо революционных идей: «Англия консервативна у себя дома. Но английское же масонство насаждает везде на материке

¹ Русское знамя. 1908. 15 (28) июля. №159.

² Русское знамя. 1908. 5 (18) октября. №224.

³ Земщина. 1909. 9 (22) июня. №6.

сплошь разрушительные принципы»¹. В Турции же «опыт масонов... прошел особенно блистательно, благодаря давнишней дряхлости и расшатанности всего государственного организма», — писал С. К. Глинка-Янчевский, считая, что «насаждение конституции, сулящей народам какие-то призрачные свободы, есть лишь ступень той лестницы, по которой поднимаются иудеи»². Обозревая события турецкой революции в этой логике, крайне правые считали, что смуты начала XX в. в России, Персии и Турции — звенья одной цепи, и потому неустанно заявляли со страниц своих периодических изданий: «Весь переворот совершен под руководством салоникихских масонов и при содействии армии, офицеры которой воспитывались в Париже и Лондоне, где масонство забрало в свои руки правительство и общественное мнение»³, «“младотурецкий” переворот есть дело рук масонов, и... следом за мирностью этого переворота наступит полоса турецких ужасов»⁴, а «народное своеволие сделает Турцию легкой добычей какого-либо соседнего государства»⁵.

Умеренно правые, впрочем, тоже не скрывали того факта, что «главное ядро младотурок сконцентрировалось в Париже, откуда велась усиленная пропаганда»⁶, но их отношение к Младотурецкой революции главным образом выражалось в другом — она стала катализатором оживления дискуссии о Славянском вопросе. Редакция газеты «Новое время», несмотря на ее сочувствие идее славянства, с самого начала проявляла осторожность по отношению к младотуркам, обещавшим равные права для всех конфессий и национальностей: «Вопросы внутреннего устройства Турции сами по себе нас нимало не касаются. Турция вправе установить у себя правление сераля или демократическую республику — это ее, а не наше дело, и вмешиваться в него мы не имеем ни прав, ни цели. Но каков бы ни был турецкий государственный строй, мы всегда будем требовать от Турции обеспечения жизни и имущества для славянского и христианского населения ее областей». Вместе с тем газета привлекала внимание читателей к следующей детали: христианскому населению империи были обещаны религиозные и национальные права, но с условием их отказа от политических устремлений, «при этом глава младотурок обещает без милосердия перевешать всех христиан», которые будут не согласны с таким положением вещей. «Новое время» считало, что «долг и законный интерес России» состоит в том, чтобы не допустить по отношению к славянам «злодейств турецкой администрации, как бы она ни называлась — старой или молодой»⁷. Принимая во внимание программу младотурок, некоторые представители умеренно правых поначалу полагали, что Османская империя при новом режиме может перестать быть врагом славянства. С. Ф. Шарапов, являвшийся автором статей в националистической газете «Свет», в первые месяцы

¹ Земщина. 1910. 27 января (9 февраля). №199.

² Земщина. 1909. 20 июня (3 июля). №16.

³ Земщина. 1909. 20 июня (3 июля). №16.

⁴ Русское знамя. 1909. 21 мая (3 июня). №110.

⁵ Земщина. 1909. 18 января. №14.

⁶ Киевлянин 1908. 13 (26) июля. №192.

⁷ Новое время. 1908. 11 (24) июля. №11612.

после свершения Младотурецкой революции воспринимал ее как преимущество на пути реализации так называемого «третьего пункта балканской программы» [16, с. 11–14], которую он изложил в брошюре 1909 г. «Ближайшие задачи России на Балканах». С. Ф. Шарапов полагал, что союз турок и славян Балканского полуострова выгоден для Российской империи, поскольку при существовании подобного союза под покровительством России решалась бы извечная проблема черноморских проливов. И этот союз, по его мнению, становился более возможным после «мастерского переворота, совершенного младотурками». Правый деятель писал: «Новый строй, опирающийся на удивительно свежий, честный и на редкость энергичный политический слой неожиданно вышедших на политическую арену младотурок... может быть и жизненным, и прочным» [16, с. 12]. Надежды С. Ф. Шарапова на то, что России и славянским народам Балкан будет легче найти общий язык с новым турецким правительством, зиждились на обещаниях младотурок вести такую политику, при которой Османская империя перестанет быть «насильницей и мучительницей» для христианских народов, населяющих ее. Однако вскоре подобные надежды были развеяны.

«Прелести конституционного успокоения, наступившего в Турции, дают уже себя знать правоверным гражданам оттоманской империи», — такими словами начиналась статья «Русского знамени» в феврале 1909 г. Редакция газеты обращала внимание читателей на сложившееся в стране двоевластие, при котором «с одной стороны султан, поддерживаемый своими приверженцами, с другой — парламент, руководимый так называемыми “младотурками”»¹, и предсказывала, что эта ситуация завершится резней. После окончания противоборства двух сторон низложением Абдул-Хамида II внутренние проблемы в государстве, управляемом младотурками, не прекратились, среди них, безусловно, одними из самых острых выступали национальный и конфессиональный вопросы. «Земщина» в июле 1909 г., сообщая об армянах в Адане, которые, опасаясь преследований со стороны исламистского движения, поддерживаемого младотурками, решили перейти в православие и отдать себя под защиту русского правительства, заключала: «Должно быть зверства “свободолюбивых” младотурок далеко ужаснее Абдул-Хамидовского режима, если армяне умоляют Россию о покровительстве»². Спустя год после свершения Младотурецкой революции черносотенные газеты часто характеризовали внутреннее положение Османской империи следующим образом: «Повсюду виселицы, виселицы и виселицы, воздвигнутые “либералами” в честь свободы, братства и равенства...»³, «на улицах столицы стоят виселицы, и на этих виселицах не перестают качаться трупы»⁴. Д. Н. Вергун, сотрудник газеты «Новое время», в своей работе о взаимоотношениях России и Турции, изданной Всероссийским национальным клубом, писал, что сущность младотурецкого переворота заключалась «главным образом в уничтожении, конечно на бумаге,

¹ Русское знамя. 1909. 4 (17) февраля. № 27.

² Земщина. 1909. 14 (27) июля. № 36.

³ Земщина. 1909. 15 (28) июля. № 37.

⁴ Русское знамя. 1909. 4 (17) мая. № 99.

прежнего национального и религиозного неравенства» [4, с. 38]. Автор в 1911 г. замечал, что хотя «со времени введения конституции переменялось уже пять младотурецких кабинетов, положение христиан в Турции нисколько не улучшилось». Все так же продолжала литься славянская кровь, колокольный благовест был запрещен, а жестокое подавление мусульманских восстаний арабов и албанцев против отуречения «послужило первым обличением младотурецкой неискренности» [4, с. 39]. Д. Н. Вергун задавался справедливым вопросом «Чем же отличаются эти младотурецкие действия от старых приемов турецких султанов?». Дмитрий Николаевич предлагал посмотреть на состав новоиспеченного турецкого парламента, чтобы убедиться в хрупкости турецкого парламентаризма, — вместо положенных 80 депутатов-турков из заявленных 250 депутатов парламента их на самом деле набиралось 150. Вергун также обращал внимание читателей на недовольство установившимся режимом приверженцев старого порядка: в первую годовщину провозглашения конституции они подожгли и разорили здание парламента, а во вторую годовщину «устроили поджог самой Блистательной Порты, то есть здания, где помещаются главные министерства и высшие правительственные учреждения». Все это позволяло автору сделать вывод, что «и младотуркам не воскресить своего отечества» [4, с. 40].

Различия в оценках Младотурецкой революции крайне правыми и умеренно правыми приводили и к конфликтам в консервативном лагере. Так, например, редакция черносотенной «Земщины» нападала на умеренно правое «Новое время», обвиняя газету в непоследовательности и близорукости. Суть претензий заключалась в следующем: после свершения государственного переворота и убийства военного министра Назим-паши в январе 1913 г. членами партии «Единение и прогресс» [13, с. 47] «Новое время» выпустило несколько статей и фельетонов с обличением варварской политики младотурок и масонского характера Младотурецкой революции¹. Однако еще в 1910 г. редакция этой газеты была весьма лояльно настроена по отношению к младотуркам и даже устраивала обед в честь турецкого посольства. «В 1909 и 1910 годах они преисполнены были благоговейным чувством к младотуркам, предавшим свой народ масонам и жидам. <...> Затем в 1913 году та же редакция “Нового времени” не находит слов, чтобы с грязью смешать тех же младотурок и в заключение помещает три фельетона, в которых самыми яркими красками описывает козни масонов, подстраивание ими всех переворотов... <...> Казалось бы, хотя после таких разоблачений должно же было бы “Новое время” прозреть настолько, чтобы понять значение навязываемой и России конституции... Но, увы, оно даже и теперь, после своих же разоблачений, продолжает настаивать на необходимости насаждения у нас конституции и потому поддерживает всех наших отщепенцев, восторженно сравнивавших себя с младотурками!»², — негодовала

¹ Новое время. 1913. 12 (25) января. №13232; 15 (28) января. №13235; 16 (29) января. №13236; 18 (31) января). №13238; 20 января (2 февраля). №13240.

² Земщина. 1913. 2 (15) февраля. №1233.

черносотенная газета. При этом в «Земщине» приводились выдержки из собственных статей 1909 г., доказывающие, что позиция крайне правых по отношению к младотуркам изначально была последовательной¹.

Можно заключить, что для крайне правых с самого начала Младотурецкой революции был характерен пессимизм в отношении целей, задач и методов революционеров, полное их неприятие. И вскоре этот пессимизм оправдался не только сообщениями о вспыхивающих национальных восстаниях, кровавом терроре и политических зверствах младотурок, но и внутренним расколом нового турецкого правительства. Так, уже к началу 1911 г. чрезвычайный полномочный посол в Турции Н. В. Чарыков сообщал министру иностранных дел о серьезных разногласиях в самой партии «Единение и прогресс»². Для умеренно правых в целом были характерны более сдержанные оценки турецких событий, а в среде националистов и вовсе поначалу теплились надежды на возможность положительного решения с новой турецкой властью волнующего их Славянского вопроса. Но с течением времени они были вынуждены разочароваться в своих чаяниях и политическом режиме, установившемся в Османской империи.

Существенным моментом в комментировании и интерпретации событий Младотурецкой революции консервативными периодическими изданиями было стремление использовать данное внешнеполитическое событие как наглядный пример того, чем могла бы закончиться для России революция 1905–1907 гг. и что может ей грозить в будущем при дальнейшем заигрывании власти с либералами и социалистами.

Крайне правые нередко сравнивали представителей партий октябристов и кадетов с младотурками: «Октябристы, как младотурки, хотят единения всех народностей для образования нераздельного государства, а кадеты, подобно турецким ахрамам, домогаются расчленения страны на отдельные обособленные государства по отдельным народностям»³. По мнению черносотенцев, на вопрос «кто из них хуже», был возможен только один ответ: обе партии «вреднее и опаснее». Редакция «Русского знамени» сообщала, что А. И. Гучков, вернувшийся зимой 1909 г. из Константинополя, заявил: «Октябристы у нас совершенно то же самое, что младотурки в Турции»⁴, после чего в черносотенной прессе партию А. И. Гучкова часто стали именовать «русскими младотурками», «нашими младотурками». Сам лидер партии октябристов после Февральской революции подтверждал справедливость этого прозвища, говоря о своих заслугах перед армией: «В 1908 г. в первый раз мне пришлось проносить речь при рассмотрении военного бюджета, и я указал тогда, что участие безответственных лиц, великих князей, губит армию. Я это говорил не теперь, когда каждый может поносить как угодно великих князей. Я получил название младотурка, которое за мной осталось, но я

¹ Земщина. 1913. 2 (15) февраля. №1233.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 577. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–5.

³ Русское знамя. 1909. 21 апреля (4 мая) №87.

⁴ Русское знамя. 1909. 4 (17) февраля. №27.

этого не убояться¹. Неизвестный автор «Русского знамени», также отмечая «усердное стремление» октябристов «не отставать от “младотурок”», сетовал: «Даже с думской трибуны и в Гос. Совете часто начали слышаться попреки “культурностью младотурок”. Завелась система подбадривания “левого русского лагеря” посредством указания на младотурецкие подвиги масонов и расплылось по “левым” мозгам одно беспредельное благоговение к масонским победам в Турции»². Обвиняя октябристов в том, что они, «согласно принципам современного либерального купечества», распродают «все русское инородцам», и высмеивая увлечение А. И. Гучкова успехами младотурок, рупор СРН заключал: «Младотуркам место не в России, а в Турции, и то не надолго. В России же им не может быть места»³.

Описывая незавидное положение Османской империи на международной арене и неурядицы внутренней политики младотурок, крайне правые неустанно заявляли о недопустимости подобного развития ситуации в России и призывали русское общество учиться на чужом опыте: «Поучительный для нас пример. России надлежит внимательнее приглядываться к событиям новейшей истории, и так как ее делают уже не отдельные люди, а сам народ, проникаться сознанием необходимости для целости современной России и ее благополучия неограниченной самодержавной царской власти, которая ничуть не мешает самой свободной жизни и самому широкому народному участию в государственном строительстве»⁴. На страницах «Русского знамени» печатались и конкретные воззвания: «Люди, которым царем вручена высшая административная власть, в корне пресекайте и предупреждайте всякие попытки русских младотурок, заседающих в Государственной думе третьего созыва, к ограничению и расхищению верховного самодержавия. Помните, что Россия без самодержавия — труп, который расклюют хищные коршуны. Неужели пример несчастной Турции ничего не говорит уму и сердцу, кого следует?»⁵. Пример Младотурецкой революции русские правые использовали и в дискуссиях о недопустимости политизации русской армии [6, с. 387], отмечая, что именно руками военных, «возмутившихся против султана», была произведена революция в Османской империи. Летом 1908 г. печатный орган СРН выступил с призывом «Берегите армию!», констатируя растление турецкой армии, приведшее к перевороту, и обращая внимание читателей на то, что в среде русских военных уже ведется пропаганда октябристских идей⁶.

Редактор «Земщины», комментируя общий «нервный кризис», наблюдаемый в Европе летом 1909 г., писал, что Младотурецкий переворот, приведший к аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, а также к окончательному отделению от Турции Болгарии, «чуть было не

¹ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 4 (17) мая. № 223.

² Русское знамя. 1909. 21 мая (3 июня). № 110.

³ Русское знамя. 1909. 8 (21) апреля. № 76.

⁴ Русское знамя. 1909. 18 (31) января. № 14.

⁵ Русское знамя. 1909. 22 мая (4 июня). № 111.

⁶ Русское знамя. 1908. 30 июля (12 августа). № 171.

разжег всеобщей войны». По мнению С. К. Глинки-Янчевского, «только твердость Германии и сознание России, что ее травит на соседа Англия вкупе с нашими “прогрессистами”, предупредили взрыв кровавой бойни». Сложившуюся внешнеполитическую ситуацию правый деятель интерпретировал следующим образом: «Вокруг России разжигаются очаги революции, дабы и у нас вызвать новые смуты и тем доставить власть ожидавшим кадетам, которые смогли бы втянуть Россию в войну с соперницей Англии. <...> Пока Англия не стравит кого-нибудь с Германией, она не успокоится и будет сорить золото, чтобы найти нужное ей пушечное мясо. И партийной грызни, падений кабинетов будет еще немало. Миновала бы только эта горькая чаша Россию!..»¹

Подводя итог всему вышеизложенному, можно выделить три ключевых аспекта, задававших тон консервативной прессе и публицистике при освещении событий Младотурецкой революции. Первым и главным принципом, определявшим риторiku правых, была присущая им политико-философская концепция противостояния революционно настроенным силам, непримиримое отношение к революции в целом. Требования введения парламента и конституции рассматривались ими как слепое копирование чужих порядков: «Одни требуют жизни своим умом и на основании своих условий, другие ищут “прогресса” в том виде, какой находят в чужих странах, именуемых “просвещенными”» [14, с. 243]. Во-вторых, характер высказываний о Младотурецкой революции зависел также и от тех представлений, в соответствии с которыми определялось положение Турции на международной арене: для националистов Османская империя представлялась прежде всего как соперник России на Балканах, которого постигла внутренняя смута, в понимании же черносотенцев Турция в период революции — это главным образом одна из жертв еврейского и масонского заговора, направленного в том числе против России. Подобные установки обуславливали различие в освещении турецких революционных событий крайне правыми и умеренно правыми. И в-третьих, современная русским консерваторам внутривосточная обстановка давала им основания для восприятия турецких революционных событий в качестве негативного примера, который «должен постоянно быть перед глазами... политических руководителей» Российской империи². Современный зарубежный исследователь отмечает: «С приходом младотурок к власти Османская империя вступила в период беспрецедентной турбулентности и в конечном итоге была втянута в свою последнюю и самую разрушительную войну» [13, с. 15–16]. В этой связи русские правые чутко уловили характер испытаний, через которые предстояло пройти Османской империи. Солидаризируясь с крылатым выражением, приписываемым Николаю I, о «больном человеке Европы», русские консерваторы считали, что Младотурецкая революция — лишь начало в череде кровавых потрясений, которые приведут Османскую империю к неминуемой гибели.

¹ Земщина. 1909. 9 (22) июля. № 32.

² Русское знамя. 1908. 14 (27) октября. № 231.

Список литературы

1. Арцуева А. С. Российская интервенция в Иран по материалам русской консервативной прессы (весна — лето 1909 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, №3. С. 206—216.
2. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905—1914 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2005.
3. Белянкина В. Ю. Исторические проекты Балканской федерации во внешнеполитических взглядах русской общественности второй половины XIX — начала XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 11. С. 13—18.
4. Вергун Д. Н. Россия и Турция. Взаимные отношения. Войны. Нынешнее положение Турции. СПб., 1911.
5. Иванов А. А., Арцуева А. С. «Железной рукой навести порядок»: русские правые и персидская революция 1905—1911 годов // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. 2023. №1. С. 38—54.
6. Иванов А. А. Правые политические движения России начала XX века: отношение к вооруженным силам // Научный диалог. 2022. Т. 11, №3. С. 376—394.
7. Иванов А. А., Репников А. В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. №3 (11). С. 197—217.
8. Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX века // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. 2022. №3 (47). С. 27—43.
9. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914). Киев, 2006.
10. Политические партии России. Конец XIX — начало XX в.: в 3 т. М., 2022. Т. 1: Консервативные партии.
11. Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
12. Репников А. В. Русские консерваторы-геополитики о будущем России (конец XIX — начало XX в.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. №3. С. 20—24.
13. Роган Ю. Падение Османской империи: Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914—1920 / пер. с англ. И. Евстигнеевой. М., 2018.
14. Тихомиров Л. А. К реформе обновленной России. (Статьи 1909, 1910, 1911 гг.). М., 1912.
15. Филиппова Т. А. «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.
16. Шаранов С. Ф. Ближайшие задачи России на Балканах. М., 1909.
17. Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.

Об авторе

Анна Саидовна Арцуева — асп., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: st099004@student.spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8393-2951>

A. S. Artsueva

**“AND THE YOUNG TURKS WILL NOT RESURRECT
THEIR FATHERLAND”: RUSSIAN RIGHT-WINGERS
AND THE YOUNG TURK REVOLUTION**

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Received 22 January 2024

Accepted 14 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-7

90

To cite this article: Artsueva A. S. 2024, “And the Young Turks will not resurrect their fatherland”: Russian right-wingers and the Young Turk Revolution, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 77 – 90. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-7.

The article examines the views of early 20th-century Russian conservatives (Black Hundreds and nationalists) on the causes of the Young Turk Revolution of 1908, their attitudes towards the development of the revolutionary situation, and the judgments of the Russian right-wing about the consequences of the power shift in the Ottoman Empire. These questions have not previously been the subject of independent research in the scientific literature. Based on materials from right-wing periodicals (newspapers “Zemshchina,” “Russkoe Znamya,” “Moskovskie Vedomosti,” “Kolokol,” “Kievlyanin,” “Novoe Vremya”) and journalistic works by conservative authors, three significant aspects through which the opinion of the Russian right on the Young Turk Revolution was formed are identified: the ideological positions of conservatives rejecting revolutionary social changes; Turkey’s place in the system of international relations and the forecasting of geopolitical changes in light of the Young Turks’ rise to power; and the perception of revolutionary events in Turkey as a negative example of potential further developments in Russia’s domestic political situation. The range of issues related to the Turkish revolution raised by conservatives allows for a more comprehensive understanding of the foreign policy views of the early 20th-century Russian right-wing.

Keywords: Russian right-wingers, monarchists, Russian conservatism, Russian nationalism, black-hundredists, periodicals, Young Turk Revolution, Ottoman Empire.

The author

Anna S. Artsueva, PhD Student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: st099004@student.spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8393-2951>

А. Д. Требух

**НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ США
В СТРАНАХ ЛАТИНО-КАРИБСКОЙ АМЕРИКИ
НА ПРИМЕРЕ ИНДУСТРИИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ**

91

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия

Поступила в редакцию 05.01.2024 г.

Принята к публикации 01.03.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-8

Для цитирования: Требух А. Д. Нематериальные факторы влияния США в странах Латинско-Карибской Америки на примере индустрии развлечений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 90–101. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-8.

Статья посвящена нематериальным факторам влияния США в странах Латинско-Карибской Америки и способностям Вашингтона по их использованию в контексте индустрии развлечений на современном этапе. Цель работы – определение роли и оценка этих факторов, рассмотренных на примерах кинематографа, продукции стриминговых сервисов и индустрии видеоигр. Автором был избран конструктивистский подход и применен метод статистического анализа данных из открытых источников. Был использован сравнительный метод, позволивший выявить общие тенденции в рассматриваемых секторах индустрии развлечений в контексте нематериального влияния США, и был дан прогноз относительно степени этого влияния на среднесрочную перспективу. Использование нематериальных инструментов воздействия в исследуемой области является попыткой сохранения и упрочнения США как регионального лидера в эпоху глобального соперничества великих держав. Автор приходит к выводу, что культурное влияние США в этих секторах индустрии развлечений является преобладающим в сравнении с возможностями других стран в регионе, а имеющиеся ресурсы позволяют формировать новые нормы для молодежи стран Латинско-Карибской Америки.

Ключевые слова: США, нематериальное влияние, поп-культура, индустрия развлечений, кинематограф, конструктивизм

В современном мире с развитием Интернета и культурного взаимодействия нематериальные факторы влияния отдельных государств приобретают особенное значение. В эпоху глобализации Всемирная паутина становится ареной политического и идеологического противоборства

[1, p. 235]. Развитие телекоммуникационных сетей дает возможность продвигать культурные атрибуты, ценности и распространять влияние через кинематограф, телевизионные передачи и видеоигры.

В XXI в. страны Латино-Карибской Америки активно развивали телекоммуникационный сектор [2, p. 8], а количество домохозяйств, имеющих доступ к Интернету, росло [3, p. 15]. Сейчас страны региона органично встроены в современную информационно-культурную повестку, воздействуя на информационное поле в других странах и в то же время являясь реципиентами информационного-культурного воздействия со стороны других государств.

США давно поняли необходимость использования средств нематериального воздействия. Уже в 1930-е гг. «фабрики мыслей» Дж. Рокфеллера использовали культурное влияние для конструирования, формирования или ниспровержения социального порядка [5, p. 248]. Сейчас в условиях конкуренции великих держав и развития средств получения информации нематериальные факторы влияния играют еще большую роль для США, чье глобальное политическое лидерство постепенно снижается.

В современной отечественной научной литературе изучено влияние «мягкой силы» США, которое, по мнению исследователей из Санкт-Петербургского университета Н. А. Цветковой и Г. О. Ярыгина, превращается в оружие идеологического устранения конкурентов Вашингтона [6, с. 131].

Были исследованы американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США, продвигающий американские национальные интересы и вынужденный заниматься самоцензурой [7, с. 119], а также видеоигры, служащие инструментами повышения имиджа стран, и их влияние на игровые сообщества [8, с. 314]. Изучена и способность к продвижению таргетированной пропаганды в различных игровых жанрах [9, с. 80], а также виды стратегий пропаганды в них [10, с. 113].

Зарубежные исследователи изучали саму суть американской поп-культуры, преподносящей себя как универсальную, представляющую собой американскую концепцию мира и являющуюся инструментом культурного империализма, сводящего другие культуры к однородной глобальной поп-культуре [11, p. 37]; а также как средство по вовлечению молодого поколения и альтернативу военной мощи [12, p. 41].

Определена роль Голливуда в продвижении «американской мечты» и американских ценностей [13, p. 42] и легитимации претензий США на мировое лидерство [14]. Охарактеризована важность формирования коллективных идентичностей на базе фанатских сообществ [15, p. 360], образующихся вокруг сериала или телевизионной передачи, которые могут быть как реципиентами влияния, так и создающими это влияние акторами [16, p. 175]. Сами сериалы американского производства, в сюжет которых вплетены злободневные проблемы современных США, вызывают пристальное внимание у зрителей разных стран и желание следить за реальными и вымышленными ситуациями в США как в «знаменитой державе» [17, p. 12].

В рамках зарубежного направления *game studies* была отмечена способность видеоигр формировать идентичность игроков [18, р. 85] и представлять собой коллективные воображаемые миры, которые трансформируют идеологические абстракции в конкретные переживания [19, р. 613].

Несмотря на обилие статей об индустрии развлечений как средстве американского влияния, существует дефицит исследований о том, какую роль они играют в различных странах и регионах. Научная новизна нашей работы определяется уточнением факторов нематериального влияния, используемых США на современном этапе в странах Латино-Карибской Америки и выявлением их эффективности, которую мы рассматриваем через призму конструктивизма. Мы понимаем нематериальные факторы как факторы, принадлежащие духовному миру человека, но способные влиять на международные отношения [4, р. 5].

А. Вендт, один из основоположников конструктивизма, полагал, что государства конструируют международную систему так же, как люди конструируют свои государства, и что результат их деятельности не предопределен изначально [20, р. 245]. Этот подход позволяет нам сосредоточить внимание на нематериальных факторах международных отношений, дает возможность рассмотреть социальные нормы и идеи, которые определяют взаимодействие акторов международных систем и их интересы [21, р. 175], уделить им большее внимание. Конструктивистский подход показывает не только то, как видят государства друг друга и самих себя с помощью понятия «идентичность», но и то, как совместные практики и нормы влияют на их отношения [22, р. 891].

С помощью конструктивистского подхода становится возможным проанализировать и охарактеризовать роль американских ценностно-идеологических детерминант региональной политики США в Латино-Карибской Америке на современном этапе, а также оценить их влияние на население региона.

Степень популярности американского кинематографа на современном этапе

Современный кинематограф и сериалы США популярны в странах Латино-Карибской Америки. Они продвигают ценности, идеи, конструируют межгосударственные отношения через средства художественного выражения [23, р. 156]. Образы, персонажи и сюжеты фильмов и сериалов создают модели поведения и примеры для подражания, а сам американский кинематограф может быть средством культурного империализма, с помощью которого США транслируют привлекательный образ самих себя.

Нам представляется важным отметить, какие фильмы на современном этапе являются наиболее кассовыми в странах Латинской Америки. В выборку мы включили страны с наиболее развитыми экономиками в регионе по показателю ВВП на душу населения. Временной промежуток взят с 2020 по 2023 г. для сравнения наиболее кассовых фильмов в динамике (табл.).

**Самые кассовые фильмы в странах Латино-Карибской Америки
с 2020 по 2023 г.**

Страна	2023	2022	2021	2020
Мексика	The Super Mario Bros. Movie	Avatar: the way of water	Spider-Man: No way home	Sonic the Hedgehog
Бразилия	The Super Mario Bros. Movie	Doctor Strange in the multiverse of madness	The conjuring: the devil made me do it	Frozen II
Чили	The Super Mario Bros. Movie	Minions: the rise of Gru	Eternals	Jumanji: the next level
Уругвай	The Super Mario Bros. Movie	Minions: the rise of Gru	F9: the fast Saga	Sonic the Hedgehog
Колумбия	The Super Mario Bros. Movie	Thor: love and thunder	Tom&Jerry	Jumanji: the next level
Перу	The Super Mario Bros. Movie	Minions: the rise of Gru	Spider-Man: No way home	Bad boys for life
Венесуэла	The Super Mario Bros. Movie	Minions: the rise of Gru	Shang-Chi and the Legend of the Ten Rings	Parasite
Аргентина	Fast X	Minions: the rise of Gru	Black Widow	Frozen II

Источник: Vox Office Mojo by IMDbPRO [24].

Все фильмы, представленные в таблице, кроме киноленты «Паразиты», были сняты кинокомпаниями из США. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о наибольшей популярности американских фильмов за последние годы. Такая популярность фильмов из США на современном этапе в странах Латино-Карибской Америки позволяет говорить о том, что альтернативы Голливуду в них нет. В то же время через фильмы с супергеройской тематикой Голливуд конструирует положительный образ США, распространяя среди населения Латиноамериканских стран нужные Вашингтону идеи. Происходит это, как отмечает профессор университета Квебека Д. О'Мира, путем общих практик по эмоциональному переживанию происходящего на экране [25]. Большинство наиболее кассовых фильмов в странах Латино-Карибской Америки являются либо кинолентами для семейного просмотра, способствующими восприятию и воспроизводству увиденных с экранов норм и практик американского образа жизни, либо экшн-фильмами, в которых «добро» в лице американских военных или супергероев борется со «злом», как правило, на территории «центра всех мировых событий» США. Распространение кинематографа, а также его просмотр – это социальные акты. Как отмечает А. Вендт, социальные акты создают ожидания, закрепляющие при длительном повторении относительно устойчивые концепты о себе и других. Кроме того, это заставляет акторов придерживаться определенных идей друг о друге и отказываться от принятия иных идей [26, р. 405]. Таким об-

разом, популярность голливудских фильмов в странах Латино-Карибской Америки позволяет Вашингтону поддерживать представления о себе в выгодном свете.

Стриминговые сервисы как инструмент влияния

Стриминговые сервисы и сериалы набирают все большую популярность в глобальном масштабе. Стриминговые компании из США, по оценкам исследовательской компании *Digital TV Research*, получают львиную долю доходов всего рынка в Латино-Карибской Америке, лидерами в котором являются *Netflix*, *Disney+* и *HBO* [27]. На фоне пандемии COVID-19 популярность этих сервисов, по данным *Forbes*, выросла на 12% [28], что позволяет расширять бизнес и дает возможности по использованию стриминговых сервисов в качестве средства нематериального влияния.

В странах Латинской Америки одним из нематериальных факторов влияния США в этом секторе индустрии развлечений стала политика реализации идей местных сценаристов преимущественно для национального проката, основанная во многом на грантовых программах сотрудничества [29].

Крупные стриминговые компании *HBO* и *Netflix* открыли свои латиноамериканские подразделения. *Netflix*, со слов своего вице-президента Э. Зеннати, «производит бразильский контент для бразильцев» [29], а *HBO Max Latin America* выпускает оригинальные проекты для местных зрителей с актерским составом, состоящим преимущественно из местных [30]. Одним из проектов стало «Идеальное преступление», в сюжете которого заложены реальные события похищения бизнесмена времен военной диктатуры в Аргентине. Курируя ход съемок, сценарий и актерский состав подобных фильмов и сериалов в Латинской Америке, представители таких стриминговых компаний, как *Netflix* и *HBO*, могут «подсвечивать» определенные исторические факты, приукрашивать одни эпизоды истории стран Латинской Америки и выставлять в «черном цвете» другие, как это было со скандально на шумевшим сериалом «Чернобыль» их производства [31].

Стриминговые компании США с помощью сериалов и фильмов для различных целевых аудиторий, производящихся на базе латиноамериканских подразделений с местными сценаристами, актрисами и режиссерами, могут конструировать нужные для Вашингтона идентичности, а также формировать способные повлиять на общественные настроения нарративы, одновременно пытаясь контролировать национальную идентичность стран региона. Еще одним нематериальным фактором влияния США являются совместные практики с местными «инженерами душ» по производству сериалов и документальных фильмов. Практики и финансовая поддержка проектов благотворно влияют как на формирование проамериканских настроений, так и на укрепление американо-латиноамериканской идентичности. В дальнейшем получившие гранты авторы с меньшей вероятностью будут критически настроены в отношении США, что отразится и на их кинокартинах.

Характеристика американского влияния в индустрии видеоигр

Видеоигры — неотъемлемая часть жизни молодежи Латино-Карибской Америки.

Сектор видеоигр показывает активный рост в 3,3 % год от года в странах Латино-Карибской Америки [32], принося 7 млрд долл. прибыли [33]. Активных игроков в мобильные видеоигры, по подсчетам агентства *Newzoo*, около 40 % всего населения региона [34], а их возрастной состав на всех платформах составляет от 15 до 35 лет [35]. Странами-лидерами по количеству игроков являются Мексика, Колумбия, Бразилия и Аргентина [34]. Рост количества активных игроков и рынка открывает широкие возможности разработчикам из разных стран, в том числе наиболее известным студиям из США, для дальнейшего продвижения в регионе своих продуктов с закладываемыми в них смыслами и ценностями.

Из десяти наиболее просматриваемых видеоигр на испанском языке на стриминговой платформе *Twitch* восемь были разработаны или изданы компаниями из США [36]. Преимущественно это кооперативные многопользовательские игры в жанре «шутер».

Одним из лидеров в этом списке по количеству как зрителей, так и активных игроков долгое время является серия игр *Call of Duty* [37]. Сюжет различных частей этой видеоигры состоит из исторических событий времен Холодной войны, а также противостояния спецслужб, за которых играет пользователь, и боевиков в различных частях света. Эта серия игр скандально известна попытками разработчиков фальсифицировать историю [38], одновременно выставляя американских солдат в наиболее положительном свете [39]. Она представляет собой не только аттракцион, приносящий прибыль владельцам и удовольствие игрокам, но и воплощает наиболее яркий пример того, как закладываемые в видеоигры смыслы могут оказывать скрытое влияние на формирование ценностей и норм игроков в отношении стран, людей и правительств. Помимо прочего Армия США планировала платить известным стримерам, играющим в *Call of Duty*, деньги за привлечение латиноамериканской молодежи в свои ряды [40].

Эти примеры позволяют говорить о возможности участия органов власти США в продвижении ценностей и формировании норм через использование «идеологически верных» сюжетных линий и привлечение лидеров общественного мнения, в том числе стримеров. При одновременном словесном комментировании сюжета стримерами, способными формировать вокруг себя неформальные сообщества, а также быть ролевыми моделями и нишевыми знаменитостями для многих зрителей, это становится одним из нематериальных факторов влияния США на таргетированную аудиторию как в других частях света, так и в Латино-Карибской Америке.

Американские компании в странах Латино-Карибской Америки создают всю необходимую для развития сектора инфраструктуру. Например, компания *Microsoft* анонсировала возможность «облачного гейминга» в Бразилии и Мексике — технологии, которая запускает видеоигры на удаленном сервере, а на устройство пользователя лишь транслирует игровой процесс [41]. Эта технология позволяет пользователям не по-

купать самым дорогостоящие комплектующие для своих персональных компьютеров и потенциально увеличивает количество игроков, упрощая доступ к самым современным видеоиграм даже для наименее обеспеченных слоев населения стран Латино-Карибской Америки. Лидируя на рынке облачного гейминга [42], компании из США вовлекают через видеоигры все большее количество игроков в странах Латино-Карибской Америки, что будет создавать для США окно возможностей в продвижении определенных нарративов, смыслов и ценностей на еще большую аудиторию.

В странах Латино-Карибской Америки идет активное сотрудничество между американскими и латиноамериканскими компаниями по созданию киберспортивных арен, служащих точками притяжения для сотен и тысяч латиноамериканцев в период киберспортивных соревнований и турниров. Например, компанией *Dell Computers* (США) и технологическим университетом Монтеррея (Мексика) в 2019 г. была построена киберспортивная арена «Боррегос» [43], а в 2020 г. при поддержке американских компаний *HyperX* и *RIOT Games* была открыта еще одна киберспортивная арена «HyperX Esports Stadium» в Мехико [44]. Постройка инфраструктурных проектов этого профиля является материальным фактором влияния США в регионе, а их поддержание и обеспечение, а также осуществление взаимодействия между простыми людьми из двух стран становятся для США способом распространения идеи о своем незаменимом лидерстве, идеи о себе как о стране, приносящей радость многим простым латиноамериканцам.

Нет сомнений, что этот сектор индустрии развлечений и в будущем продолжит оказывать существенное влияние на формирование мировоззренческих и поведенческих паттернов у латиноамериканских игроков, в первую очередь у молодежи. Именно поэтому его уже используют связанные друг с другом компании по разработке видеоигр и правительственные институты США для продвижения и формирования образа Вашингтона как лидера, формируя его через видеоигры, стримеров постройку инфраструктуры для киберспортивных соревнований.

Заключение

Таким образом, рассмотренные нематериальные факторы влияния США в странах Латино-Карибской Америки в области кинематографа, стриминговых сервисов и индустрии видеоигр на современном этапе являются одними из мощнейших средств по поддержанию позитивного образа США. Заметных альтернативных продуктов производства других стран в рассмотренных секторах индустрии развлечений не прослеживается.

Использование конструктивистского подхода, а именно допущение, что идеационно-ценностные возможности стран влияют на динамику международных систем так же, как и материальная мощь, позволило определить, какие факторы нематериального свойства используют США как для поддержания лидерства, так и для формирования положительного образа себя в регионе.

Говоря о роли нематериальных факторов влияния США на современном этапе в странах Латино-Карибской Америки, необходимо упомянуть, что существование и идеологический эффект этих факторов находятся в прямой зависимости от имеющихся у американских компаний материальных ресурсов. Большие бюджеты на киноленты, сериалы, видеоигры и постройку соответствующей инфраструктуры обеспечивают не столько отдачу в виде кассовости и популярности того или иного продукта, сколько укрепляют представления о США как о стране-лидере и формируют совместную идентичность в рамках общих практик сотрудничества в этой индустрии. Индустрия развлечений в обозримом будущем будет и дальше использоваться США в странах Латино-Карибской Америки как средство американизации, а «воспитание» нового поколения по обе стороны экрана способствовать более лояльному подходу целевой аудитории стран региона к внешнеполитической идеологии Вашингтона.

Список литературы

1. Eriksson J., Giacomello G. The Information Revolution, Security and International Relations: (IR) Relevant Theory? // *International Political Science Review*, 2006. Vol. 27, №3. P. 221 – 244.
2. Brereton E. Communications review. Exploring telecom markets in Latin America // *A journal for telecom, cable, satellite and Internet executives*. 2011. Vol. 16, №2. P. 1 – 52.
3. Srinivasan S. Internet access and use in Latin America and the Caribbean. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-09/undp-rblac-Digital-EN.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).
4. Hoang K. N. Non-material factors in International Relations // *Social Science Information Review*. 2021. Vol. 15, №4. P. 3 – 11.
5. Parmar I. 'To relate knowledge and action': The impact of the Rockefeller Foundation on Foreign Policy Thinking During America's Rise to Globalism 1939 – 1945 // *Minerva*. 2002. Vol. 40, №3. P. 235 – 263.
6. Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к диалоговой пропаганде // *Международные процессы*. М., 2015. Т. 13, №3. С. 121 – 133.
7. Артамонова У. З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. №2. С. 110 – 122.
8. Иванова Е. А., Иглин Д. А., Попов С. И. Игровое комьюнити как адресат политического воздействия: некоторые аспекты // *Вопросы политологии*. 2018. №8. С. 312 – 321.
9. Федорченко С. Computer Game Studies как новая область политологии // *Обозреватель Observer*. 2018. №9. С. 70 – 85.
10. Демин К. А., Пушкарева И. Н., Тагильцева Ю. Р. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США // *Политическая лингвистика*. 2016. №5. С. 110 – 116.
11. Kooijman J. *Fabricating the absolute fake*. Amsterdam, 2008.

12. *Kanji L.* Illustrations and Influence: Soft Diplomacy and Nation Branding through Popular Culture // *Harvard International Review*. 2016. Vol. 37, №2. P. 40–45.

13. *Melkumyan Yu., Mkrtchyan S.* The “American dream” propaganda in Hollywood movies // *Norwegian journal of development of the international science*. 2022. №94. P. 38–44.

14. *Greven T.* Möge die Soft-Power mit uns sein. URL: <https://www.ipg-journal.de/regionen/global/artikel/moege-die-soft-power-mit-uns-sein-1770/> (дата обращения: 15.06.2023).

15. *Gray J., Sandvoss C., Harrington C.* Fandom: Identities and Communities in a Mediated World. N.Y., 2007.

16. *De Kosnik A., Feldman K.P.* #identity: Hashtagging race, gender, sexuality, and Nation. Michigan, 2019.

17. *Aaltola M.* Drama power on the rise? US Soft power may increase as a function of Washington dysfunction // FIIA working paper. 2014. №80. P. 4–14.

18. *Frisson V., de Lange M., Raessens J., Lammis S.* Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures. Amsterdam, 2015.

19. *Schulzke M.B.* Military videogames and the future of ideological warfare // *The British Journal of Politics & International Relations*. SAGE Publications, 2017. P. 609–626.

20. *Wendt A.* Social theory of international politics. N.Y., 1999p.

21. *Onuf N.* World of our making: rules and rule in social theory and international relations. Columbia S.C. University of South Carolina Press, 1989. P. 341.

22. *Finnemore M., Sikkink K.* International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. 1998. Vol. 58, №4. P. 887–917.

23. *Койне О., Франц В.А.* Кинематограф как инструмент «мягкой силы» государства // *Дискурс-Пи*. 2017. №2. С. 154–162.

24. *Box Office Mojo* by IMDbPro. URL: https://www.boxofficemojo.com/?ref_=bo_nb_vey_mojologo (дата обращения: 05.07.2023).

25. *How Hollywood became the unofficial propaganda arm of the U.S. military* // *CBC Radio*. URL: <https://www.cbc.ca/radio/ideas/how-hollywood-became-the-unofficial-propaganda-arm-of-the-u-s-military-1.5560575> (дата обращения: 04.07.2023).

26. *Wendt A.* Anarchy is what states make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. 1992. Vol. 46, №2. P. 391–425.

27. *Netflix to lose SVOD revenues in Latin America* // *Digital TV Research*. URL: <https://digitaltvresearch.com/netflix-to-lose-svod-revenues-in-latin-america/> (дата обращения: 02.07.2023).

28. *Beech M.* COVID-19 pushes up internet use 70 % and streaming more than 12 %, first figures reveal. URL: <https://www.forbes.com/sites/markbeech/2020/03/25/covid-19-pushes-up-internet-use-70-streaming-more-than-12-first-figures-reveal/?sh=6848dc5b3104> (дата обращения: 01.07.2023).

29. *Netflix will invest «like never before» in Brazil* // *TTVNews*. URL: <https://www.todotvnews.com/en/netflix-will-invest-like-never-before-in-brazil/> (дата обращения: 03.07.2023).

30. *De la Fuente A.M.* HBO Max Latin America Production Ramp-Up Broken Down by Top Exec Luis Duran. URL: <https://variety.com/2022/global/global/hbo-max-latin-america-luis-duran-1235208496/> (дата обращения: 05.07.2023).

31. *Карев И.* Недостоверность трагедии. Что говорят о «Чернобыле» критики. URL: https://aif.ru/culture/movie/nedostovernost_tragedii_chto_govoryat_o_chernobyle_kritiki (дата обращения: 05.07.2023).

32. *McDonald E.* Newzoo's video games market size estimates and forecasts for 2022. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/the-latest-games-market-size-estimates-and-forecasts> (дата обращения: 05.07.2023).

33. *Smartphones and cloud gaming are taking gamers to next level of access in Latin America // LABS.* URL: <https://labsnews.com/en/articles/business/smartphones-and-cloud-gaming-games-access-latin-america/> (дата обращения: 05.07.2023).

34. *Van Geene K.* Free report: Insights into Paying Gamers in Latin America & the Caribbean; Barriers to spending and why players pay. URL: <https://newzoo.com/resources/blog/free-report-insights-into-paying-gamers-in-latin-america-barriers-to-spending-why-players-pay> (дата обращения: 03.05.2023).

35. *The Latin American Video Game Market: Expenditure Statistics // Logrus IT.* URL: <https://games.logrusit.com/en/news/the-latin-american-video-game-market/> (дата обращения: 06.06.2023).

36. *Tejedor O.* Los 10 videojuegos más vistos de 2021 en Twitch en lengua hispana. URL: <https://www.marca.com/videojuegos/lo-mas-gaming/2021/12/29/61cc73fd-ca4741b35b8b4573.html> (дата обращения: 14.06.2023).

37. *Nuñez C.* El Poporo del Oro 2022: lista complete de ganadores. URL: <https://www.gamerfocus.co/juegos/el-poporo-de-oro-2022-lista-completa-de-ganadores/> (дата обращения: 06.06.2023)

38. *Galvin L.* Call of Duty Black Ops Cold War: Official US propaganda and historical falsification, the game. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2021/03/10/call-m10.html> (дата обращения: 06.06.2023).

39. *Tierney P.* Call of Duty: Modern Warfare attributes American War Crime To Russia For Some Reason. URL: <https://www.thegamer.com/call-of-duty-modern-warfare-american-war-crime-russia-blame/> (дата обращения: 06.06.2023).

40. *Cox J.* U.S. Army planned to pay streamers millions to reach gen-z through call of duty. URL: <https://www.vice.com/en/article/ake884/us-army-pay-streamers-millions-call-of-duty> (дата обращения: 06.06.2023).

41. *Microsoft launches Xbox Cloud Gaming in Brazil and Mexico // LABS.* URL: <https://labsnews.com/en/news/business/microsoft-launches-xbox-cloud-gaming-in-brazil-and-mexico/> (дата обращения: 06.06.2023).

42. *Top 12 online gaming companies leading the growth of the global cloud gaming market // EMR.* URL: <https://www.expertmarketresearch.com/articles/top-cloud-gaming-companies> (дата обращения: 07.06.2023).

43. *Codas M.* Meet Esports arena Borregos, Latin America's first esports venue. URL: <https://www.dreadxp.com/editorial/meet-esports-arena-borregos-latin-america-first-esports-venue/> (дата обращения: 07.06.2023).

44. *Ya es una realidad, el primer estadio de e-sports en Latinoamerica // El Tiempo.* URL: <https://www.eltiempo.com/tecnosfera/videojuegos/ya-se-inauguro-el-primero-estadio-de-esports-en-latinoamerica-459578> (дата обращения: 06.06.2023).

Об авторе

Александр Дмитриевич Требух — асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-2485-2573>

A. D. Trebukh

INTANGIBLE FACTORS OF U. S. INFLUENCE
IN LATIN AMERICAN AND CARIBBEAN COUNTRIES
IN THE ENTERTAINMENT INDUSTRY CONTEXT

Lomonosov Moscow State University, Russia

Received 05 January 2024

Accepted 01 March 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-8

101

To cite this article: Trebukh A. D. 2024, Intangible Factors of U.S. Influence in Latin American and Caribbean Countries in the Entertainment Industry Context, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 90 – 101. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-8.

The article examines the intangible factors of U.S. influence in Latin American and Caribbean countries and the U.S. ability to utilize them in the context of the entertainment industry at the present stage. The aim of the study is to determine the role and assess these factors, considered through examples of cinema, streaming service content, and the video game industry. The author adopted a constructivist approach and employed the method of statistical data analysis from open sources. A comparative method was used to identify common trends in the examined sectors of the entertainment industry in the context of the U.S. intangible influence and to provide a forecast regarding the extent of this influence in the medium term. The use of intangible tools of influence in the studied area represents an attempt by the U.S. to maintain and strengthen its position as a regional leader in the era of global great power competition. The author concludes that the cultural influence of the U.S. in these sectors of the entertainment industry is predominant compared to the capabilities of other countries in the region, and the available resources allow for the shaping of new norms for the youth of Latin American and Caribbean countries.

Keywords: USA, intangible influence, pop-culture, entertainment industry, cinematography, constructivism

The author

Aleksandr D. Trebukh, PhD Student, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: alexandr.trebukh@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0007-2485-2573>

А. Г. Дружинин

ДИХОТОМИИ ЕВРАЗИЙСТВА:
ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем

Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Институт географии РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

Принята к публикации 01.04.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9

102

Для цитирования: Дружинин А. Г. Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 102 – 114. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9.

Евразийство относится к числу традиционных и наиболее важных для России и ее геостратегии интеллектуально-политических течений. Значимость культивируемых в рамках евразийства постулатов и подходов особым образом возросла в контексте резко проявившегося в последние годы конфликта в системе «Россия – Запад» и соответствующей переориентации геэкономических приоритетов Российской Федерации на страны «Мирового большинства». Актуализация евразийства и его широкое укоренение в российском научном дискурсе сочетается с его современной концептуальной «размытостью», вариативностью трактовок, с наличием присутствующих идеологемам евразийства глубинных противоречий и проблемных областей, осмысливаемых автором в качестве «дихотомий евразийства». В статье акцентирована сущностная двойственность евразийства, соединяющего элементы верифицируемого научного знания с идеологическими установками, что позволяет рассматривать его как особого рода геоидеологию. Выявлены содержательные различия между положениями евразийской «классики» (труды Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского и др.) и преобладающими в XXI в. направлениями евразийства («неоевразийство», концепты «Большой Евразии», «Северной Евразии»). Показаны присущие евразийству одновременность универсализма (в общероссийском и материковом масштабе) и выраженность «россиецентрированности», а также сочетание апологетики геэкономического и геокультурного изоляционизма с мощным интеграционным межнациональным и межстрановым посылом. Обоснована необходимость дальнейшего развития евразийства, в том числе в рамках проблематики общественной географии.

Ключевые слова: евразийство, национальная доктрина, Евразия, Россия, общественная география

Введение

Присущие современному мироустройству масштабные, подобные «тектоническим сдвигам» [30], геоэкономические и геополитические изменения актуализируют глубинное осмысление феномена современной России, ее этнокультурной и территориально-хозяйственной специфики, цивилизационных особенностей, конфигурации внешних рубежей и сфер интересов, равно как и позиций, приоритетных партнерств, наконец, роли, «веса», перспектив и стратегий на постсоветском пространстве, в сопредельных макрорегионах Евразии. В данном контексте вновь, как уже многократно (начиная с 1860-х гг.) было в отечественной истории, приумножились резоны для восприятия нашей страны как «не Европы» (не Запада), сформировался запрос на обновленное видение (и обоснование) российских внешних политико-географических рубежей, на рассмотрение (в качестве наиболее насущного и первостепенного) «восточного вектора» во внешнеэкономической, внешнеполитической ориентации Российской Федерации, в ее внутренней политике, в вопросах пространственного развития, наконец, на выстраивании более сбалансированных, учитывающих размер и разнородность российской территории, межрегиональных, межнациональных и межконфессиональных отношений.

Осовремененная, адекватная реалиям третьего десятилетия XXI в. концептуализация России (включая и геостратегически ключевой вопрос ее самоопределения как одного из планетарно значимых «полюсов» экономико-технологической и геополитической активности) в этой связи во все возрастающей мере неизбежно становится сопряженной и взаимоувязанной с культивированием воззрений и подходов евразийства (в целом сформировавшегося столетие назад [10] и не без основания рассматриваемого уже в постсоветский период [19] в качестве важнейшей для страны геополитической доктрины), восприятием и осмыслением его базовых постулатов, с развитием составляющих его сущностную сторону положений. Многие из них при этом противоречивы, уязвимы для критики (что наглядно иллюстрирует обширнейшая отечественная и зарубежная научная литература [2; 15; 20; 21; 28; 29; 31; 32; 34; 35]) и подчас вступают в диссонанс как с текущей политико-экономической и социокультурной ситуацией, так и с исследовательским инструментарием и достижениями современной науки, что существенно усложняет и тормозит укоренение евразийских идей в научном и политическом дискурсе, их понимание, признание, практическую аппликацию. Цель статьи — высветить имманентную евразийству и его важнейшим (апеллирующим к пространству, к географии) идеологемам содержательную двойственность («дихотомичность»), показать ее причинность, сильные и слабые стороны, а также возможности преодоления.

Евразийство как геоидеология: между научными подходами и политико-идеологическими доктринами

Евразийство, воспринимавшееся его классиками-основоположниками в качестве «политического, идеологического и духовного движения, утверждающего особенности культуры Российско-Евразийского мира»

[16, с. 7], изначально опиралось на серьезный междисциплинарный теоретический и фактологический базис, в целом соответствующий передовым рубежам науки конца XIX — начала XX в., включая и географическое знание, активно развиваемое в тот период [24], в том числе в России.

«Географичность» евразийства проявлялась не только в особом лексиконе (концепты «Евразия», «месторазвитие», «евразийский мир», «Россия-Евразия»), но и в культивировании (с фокусом на природную обусловленность) понимания некоего «географического задания» для страны, акценте на фактор пространства (связь «народа с государством, которое этот народ образует, и с пространством, которое он себе усвоит» [4, с. 5]), на его структурировании, в том числе признании фактического многообразия региональных культур, их самоценности и равнозначности.

Комплементарность классического евразийства (1920–1930-е гг.) системе географического знания далее нарастил (подкрепив обширнейшим фактологическим материалом исторического и историко-географического плана) историк и географ Л.Н. Гумилёв, став (в позднесоветскую эпоху) ключевым адептом евразийства и его популяризатором, развив евразийские подходы представлениями об этнической обусловленности трансформаций евразийского пространства, о ритмах этногенеза, о роли в этом процессе феномена пассионарности [6; 7]. Привнеся евразийские идеи в постсоветский дискурс, Лев Николаевич усилил их «естественно-научный» и историко-фактологический крен, но при этом, как видится, нарастил барьеры между евразийством (все предшествующие десятилетия пребывающим в политической не востребованности и общественно-интеллектуальной маргинальности) и связанными с постмодерном интеллектуальными новациями второй половины XX столетия в области гуманитарных и социально-экономических наук. Если присовокупить к этому четко проявившееся с момента распада СССР несоответствие между продуцируемой евразийством географической картиной мира и реалиями глобализации, равно как и геоэкономическими и геополитическими метаморфозами самой Евразии (обретающей полицентризм, фрагментируемой, испытывающей возрастающее воздействие внешних сил [9]), то уместно констатировать нарастающую с начала 1990-х гг. квазинаучность постсоветских инвариантов евразийства, низведение изначально системно выстроенного и разнопланового учения до геополитических лозунгов и упрощенных понятийно-терминологических шаблонов.

Научно-идеологическое течение в итоге мимикрировало, содержательно «растаскивалось», превращаясь в набор категорий-символов («Евразия», «евразийский»), оперирование которыми все чаще и основательнее подменяло профессиональный анализ сложного, подчас противоречивого контента. В евразийстве все меньше становилось реального «гео-» (адекватного восприятия фактических пространственных структур, процессов, отношений), а все больше дистанцированных от общественно-географической реальности политологических и социологических схем. Подобная ситуация ознаменовала не только кризис евразийства, но и высветила его базовую, основополагающую дихотомию, чья суть — «присутствие» в евразийских представлениях не только

научных концептов, страноведческой и иной фактологии, но и идеологических схем, а также политических деклараций. Симбиоз научного с квази- и даже паранаучным, эмпирических сведений и корректных логических умозаключений с географическими образами и геостратегическими устремлениями («данностей» и «заданностей», если следовать уже имеющемуся лексикону [29]) позволяет рассматривать евразийство как сложившуюся в специфическом российском пространственно-временном континууме особого рода геоидеологию, то есть некую относительно целостную и непротиворечивую совокупность взглядов, убеждений и идей, апеллирующих к пространству (его структуре, конфигурации, динамике) и одновременно ориентированных на его доведение (преобразование, сохранение, расширение и т.п.). до некоего геополитически мотивированного «нормативного» состояния.

От евразийской интеллектуальной классики к параевразийству современности: единство генезиса, инвариантность интерпретаций

Став интеллектуальной реакцией российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряженную с ним ситуацию периферийности, дополняемую периодически возникающим кризисом в системе «Россия — Запад», а также резко возросшими после Крымской (Восточной) войны проявлениями геоснобизма со стороны кластера «цивилизованных государств», евразийство как особый геоидеологический конструкт выкристаллизовывалось благодаря усилиям как минимум 6—7 поколений (начиная с середины XIX в.) российских ученых, мыслителей, литераторов. Подобная пролонгированность тренда, равно как и достаточно широкое (в самой России/СССР преимущественно уже в постсоветский период) тиражирование евразийской терминологии и идей, во-многом предопределили их эволюцию и, соответственно, современную поливариантность, практическую множественность «евразийств» как непосредственно в Российской Федерации (где в дискурсе, циркулируя, одновременно сосуществуют «неоевразийство», представления о «Большой Евразии», «Северной Евразии»), так и за ее пределами (сербское евразийство, турецкое евразийство, евразийство в Казахстане, туранизм в Венгрии и др.).

Сочетание единого генезиса евразийских идей (их «классической» основы, определяемой взглядами и категориальным аппаратом Г. В. Вернадского, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и др.) с последующим плюрализмом интерпретаций и аппликаций евразийства дополняется дихотомией между интернационализацией ключевых евразийских подходов и постулатов (чья универсалистская сторона — акцент на равноценности территориально локализованных культур, этнокультурных целостностей, цивилизаций, равно как и манифестация самоидентификации и самоопределения территориальных общностей) и общей (как в ретроспективе, так и сейчас) превалирующей «россиецентрированностью» евразийства, выступающего прежде всего геоидеологией, сформированной в России, ориентированной на реалии и интересы нашей страны.

Именно в евразийстве предельно четко проявляется «национальная определенность» российской геополитики и именно евразийство (по П. Н. Савицкому — стержневая идеология русского народа [25]), являя рефлексию на общественно-географическую динамику, дополняя и корректируя географическую картину мира, «живет» преимущественно в российской социально-политической динамике, в нашей идентичности, ментальности, дискурсе. В этом своем качестве (единства не вещественного и вещественного, а также универсального и национального) постулаты евразийства должны восприниматься, оцениваться, но при этом никак не абсолютизироваться, не быть избавленными от процедуры верификации и содержательной критики.

Евразийская апологетика России как «особого мира» и заключенный в концепте «Евразия» интеграционный посыл

Евразийский проект (как справедливо подчеркивал почти три десятилетия назад А. С. Панарин) «воспринимает различие региональных культур... с позиций непреходящего и самоценного многообразия» [21, с. 167]. Сама Россия, согласно П. Н. Савицкому, «есть не только “Запад”, но и “Восток”, не только “Европа”, но и “Азия”, и даже вовсе не “Европа”, а “Евразия”» [16, с. 2]. Подобного рода концептуальное обособление России в качестве «особого мира» является безусловным ключевым моментом присущего евразийству миропонимания. Однако, согласно методологии современной географической науки, «мир = миры» [27] и в идеологемах евразийства в этой связи четко проявляется еще одна значимая дихотомия — между интеллектуальной установкой на обретение (понимание) суверенности, на дистанцирование от чего-либо внешнего и большего («Европы», «Запада» и т. п.), частью которого в той или иной мере эпизодически выступает сама Россия (в X в. испытав византийское цивилизационное влияние, в XIII — став частью Улуса Джучи / Золотой орды, а с XVII в. оказавшись в ареале европейского культурного доминирования, уже в XX в. трансформировавшегося в формат глобализации [8]), и одновременно геополитическим обоснованием выстраивания самостоятельной, масштабной, целостной пространственной структуры («России-Евразии»), «собранием» (политическим, экономическим, культурным) в ее собственном контуре народов, регионов, стран.

Характерно, что если для коллективного Запада, для глобалистских сил, воспринимающих всю планету как пространство своего эксклюзивного доминирования, евразийство являет один из вариантов регионализма, то для России — это, по существу, идеология не только (и не столько) изоляционистская, сколько интеграционная, по отдельным аспектам глобалистская (регионального интеграционизма, русского глобализма). Подобная двойственность предопределяется практической невозможностью быть значимым, различимым в общепланетарном масштабе, не обладая самобытностью, спецификой, не интегрируя обширные массивы территории с присущей им палитрой типов расселения, экономических специализаций, этносов, конфессий, культур. Именно Евразия (в ее геополитическом, геокультурном понимании) в этой связи представляет собой пространственный базис, фундаментальное условие

общепланетарного позиционирования России. Приоритетные же позиции России в Евразии (в том числе собственно территориальные, учитывая, что даже современная Российская Федерация занимает около 32 % площади материка), воспроизводство нашей страной исторически сложившейся, географически обусловленной ее евразийской сущности — это своего рода «пропуск» в «высшую лигу» геополитики и геоэкономики (Х. Маккиндер [33] совсем не случайно фокусировал внимание на феномене Хартленда и его планетарной геополитической значимости). Именно таковой была реальность на рубеже XIX—XX вв., мало что изменилось здесь и в наши дни, характеризуемые не только фрагментацией глобального геополитического и геоэкономического пространства, но и резко обострившейся борьбой за лидерство в Евразии, за передел сфер влияния (хозяйственного, военно-политического, культурного) в общепланетарном масштабе.

Опыт постсоветского периода свидетельствует, что, становясь в зависимость от экзогенных сил позицию, испытывая идущие извне импульсы глобализации и, соответственно, периферизации, Россия не способна оставаться доминантой в Евразии. Но для евразийского позиционирования России столь же непродуктивна и автаркия, уподобление некому цивилизационному «острову». В современном мире, обретающем многополюсность, но по-прежнему в существенной мере целостном и взаимозависимом, успешно интегрировать евразийское пространство можно, только активно и эффективно действуя на глобальном поле, реализуя глобальную геостратегию, продвигая общемировую повестку.

Парадоксально, но применительно к России в дихотомии «евразийство — западничество» именно последнее (столь же традиционное для российской геополитической культуры [17], выступающее очевидной антитезой евразийству), прочерчивая миражи гипотетического благополучия на основе встраивания в более масштабную (и мнимую «передовую») структуру, не столько расширяет наши национальные хозяйственные, культурные и геополитические возможности и горизонты, сколько ориентирует на возрастающий провинциализм, последовательное купирование геостратегических возможностей и амбиций. Аналогичного эффекта, впрочем, можно ожидать и от китаецентризма, все ощутимее дополняющего ныне «западничество» (и при определенных обстоятельствах через одно — два поколения способного во многом если не заместить, то уравновесить его).

Месторазвитие: дихотомия устойчивости и изменчивости

«Евразия, — подчеркивал П. Н. Савицкий, — как единый географический мир как бы “предсоздана” для образования единого государства» [23, с. 259]. Эта ситуация «предсозданности» осмысливается евразийством в рамках особой географической категории — «месторазвитие», понимаемой как пространственно четко оконтуренный итог природных условий и социальной активности, некое «единое лоно» жизни народа.

Вся история распространения русского государства, отмечал Г. В. Вернадский, есть в значительной степени история приспособления русско-

го народа к своему месторазвитию — Евразии, а также приспособления всего пространства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа [4]. Постулируя взгляд на евразийский мир как на замкнутое и законченное географическое, хозяйственное и этническое целое, Н. С. Трубецкой полагал, что «сама природа указывает народам, обитающим на территории Евразии, необходимость объединиться в одно государство и создавать свои национальные культуры в совместной работе друг с другом» [26, с. 52]. Этот же посыл разделяет и современное нам «неоевразийство». Согласно А. Г. Дугину, «Евразия, имеет очень древние корни, гораздо более древние, чем только славянские или русские, чем царская Россия или Советский Союз. В этом отношении все формы, объединяющие Евразию, имеют некоторый общий стиль — особую территорию, которая не интегрируется ни в Европу, ни в китайскую, иранскую, индийскую или семитскую цивилизации. Данная территория представляет собой абсолютно отдельную зону, которая объединялась с исторически разными народами и под разными идеологиями. Однако это всегда была Евразия или Великий Туран» [11, с. 147].

Евразийство в итоге, с одной стороны, допускает множественность «месторазвитий» и их разноразмерность (согласно К. А. Чхеидзе, одному из авторов «евразийских» статей «классического» периода, «месторазвития» уместно ранжировать от «простых», присущих той или иной группе людей, например племени, до предельно крупных, соответствующих «государству-материку», как «евразийцы» именовали Россию, и в целом земному шару [25]. С другой — евразийство ориентирует на превалирующую статичность сетки «месторазвитий» и эксклюзивность, доминантность «месторазвитий» особого (соответствующего всей исторической России в целом) иерархического уровня. Однако с позиций современной общественной географии вряд ли методологически корректно признание какого-либо из уровней пространственной таксономии (глобального, метарегионального, странового или регионального) в качестве доминантного, эксклюзивного. Подобный выбор возможен лишь как политически (геополитически) мотивированный, воплощенный в формат той или иной национальной (государственной) идеологии.

Существенно также, что общественно-географические «миры» (в том числе цивилизационного уровня) теоретически равнозначны, но практически неравновесны; они существуют в своих неустойчивых «взаимоналожениях», зависимостях и даже иерархиях. Сам статус «особого мира» столь универсален, что не может и не должен абсолютизироваться (по крайней мере в научном исследовании), в том числе и применительно к такому его свойству, как целостность. Пространственная структура «особых миров» также не есть константа. Более того, необходимо осознавать, что «в основе больших государств лежат не естественные ниши, а цивилизационные идеи мощного интеграционного характера» [21, с. 243]. Представления о «месторазвитии» должны быть в этой связи обязательным образом скорректированы с позиций динамического (эволюционного) подхода, учета феномена полимасштабности, признания возможности «взаимного напластования» месторазвитий и их превалирующего социально-экономико-политического генезиса. Что касается собственно России, то, определяя ее как «особый мир», необходимо од-

новременно воспринимать и признавать его эволюционный характер (способность не только к географическому расширению, но и к «сжатию», цикличности, пульсациям), понимая, что никаких «естественных» и извечных границ «Евразии» (не материка) быть в итоге не может, как, следовательно, нет и predeterminedности геополитического позиционирования в их контуре того или иного государства, включая Россию.

Как подчеркивал выдающийся отечественный (советский) философ М. К. Петров, установка на стабильность, которую человек использует в основных областях своей деятельности, совершенно несостоятельна в деятельности по определению своего будущего [22]. Присущий современным интерпретациям евразийства воплощенный в категории «месторазвитие» (а также «пассионарности» Л. Н. Гумилёва и принадлежавших его авторству представлениях о ритмах этногенеза, в том числе применительно к Евразии [7]) симбиоз природного детерминизма и исторического фатализма дезориентирует российское общество, продуцирует в нем обманчивое, контрпродуктивное видение некоей природно-географической предначертанности, predeterminedности (и устойчивости, стабильности во времени) ареала доминанты русской культуры и геополитических интересов России. Он же препятствует осознанию нарастающих в данной сфере в постсоветский период изменений (и, соответственно, проблемных ситуаций, рисков), слабо мотивируя необходимую мобилизацию коллективной воли в вопросах будущего страны, укрепления ее позиций и перспектив, в том числе в контуре непосредственно евразийского пространства.

«Россия-Евразия» как сердцевинный концепт евразийства: смысловая двойственность, стратегическая поливариантность

Концепт «Евразия» омонимичен [28], но конкретизирующая (в евразийской геополитической доктрине) его формула «Россия-Евразия» также вмещает множественность смыслов. Изначальный, классический из них: Евразия — это Россия (и наоборот), причем последнее наиболее актуально именно в современной нам ситуации, когда особым образом востребован акцент на геополитической и социокультурной обособленности (суверенности) Российской Федерации и синтетической, евразийской специфике ее территорий.

«Евразия, полагал П. Н. Савицкий, это значит: Россия должна жить сама по себе, дозвель сама над собой, сама должна являться светом для себя» [13, с. 164]. Российская Федерация — это и есть фактический ключевой элемент современного «евразийского пространства». И воспринимать пространство России нужно именно как «Евразию» (учитывать наличие у страны и своей «Европы», и своей несомненной «Азии» с многообразием интегрирующих эти геокультурные сущности крупнейших городских агломераций и обширнейших «переходных», с плавным изменением качественных характеристик территорий). Осознавая все возрастающую «евразийскую сущность» российского пространства при выработке и реализации соответствующей федеральной политики, следует при этом делать акценты не на Евразии, а именно на России, на укреплении позиций российской государственности и русской культуры.

Впрочем, невозможно не признать — после распада СССР тождественность России (СССР) и Евразии стремительно утрачивается. Россия остается евразийским государством, но самой «Евразии» становится «все больше» непосредственно за политико-географическими рубежами нашей страны, в сфере трансграничной, международной коммуникации. Характерно, в частности, что если в 1989 г. примерно каждый второй проживающий на планете представитель тюркоязычных этносов (а фокусировка внимания на взаимодействии тюркоязычных народов и славян, прежде всего русских, — один из содержательных столпов евразийства) был гражданином СССР, то для Российской Федерации соответствующий показатель варьируется в диапазоне от 6,5 до 12 % (если учесть и диаспоры трудовых мигрантов). Сохраняя свою «тюркскую» ипостась, современная Россия объективным образом оказывается преимущественно периферийной по отношению к так называемому «Тюркскому миру» (к примеру, на территории Турецкой республики сконцентрировано не менее 35 % всего тюркоязычного населения Земли). Схожие подвижки имеют место и в экономической сфере. Все это позволяет полагать, что «Евразия» (как она провозглашалась классиками евразийства) все последние три десятилетия «сжимается» и одновременно «расширяется» [9]. И если внутри России в данном контексте приоритет должна получить именно российская идентичность, особым образом русская, учитывая, что, по данным последней переписи, 16,6 млн россиян не указали собственную национальность (но, подчеркнем, никакая не «северная», не «Северной Евразии», что в последнее время настойчиво продвигается [5; 14]), то за контуром наших рубежей в интересах России культивировать и тиражировать идентичность евразийскую. Это повышает, в частности, ценность и востребованность озвученной уже в «посткрымский» период идеи «Большой Евразии» [1; 3; 12; 18] с обязательной, как видится, установкой на взаимно поддерживающее соразвитие евразийских государств (причем не только постсоветских).

Актуальность и сохраняющаяся концептуальная жизнеспособность формулы «Россия-Евразия» предопределяется и возможностью выстраивания на ее основе гипотетической множественности подчас альтернативных геостратегий Российской Федерации. В их числе вычленим базовые.

1. Ретроградная объективистская, основывающаяся на понимании, что историческая Россия — это Евразия, и связанный с этим обстоятельством потенциал «колеи зависимости» следует поддерживать и задействовать.

2. Ревизионистская интеграционная, базирующаяся на идее, что подлинная, полноформатная Россия и ее «естественные» границы — это Евразия (в понимании «классиков»). Своим политико-географическим контуром Россия, соответственно, должна вновь вернуться к границам Евразии.

3. Минималистская изоляционистская («островная»), исходящая из признания фактического положения Российской Федерации как наиболее значимого и крупного обособленного фрагмента современного «ев-

разийского пространства». Территории же самой России в русле подобного подхода нужно воспринимать именно как «Евразию» (учитывать ее разнородность и сложность).

4. Адаптивная интеграционная, связанная с тем, что для России Евразия (особым образом — постсоветские государства и их регионы) — естественная среда и условие жизнедеятельности, что требует от Российской Федерации выстраивания евразийских альянсов и партнерств (в том числе в формате «Большой Евразии»).

Во всех перечисленных случаях, вне зависимости от конъюнктурной приоритетности той или иной геостратегии, общий геоидеологический акцент применительно к нашей стране неизбежно должен (и будет) смещаться от «Евразии как России» к собственно «России в Евразии» и «России как Евразии».

Заключение

Евразийство явилось интеллектуальной реакцией части российского общества на укоренившийся европоцентризм и сопряженную с ним ситуацию периферийности, дополняемый периодически возникающим кризисом в системе «Россия — Запад», а также проявлениями геоснобизма со стороны «цивилизованных государств». Вступление Российской Федерации в период пролонгированного конфликта с «коллективным Западом» создает возможности для ренессанса евразийства в нашей стране. Актуализация евразийства будет протекать в русле все четче осознаваемой российскими обществоведами «национальной определенности» своих исследований и идей. Евразийство — это и есть, по существу, наша исторически сложившаяся интеллектуальная «национальная определенность», в том числе в общественной географии, включая ее геополитический аспект.

Приверженность евразийству как особой геоидеологии применительно к сфере интересов российской общественной географии, как видится, предполагает следующее.

1. Признавая реалии формирующегося многополюсного мира, видеть Россию одной из его относительно самостоятельных, самобытных составляющих, плотно, по многим направлениям инкорпорированных в глобальные хозяйственные, культурные, политические и информационные процессы.

2. Поддерживая конъюнктурный «поворот» России на Восток и Юг, признавать необходимость многовекторности пространственного развития страны (включая и активность на западном ее направлении, в частности на Российской Балтике, включая Калининградский эксклав).

3. Не «отрывать» (в том числе ментально) те или иные крупные регионы России (в том числе Сибирь) от остальной территории страны.

4. Воспринимать «ближнее зарубежье» и в целом сопредельные с Россией пространства как приоритетную сферу интересов и важнейшую область для российского зарубежного страноведения, которое должно развиваться «в увязке» с российским регионоведением.

5. Воспринимаемая Россия как «единство разного» (в этнокультурном и социально-экономическом отношениях), повсеместно делать акцент на интеграционных (межрегиональных, межмуниципальных) приоритетах и структурах.

6. Ориентируясь на необходимость обеспечения баланса в пространственном развитии и достижения социально-территориальной солидарности и справедливости, воспринимать узловые компоненты урбанистической сети (в первую очередь Московскую агломерацию) в качестве важнейшего условия позиционирования России в Евразии.

Завершая, подчеркну, что не нужно стремиться превращать евразийство в «символ веры», равно как и не следует его «сторониться». Данное интеллектуальное течение необходимо знать, понимать, подвергать ревизии и развивать, учитывая его множественные содержательные дихотомии, адаптируя к меняющемуся миру, ориентируясь на Россию и наши национальные геостратегические интересы.

Исследование выполнено по теме госзадания Института географии РАН (№ FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы»).

Список литературы

1. Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. №4. С. 5–14.
2. Бордачёв Т. В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13, №5. С. 194–205.
3. Вардомский Л. Б. Евразийская интеграция и большое евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. №3 (44). С. 9–26.
4. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Евразийское книгоиздательство. Прага, 1927.
5. Головинёв А. В. Северность России. СПб., 2022.
6. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
7. Гумилёв Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
8. Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов н/Д, 1999.
9. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов н/Д, 2016.
10. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов н/Д, 2021.
11. Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, №1. С. 142–152.
12. Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, №4. С. 5–24.
13. Евразийский временник. Непериодическое издание под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и Н. Трубецкого. Книга третья. Берлин, 1923.
14. Замятин Д. Н. Северная Евразия на стыках планетарных геокultur: сопостранственность и пограничность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, №7. С. 103–117.

15. Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул, 2007.
16. *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.* Кн. 1. София, 1921.
17. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
18. Котляков В. М., Шупер В. А. Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век // Вопросы географии. Вып. 148 : Россия в формирующейся Большой Евразии. М., 2019. С. 357–372.
19. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М., 2000.
20. Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. М., 2004.
21. Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995.
22. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995.
23. Савицкий П. Геополитические заметки по русской истории // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Часть первая. Прага, 1927.
24. Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980.
25. *Тридцатые годы. Утверждение евразийцев.* Кн. 7. Париж, 1931.
26. Грубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925.
27. Тютюнник Ю. Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. №6. С. 8–18.
28. Цымбурский В. Л. Две Евразии: ономимия как ключ к идеологии раннего евразийства // Вестник Евразии. 1998. №1-2. С. 6–30.
29. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.
30. Шупер В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. №12. С. 3–21.
31. Bassin M. «Classical» Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity // *Ab imperio*. 2003. №2. P. 257–266.
32. Bassin M., Glebov S., Laruelle M. (eds.). *Between Europe and Asia. The Origins, Theories, and Legacies of Russian Eurasianism.* Pittsburgh, 2015.
33. Mackinder H. J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. №23. P. 421–437.
34. O'Loughlin J. Geopolitical fantasies, national strategies and ordinary Russians in the post-communist era // *Geopolitics*. 2001. Vol. 6, №3. P. 17–48.
35. Smith G. The masks of Proteus: Russia, geopolitical shift and the new Eurasianism // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 1999. Vol. 24, №4. P. 481–494.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин – д-р геогр. наук, проф., Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета; ведущ. науч. сотр., Институт географии РАН, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

A. G. Druzhinin

**DICHOTOMIES OF EURASIANISM:
A SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS**

North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received 21 March 2024

Accepted 01 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9

114

To cite this article: Druzhinin A. G. 2024, Dichotomies of Eurasianism: A Socio-Geographical Analysis, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 102–114. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9.

Eurasianism is among the traditional and most significant intellectual-political currents for Russia and its geostrategy. The importance of the postulates and approaches cultivated within Eurasianism has notably increased in the context of the sharply manifested conflict in the “Russia-West” system in recent years and the corresponding reorientation of the Russian Federation’s geoeconomic priorities towards the countries of the “Global Majority.” The actualization of Eurasianism and its broad entrenchment in Russian academic discourse is combined with its contemporary conceptual “fuzziness,” variability of interpretations, and the presence of deep contradictions and problematic areas inherent to Eurasian ideological concepts, which the author conceptualizes as “dichotomies of Eurasianism.” The article emphasizes the essential duality of Eurasianism, combining elements of verifiable scientific knowledge with ideological principles, allowing it to be considered a unique form of geo-ideology. It identifies substantive differences between the positions of classical Eurasianism (works of N. S. Trubetskoy, P. N. Savitsky, G. V. Vernadsky, etc.) and the prevailing directions of Eurasianism in the 21st century (“neo-Eurasianism,” concepts of “Greater Eurasia,” “Northern Eurasia”). The simultaneous presence of universalism (on an all-Russian and continental scale) and pronounced “Russia-centricity,” as well as the combination of geoeconomic and geocultural isolationism with a strong integrative message across nations and countries, inherent in Eurasianism, are demonstrated. The necessity for the further development of Eurasianism, including within the framework of social geography issues, is substantiated.

Keywords: Eurasianism, National Doctrine, Eurasia, Russia, Social Geography

The author

Prof. Alexander G. Druzhinin, Southern Federal University, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru

А. С. Максименко

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СААМОВ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ОТ РАЗВИТИЯ ДО СТАГНАЦИИ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 04.02.2024 г.

Принята к публикации 01.03.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-10

115

Для цитирования: Максименко А. С. Этнополитическое движение саамов в Арктическом регионе: от развития до стагнации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 115–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-10.

Рассматривается этнополитическое движение саамов в Арктическом регионе в разрезе значимых событий его развития, в том числе в период специальной военной операции России на Украине. Автор предпринимает попытку дать оценку актуальной стадии развития движения и обосновать факторы его стагнации с возможным сценарием изменений в положительном направлении на основе анализа научных работ ведущих авторов в области этнополитики и международных отношений, а также открытых официальных интернет-ресурсов международных организаций и периодических новостных изданий. В результате автор предлагает рассмотреть пять основных этапов развития этнополитического движения саамов на фоне поступательного формирования тесного международного сотрудничества и трансграничного взаимодействия стран проживания коренного народа Арктики. Выявлено, что санкционная политика коллективного Запада против России оказывает отрицательное влияние на национальное самосознание саамского народа и статус единства, которое однозначно игнорируется его собственными политическими лидерами, что приводит этнополитическое движение к острой стагнации. Данный кризис предлагается воспринять как возможность переосмысления итогов долгого исторического пути саамов к относительной политической автономности в рамках функционирования пансаамской политики.

Ключевые слова: этнополитика, этнополитические движения, саамы, Сапми, пансаамизм, Фенноскандия, коренные народы, Арктика

Вопросы национального единства и идентичности являются одними из основополагающих факторов государственности Российской Федерации, особенно на фоне боевых действий на Украине, когда Россия столкнулась с осуждением и санкциями со стороны Запада. На примере развития этнополитических движений коренных народов, а именно проблемы формирования национального самосознания и политиче-

ской мобилизации в рамках одной этнической группы, рассматривается вопрос о формировании истинно научного знания в области политической науки, политических ценностей России, проведении эффективной этнической политики. Так, национальная и внешняя политика государств проживания коренного населения Арктического региона саамов (Норвегия, Швеция, Финляндия и Россия) отрицательно влияет на национальное самосознание единого саамского народа и ставит под угрозу позитивный курс развития этнополитического движения саамов в Арктическом регионе.

Саамы принадлежат к финно-угорской группе и являются коренным народом Арктического региона, а именно так называемой Лапландии, или Сапми (в буквальном переводе с саамского языка «Земля саамов»), — северных территорий Норвегии, Швеции, Финляндии и всего Кольского полуострова России. Эта территория не имеет официального статуса, некой автономности и тем более не является отдельным государством с присущими ему характеристиками. Традиционный образ жизни саамского народа вплоть до XX в. включал в себя охоту, рыболовство и оленеводство, что предполагало как кочевой, так и оседлый образ жизни. В настоящее время только небольшая часть саамского населения ведет традиционный образ жизни, в том числе с целью развития туристической привлекательности саамских деревень.

Общая численность саамов точно не известна по причине отсутствия переписи конкретно этой этнической группы. По экспертным оценкам демографов, население саамов составляет от 80 000 до 100 000 человек. Официальный источник Администрации Кольского района Мурманской области утверждает, что количество саамов — не более 30 000 человек на всей территории Сапми [8], включая 1599 представителей в Мурманской области.

Народ саамов, согласно множеству российских и зарубежных источников, считает себя единым с присущими уникальными характеристиками и институтами трансграничного управления на основе практики пансаамизма. Пансаамизм, в свою очередь, представляет собой политическое и социально-культурное течение, призывающее к единению, интеграции, формированию значимости и самосознанию саамского народа через проведение эффективной пансаамской политики, направленной на продвижение и лоббирование собственных интересов в Фенноскандии в рамках этнополитического движения саамов в Арктическом регионе [5]. Вместе с тем это утверждение претерпевало значительные изменения на протяжении нескольких веков и прошло несколько стадий своего развития от начальной точки пробуждения движения до фактической его стагнации.

Рассмотрение наиболее значимых событий формирования и развития этнополитического движения саамов в исторической ретроспективе носит основополагающий характер для понимания актуального состояния данного этнополитического процесса на современном этапе и осознания его значимости для обеспечения эффективного сотрудничества между странами проживания этого коренного народа Арктики. Каждый этап развития этнополитического движения саамов является уникальным примером обретения национального самосознания и зна-

чимости: путь от рассредоточенного меньшинства в нескольких государствах до формирования единого народа, проживающего на объединенной территории.

На основании проведенного нами анализа исторических фактов, научных изысканий предшественников и правовых источников можно выделить пять этапов развития этнополитического движения саамов:

1. Начало XVII—XVIII в. «Темное время».
2. XIX — начало XX в. Пробуждение самосознания.
3. Вторая половина XX в. Самоопределение.
4. Начало XXI в. Пансаамизм.
5. С 24 февраля 2022 г. Раскол и стагнация.

Начало XVII — XVIII век. «Темное время»

Этот период можно кратко охарактеризовать как время осознания саамами себя единым народом, а также несправедливого и унижающего человеческого и национального достоинства положения на территории своей исторически сложившейся Родины — Сапми.

С XVII в. саамы начали формировать более или менее оседлые, распределенные по территории Сапми сообщества, способные сохранять эффективную мобильность для оленеводства, рыболовства и охоты. Именно оленеводство требовало регулярной миграции части саамов, и благодаря таким передвижениям устанавливались и поддерживались связи на огромных расстояниях с группами саамов, имеющих постоянное место проживания — деревни саамов [18, р. 83—109]. В результате саамы могли иметь родственные и экономические связи на большой территории. Чувство принадлежности к единому саамскому сообществу впоследствии послужит основой для создания и развития этнополитического движения саамов в Арктическом регионе.

В этот период в горах Швеции были обнаружены железная и серебряная руда. Саамский народ был принудительно привлечен к труду в шахтах местными властями, а с помощью оленей, принадлежавших саамам, перевозили горно-промышленные грузы. При актах неповиновения, включая устный отказ и попытку к бегству, саамов жестоко наказывали физически шведские войска [13, р. 42]. Фактически был создан прецедент эксплуатации рабского труда саамов со стороны шведского государства. Саамы, в свою очередь, рассматривают этот период и совершенные против их народа преступления как один из самых худших за всю историю — «темное время». В результате сегодня мы наблюдаем сформированное объединяющее чувство исторической несправедливости, которое в умелых руках национальных лидеров становится политическим инструментом. При правильном обращении этот инструмент становится эффективным средством манипулирования и политической мобилизации в борьбе против угнетающего большинства, а нередко неприятия распоряжений органов государственной власти стран проживания.

ХІХ — начало ХХ века. Пробуждение самосознания

В поселении Северной Норвегии Каутокейно в 1852 г. произошло восстание, принесшее человеческие жертвы. Именно в это время среди саамов стало популярным пуританское движение шведского священника Ларса Леви Лестадиуса, который резко высказывался о греховности алкоголизма. Приверженцы духовного лидера призывали население не употреблять алкоголь. В свою очередь, монополист в торговле алкоголем в этом поселении торговец Карл Йоханн Рут увидел прямую угрозу своему бизнесу и призвал на помощь представителей государственной и официальной духовной власти Норвегии с целью пресечения инакомыслия и экстремистских действий. В результате саамское население мобилизовалось и отреагировало на притеснения властей, убив самого торговца и устроив поджог его лавки, полицейского участка и дома «официального» священника от Государственной церкви Норвегии. Власти арестовали девять человек, двое из которых были казнены, а остальные умерли в заключении [14]. Этот исторический факт является первым примером открытого вооруженного сопротивления со стороны саамского населения в рамках поступательного развития их этнополитического движения.

118

На территории России в 1866 г. была создана Саамская (с начала ХХ в. Кольско-Лопарская) волость, где с 1868 г. был сформирован и начал свою деятельность «Коладаг соббарь» — саамский представительный народный орган на выборной основе [9]. В Норвегии 6 февраля 1917 г. в городе Тронхейм состоялось первое собрание саамов, в котором участвовали и представители Кольско-Лопарской волости. На собрании основным вопросом была консолидация всех саамов на территории Сапми с целью налаживания эффективного трансграничного взаимодействия.

Вторая половина ХХ века. Самоопределение

После окончания Второй мировой войны уровень взаимодействия саамов, несмотря на реальные попытки трансформации самосознания, требовал значительного повышения ввиду отсутствия идеологии национального единства в силу не только разделенности государственными границами, но и ощутимых языковых (диалектных) и культурных барьеров [19].

Лидеры этнополитического движения предприняли ряд целенаправленных действий, результатом которых стали обретение и утверждение в 1980-х — 1990-х гг. национальных атрибутов единого саамского народа: Международного дня саамов — 6 февраля (дата приурочена к первому собранию в 1917 г.), общенационального флага и гимна, единого языка и традиционной культуры. Обретение общенациональной политической символики сыграло существенную роль в формировании национального самосознания современных саамов.

Более того, в период самоопределения саамы сумели сформировать свои институты трансграничного управления: Союз саамов и регулярные саамские конференции [1; 6]. Союз саамов с момента своего основания в 1956 г. представлял собою реальную международную структуру,

объединяющую все саамские организации Сампи: на северной территории Норвегии и Финляндии, в Швеции и на Кольском полуострове России [10, р. 30]. Главная цель Союза — защита прав и интересов единого саамского народа [16, с. 272] и формирование пансаамской политики [4]. Союз саамов является постоянным членом Арктического совета, который с 1996 г. служит международной площадкой взаимодействия стран Арктики на принципе «исключительности» — вне конфликтов внешних политик государств.

Начало XXI века. Пансаамизм

В этот период происходит расцвет национального самосознания единого саамского народа с высоким уровнем самоопределения. При этом лидеры российских саамов играют активную роль и предпринимают попытки самоуправления на территории Мурманской области.

Организация Объединенных Наций в 2007 г. признала саамов коренным народом северной части Скандинавии и Кольского полуострова России. За ними закреплено право сохранять и развивать свой язык, образование, ремесла, народное творчество, традиции, самобытность уклада жизни и оленеводство [2].

В 2008 г. российскими лидерами саамского этнополитического движения был создан Саамский парламент Кольского полуострова России с целью обретения политического инструмента самоуправления саамского народа Мурманской области, организации взаимодействия с органами государственной власти и утверждения более весомого статуса саамов в международных саамских объединениях [7]. Значительную роль в создании парламента российских саамов сыграли члены норвежского Саамского парламента. Вместе с тем нужно признать, что этот орган выполнял лишь представительскую функцию. Для обретения законодательных полномочий по аналогии с саамскими парламентами в странах Северной Европы необходимы были внесения изменений в законодательство РФ не только на региональном, но и на федеральном уровне. Саамский парламент в России не нашел поддержки у официальных властей Мурманской области да и у части самих саамов не вызвал энтузиазма, скорее продвижение идеи расширения полномочий парламента носило характер инициативы отдельных личностей при поддержке политических зарубежных активистов. В итоге в 2018 г. этот орган был упразднен общим собранием саамов Кольского полуострова.

Иначе развивался процесс институционализации этнополитического движения саамов за пределами России. Тринадцатого января 2017 г. было подписано Единое скандинавское соглашение о коренных правах и культуре саамов между Финляндией, Норвегией и Швецией, значение которого трудно переоценить [17]. Переговоры и корректировки текста конвенции длились на протяжении более чем 11 лет. Россия изначально отказалась от взаимодействия по данному вопросу. Цель документа — защита и развитие органов самоуправления саамов, культуры, языка, образования и традиционного образа жизни при минимальном влиянии государственных границ в ареале проживания саамского народа, а также защита прав на землю, воду и средства к существованию. Несмотря на

долгие переговоры и тщательную проработку всех 46 статей конвенции, документ подвергся серьезной критике со стороны как специалистов в области права, так и самих саамских организаций. В настоящий момент данная конвенция не ратифицирована.

С 24 февраля 2022 года. Раскол и стагнация

Результаты развития этнополитического движения саамов в исторической ретроспективе впечатляющи, однако борьба за равенство, а скорее уже теперь и некое национальное превосходство в силу сформированного самосознания с явным этническим самоопределением, продолжается. Стоит заметить, что внешняя и внутренняя политика стран проживания саамского народа оказывает наиболее существенное влияние на понимание их собственной общности, политического единства.

120

Президент Российской Федерации В. Путин 24 февраля 2022 г. сообщил о начале специальной военной операции на Украине, которая продолжается до сих пор. На фоне этих событий с 10 апреля 2022 г. Союз саамов полностью остановил сотрудничество с российскими организациями-членами [11]. Такое решение было принято единогласно полным составом Рабочего комитета Союза. В среде саамского народа и официальных политических кругов государств проживания саамов обнаружили себя различные мнения на разворачивающиеся события.

В результате саамы зарубежной части Фенноскандии полностью разорвали отношения с российскими саамскими организациями, поставив под угрозу формирующееся единое национальное самосознание. После начала военной операции на Украине Российская саамская община распалась на две неравные части: некоторые саамы приняли участие как в пророссийских, так и в антироссийских акциях [20]. Так, политически активные представители саамов Мурманской области, активно взаимодействующие с североевропейскими институтами саамов, покинули Россию, в том числе с получением статуса политических беженцев.

Некоторые саамы воюют на стороне Украины против России, например бывший член Саамского парламента Норвегии Сандра Андерсон Эйра с самого начала специальной военной операции служит в медицинском подразделении Корпуса морской пехоты ВСУ [12]. Большая часть российских саамов остается политически пассивной и предпочитает следовать в фарватере правительственной политики.

Окончательным обрывом любой связи российских саамов со своим народом за рубежом стал выход России из Совета Баренцева/Евроарктического региона 18 сентября 2023 г., который Москва инициировала по собственному желанию в связи полным параличом его деятельности [3]. Фактически работа России в Совете была остановлена еще в октябре 2022 г., когда Финляндия после своего двухлетнего председательства не передала свои полномочия России ввиду антироссийского курса национального правительства. В результате приграничное сотрудничество и межрегиональные связи между Россией и странами Северной Европы были оборваны. Похожая ситуация на начало 2024 г. также может сло-

житься и в Арктическом совете, где после передачи Россией председательства Норвегии встает вопрос полной дискриминации статуса России в Совете.

В результате санкционная политика Запада в отношении России отрицательно влияет на повседневную жизнь всех коренных народов Арктики [15]. Она остановила какое-либо реальное сотрудничество между ними, которое строилось на протяжении долгого времени. Внешняя политика государств проживания саамов наносит ущерб национальному единству саамского народа и ставит под угрозу позитивный курс этнополитического движения саамов в Арктическом регионе. Действия государств Северной Европы по изоляции России, отказ от построения институтов трансграничного взаимодействия на территории Сапми, а также от ее социально-экономического развития, укрепления культурных связей, защиты окружающей среды и экологии наносят колоссальный ущерб коренному населению арктических территорий и ставят под угрозу существование единого саамского народа в перспективе.

Для изменения сложившейся нездоровой ситуации необходимо абстрагирование пансаамской политики от внешних политик государств с целью сохранения единства народа и формирования безопасной платформы для взаимодействия и сотрудничества хотя бы в области культуры и образования. Для трансформации этнополитического движения саамов в позитивном направлении следует преодолеть стагнацию нынешнего этапа его развития посредством деполяризации социогуманитарных сфер сотрудничества. Сложившаяся сегодня ситуация ярко демонстрирует верховенство государственных политик и законов стран проживания саамского народа над Сапми и реальную зависимость политической саамской элиты от внешних международных факторов и давления «чужих» лидеров большинства. В ситуации затянувшейся остановки саамского движения политическим лидерам следует беспристрастно оценить положение, осознать иррациональность принятых решений в отношении части собственного народа или же дать дорогу новой пансаамской политической элите для возобновления развития этнополитического движения саамов в Арктическом регионе на основе пансаамизма.

Список литературы

1. *Declarations of the Saami Conferences* // The Saami Council. URL: <https://www.saamicouncil.net/en/declarations> (дата обращения: 26.07.2024).
2. *Декларация* Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией №61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 24.12.2024).
3. *Заявление* МИД Российской Федерации о выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899 (дата обращения: 14.01.2024).
4. *Корнеев В. С., Максименко А. С.* Роль Союза саамов в институализации пансаамизма // *Власть*. 2021. Т. 29, №3. С. 138 – 141.

5. Максименко А. С. Феномен этнополитического движения саамов в Арктическом регионе // Вестник развития науки и образования. 2018. №7. С. 4–10.
6. Союз Саамов // Арктический Совет. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/saami-council/> (дата обращения: 26.07.2024).
7. Положение о Куэллинегк нёарк самь соббар // Саамский парламент Кольского полуострова. URL: https://saamisups.ucoz.ru/publ/polozhenie_knss/1-1-0-99 (дата обращения: 25.07.2024).
8. Саамы // Кольский район. URL: <https://akolr.gov-murman.ru/region/saami-1.php> (дата обращения: 23.01.2024).
9. Историческая справка // Филиал ГРДНТ им. В. Д. Поленова «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации». URL: https://www.finnougoria.ru/community/folk/section.php?SECTION_ID=354&ELEMENT_ID=2404 (дата обращения: 24.01.2024).
10. Coates K., Holroyd C. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. Cham, 2020.
11. Cooperation with Russian side on hold // Sámirádd. URL: <https://www.saamicouncil.net/news-archive/cooperation-with-russian-side-on-hold?rq=russia> (дата обращения: 14.01.2024).
12. From the War Zone: A Foreign Fighter in Ukraine and Her Time on the Ground // Strike Source. URL: <https://strikesource.com/2023/01/19/from-the-war-zone-a-foreign-fighter-in-ukraine-and-her-time-on-the-ground/> (дата обращения: 22.01.2024).
13. Fur G. Saami and Lenapes Meet Swedish Colonizers in the Seventeenth Century // Readings in Saami History, Culture, and Language. 1992. Vol. 3, №14. P. 41–62.
14. Kristiansen R. E. The Kautokeino Rebellion 1852. Sami Culture. 1999. URL: <https://www.laits.utexas.edu/sami/dieda/hist/kautokeino.htm> (дата обращения: 26.07.2024).
15. Lønsmann A. L. Langt fra fronten mærker de oprindelige folk konsekvenserne af Vestens sanktioner // Arktis. URL: <https://www.altinget.dk/arktis/artikel/langt-fra-frontlinjen-rammer-vestens-sanktionspolitik-de-oprindelige-folk-i-arktis> (дата обращения: 18.01.2024).
16. Maaka R., Anderson C. The Indigenous Experience: Global Perspectives. Toronto, 2006.
17. Nordic Sami Convention. URL: <https://www.sametinget.se/105173> (дата обращения: 25.01.2024).
18. Oksanen A.-A. The Indigenous Dimension of the Intersocietal: Dussel, Exteriority and the Sámi People // Millennium. 2021. Vol. 50, iss. 1. P. 83–109. <https://doi.org/10.1177/03058298211050671>.
19. Paine R. Changes in the Ecological and Economic Bases in a Coast Lappish District // Southwestern Journal of Anthropology. 1958. Vol. 14, №2. P. 168–88.
20. Zmyvalova E. The Impact of the War in Ukraine on the Indigenous Small-numbered Peoples Rights in Russia // Arctic Review on Law and Politics. 2022. Vol. 13. P. 407–414. <http://dx.doi.org/10.23865/arctic.v13.4058>.

Об авторе

Алёна Сергеевна Максименко — соискатель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: alyona.maksimenko@gmail.com

A. S. Maksimenko

**ETHNOPOLITICAL MOVEMENT OF THE SÁMI
IN THE ARCTIC REGION:
FROM DEVELOPMENT TO STAGNATION**

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 04 February 2024

Accepted 01 March 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-10

123

To cite this article: Maksimenko A.S. 2024, Ethnopolitical movement of the Sámi in the Arctic region: from development to stagnation, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 115–123. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-10.

The ethnopolitical movement of the Sámi in the Arctic region is examined through significant events in its development, including during Russia's special military operation in Ukraine. The author attempts to assess the current stage of the movement's development and justify factors of its stagnation, proposing potential positive change scenarios based on the analysis of leading scholarly works in ethnopolitics and international relations, as well as open official internet resources of international organizations and periodical news publications. As a result, the author suggests considering five main stages in the development of the Sámi ethnopolitical movement against the backdrop of gradual formation of close international cooperation and cross-border interaction among the countries where this indigenous Arctic people reside. It is identified that the collective West's sanction policy against Russia negatively impacts the national consciousness of the Sámi people and the status of unity, which is unequivocally ignored by their own political leaders, leading the ethnopolitical movement to acute stagnation. This crisis is proposed to be seen as an opportunity to rethink the long historical journey of the Sámi towards relative political autonomy within the framework of pan-Sámi policy.'

Keywords: Ethnopolitics, Ethnopolitical movements, Sámi people, Sámpi, Pansaamism, Fennoscandia, Indigenous peoples, Arctic

The author

Alena S. Maksimenko, doctoral candidate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: alyona.maksimenko@gmail.com

**ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ
В ВЕСТНИКЕ БФУ им. И. КАНТА
Серия: Гуманитарные и общественные науки**

Правила публикации статей в журнале

124

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — не менее 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Все присланные в редакцию работы проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Рецензентами выступают как члены редакционной коллегии журнала, так и внешние эксперты.

5. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <https://journals.kantiana.ru/submit/> и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

6. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

7. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске журнала один раз; второй раз — в соавторстве (в исключительном случае и только по решению редакционной коллегии).

8. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

а) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

б) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (*до 12 слов*);

в) аннотацию на русском и английском языках (*150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков*). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

г) ключевые слова на русском и английском языках (*4 – 8 слов*). Располагаются перед текстом после аннотации;

д) список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Должен включать от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК, и (или) в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10 % от списка использованных источников;

е) сведения об авторах на русском и английском языках (ФИО полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), e-mail, ORCID);

ж) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра — номер источника, вторая — номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/vestnik/society/rules/>

Порядок рецензирования рукописей статей

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2. Ответственный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

- а) степень интереса тематики для читателей журнала;
- б) степень оригинальности статьи;
- в) точность и адекватность представленной информация;
- г) знание существующего состояния дел по данной проблематики;
- д) стиль и манера изложения;
- е) логичность построения статьи;

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией журнала.

9. После принятия редколлегией журнала решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

11. Редакция журнала «Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки» направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Гуманитарные и общественные науки

2024

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 00.08.2024 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,0

Тираж 300 экз. (1-й завод 40 экз.). Цена свободная. Заказ ??

Подписной индекс 94114

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14